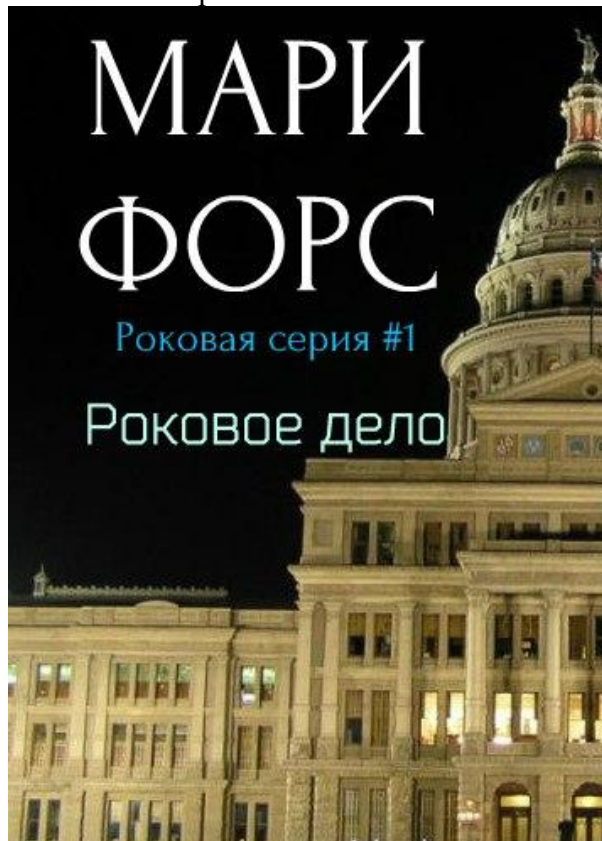

Мари Форс
«Роковое дело»
серия «Роковая #1»

*переводчик – Анастасия Конотоп
вычитка – Наталия Павлова
оформление – Наталия Павлова*

перевод выполнен для группы – https://vk.com/beautiful_translation

***Любое копирование текста без ссылки на группу и Переводчика
– ЗАПРЕЩЕНО!
Уважайте чужой труд, пожалуйста!***

Аннотация:

Сэм Холланд, детективу – сержанту Городской полиции города Вашингтона, округ Колумбия, после последнего дела, закончившегося катастрофой, нужна серьезная победа, чтобы спасти карьеру и вернуть доверие к себе. Идеальная возможность появляется, когда в своей постели найден убитым с особой жестокостью сенатор Джон О'Коннор. Сэм поручают расследовать его убийство. Все усложняется, когда детективу Холланд приходится работать в связке с Ником Каппуано, другом сенатора, главой его предвыборного штаба... и женщиной, с которой Сэм провела когда-то одну-единственную, но памятную ночь. Взаимное притяжение между ними все еще не угасло, и Сэм должна прилагать немало усилий, чтобы сосредоточиться на расследовании. Она не может позволить себе такую ошибку – спать с важным свидетелем. Особенно когда трупы так и копятяся.

Глава 1

Первым он почувствовал запах.

– Фу, что это, черт возьми?

Ник Каппуано опустил ключ в карман пальто и вошел в просторную и хорошо обставленную квартиру, которую босс Ника, сенатор Джон О’Коннор, унаследовал от отца.

– Сенатор!

Ник попытался вспомнить, что это за противный, отдающий металлом запах.

Проходя по гостиной, Ник заметил разбросанные по диванам и стульям по пути в спальню части костюма, который вчера надевал Джон. Он звонил накануне вечером, чтобы поговорить с Ником после ужина с руководством Вирджинского отделения Демократической партии, и сказал, что едет домой. Каппуано напомнил своему тридцатилетнему боссу, чтобы тот не забыл поставить будильник.

– Сенатор?

Джон терпеть не мог, когда Ник так звал его, когда они были вдвоем, но тот настаивал, что окружение сенатора должно выказывать уважение к его титулу.

Странное зловоние по всей квартире вызвало тревогу, от чего на затылке Ника зашевелились волосы.

– Джон?

Он вошел в спальню и ахнул. Весь в крови Джон сидел на кровати с открытыми, но пустыми глазами. Вонзенный в горло нож удерживал его на месте, пригвоздив к изголовью. Руки покоились на коленях в луже крови.

Ник ощутил тошноту и, последнее что он заметил, убегая в ванную – где его вырвало, – изо рта Джона что-то торчит.

Когда, наконец, рвота утихла, Ник поднялся на ослабевших ногах, вытер рот тыльной стороной ладони и постоял, опершись на раковину, прислушиваясь, будут ли еще позывы. Зазвонил его сотовый. Когда Ник не ответил, то завибрировал пейджер. Как найти силы ответить, сказать роковые слова, которые изменят все? *Сенатор мертв. Джона убили.* Хотелось вернуться к тому моменту, когда все еще был в своей машине, негодую и думая, что самая большая проблема сегодня – это что же делать с большим ребенком, на которого работал, который в очередной раз проспал.

В голове Ника вспыхнули воспоминания о Джоне, о том, как они встретились первый раз в классе истории в Гарварде на первом курсе, сотни кусочков в калейдоскопе почти двадцатилетней дружбы. Будто пытаешься удостовериться, что глаза не обманывают его, Ник наклонился и выглянул в спальню, содрогаясь при виде лучшего друга – названного брата – заколотого в шею и покрытого кровью.

Глаза обожгли слезы, но Ник подавил их. Не сейчас. Может, потом, но не сейчас. Снова зазвонил телефон. На сей раз Ник взял его и увидел, что это Кристина, его заместитель, но не стал отвечать. Вместо того набрал 911.

Глубоко вздохнул, чтобы унять бьющееся сердце, и, сделав нечеловеческую попытку удержать истеричные ноты в голосе, сказал:

– Я хочу заявить об убийстве.

Потом продиктовал адрес, пошатываясь прошел в гостиную и стал ждать полицию, все время пытаюсь отогнать маячивший перед глазами образ убитого друга, картину, которая, как Ник понимал, будет вечно преследовать его.

Двадцать минут спустя появились двое полицейских, бросили взгляд в спальню и вызвали по рации подкрепление. Ник понял, что ни один из них не узнал жертву.

Он чувствовал, словно его затягивает в пучину, утягивая все дальше и дальше от безопасного берега, с каждым разом становилось все сложнее дышать. Он рассказал копам в точности, что произошло: босс не появился на работе, и Ник отправился на его поиски и нашел мертвым.

– Как зовут босса?

– Сенатор Соединенных Штатов Джон О’Коннор.

Ник увидел, как оба молодых офицера мгновенно побледнели и тут же кинулись снова звонить начальству.

– Еще один скандал в «Уотергейте», - услышал он, как пробормотал один из них.

Вновь зазвонил сотовый. На этот раз Ник тихо ответил:

– Да.

– *Ник!* – кричала Кристина. – *Черт* возьми, где вы? У Тревора уже сердечный приступ!

Она имела в виду их директора по связям с общественностью, у которого на это утро в расписании для сенатора шли одно за другим интервью.

– Он умер, Крис.

– Кто умер? О чем ты говоришь?

– Джон.

Ее тихий вскрик разорвал ему сердце:

– *Нет.*

Для Ника не было секретом, что она была безнадежно влюблена в Джона. То, что Кристина как истинный профессионал никогда бы не выдала своих чувств, было одной из причин, по которой Ник ее уважал.

– Прости, что так сразу выпалил.

– Как он умер? – спросила Кристина упавшим голосом.

– Заколот в постели.

Ее опустошающий стон эхом отдался в телефоне:

– Но кто... То есть – *за что?*

– Здесь полиция, но я еще ничего не знаю. Мне нужно, чтобы ты потребовала отсрочку по голосованию.

– Я не могу, – сказала она и добавила шепотом. – Прямо сейчас я не могу ни о чем думать.

– Ты должна, Крис. Этот закон - его детище. Мы не можем позволить, чтобы вся его тяжелая работа превратилась в ничто. Можешь сделать? Ради него...

– Да... хорошо.

– Тебе придется взять себя в руки ради команды, но пока ничего им не говори. До того, как оповестят родителей.

– О, Боже, бедные его родители. Ты должен поехать сам, Ник. Пусть они услышат эту новость от тебя, а не от незнакомых полицейских.

– Не знаю, смогу ли. Как сказать близким, что их сын мертв?

– Он бы хотел, чтобы родители узнали от тебя.

– Что ж, ты права. Я спрошу, разрешит ли мне полиция.

– Что мы будем делать без него, Ник? – Крис задала вопрос, который неотвязно преследовал Ника. – Просто не могу представить этот мир, нашу *жизнь* без него.

– Я тоже не могу, - сказал Ник, понимая, насколько станет другой жизнь без Джона, вокруг которого все вращалось.

– Он в самом деле умер? – переспросила она, будто хотела убедиться, что это не чья-то жестокая шутка. – Кто-то его убил?

– Да.

Стоя перед кабинетом шефа, детектив-сержант Сэм Холланд пригладила волосы цвета ириски, которые на работе собирала заколкой, ущипнула щеки, неделями не видевшие солнца, и расправила складки на сером жакете, надетом поверх красного топа.

Глубоко вздохнув, чтобы успокоить нервы и унять хроническую боль в желудке, она толкнула дверь и зашла. Секретарша шефа Фарнсуорта с улыбкой поприветствовала Сэм:

– Проходите к нему, сержант Холланд. Он вас ждет.

«Отлично», – подумала Сэм и наградила секретаршу слабым подобием улыбки.

Не дав себе возможность поджать хвост, развернуться и сбежать, она согнала с лица гримасу и вошла.

– Сержант.

Шеф, мужчина, которого детектив Холланд некогда звала дядя Джо, встал и вышел из-за большого стола, чтобы крепко пожать ей руку. Серые глаза окинули Сэм заботливым и доброжелательным взглядом – что-то новенькое с тех пор, как произошел тот «несчастный случай». Раньше такого не было.

– Хорошо выглядишь.

– Да и чувствую себя хорошо.

– Рад слышать. – Он жестом показал на стул. – Кофе?

– Нет, спасибо.

Наливая себе чашечку, шеф оглянулся через плечо:

– Я переживал за тебя, Сэм.

– Мне жаль, что я заставила вас переживать. И что опозорила департамент.

Впервые ей представилась возможность поговорить с начальником начистоту с тех пор, как вернулась из месячного административного отпуска, во время которого она зазубривала эту фразу снова и снова. И думала, что выдала ее с убедительной искренностью.

– Сэм, – вздохнул шеф и уселся напротив, обхватив большими ладонями кружку. – Ты ничем не опозорила ни департамент, ни себя. Все совершают ошибки.

– Но не все совершают ошибки, в результате которых гибнет ребенок, шеф.

Он долго и пристально изучал ее, словно принимал какое-то решение.

– Сегодня утром в своей квартире найден мертвым сенатор Джон О’Коннор.

– *Господи*, – удивилась Сэм. – Как?

– Все подробности мне неизвестны, но судя по тому, что мне сказали, кажется, ему отрезали член, а после перерезали горло. По всей видимости, тело сенатора обнаружил руководитель его предвыборного штаба.

– Ник, – тихо сказала она.

– Прости?

– Руководитель предвыборного штаба О’Коннора – Ник Каппуано.

– Ты его знаешь?

– Общались. Много лет назад, – добавила Сэм. Она поразилась, воспоминания о ней до сих пор не дают ей покоя, и при звуке его имени, слетевшем с ее губ, сердце застучало сильнее.

– Я назначаю тебя на это дело.

Удивленная, что ей поручают такое дело, едва она вернулась к работе, она не смогла удержаться и спросила:

– Почему меня?

– Потому что тебе это нужно так же, как и мне. Нам обоим нужно раскрытое громкое дело.

Пресса безжалостно обрушилась на него, на нее, на весь департамент, но услышав от начальника это признание, Сэм стало больно. Ее отец прошел весь путь, поднимаясь по служебной лестнице вместе с Фарнсуортом. Видимо, это одна из причин, почему ее еще не уволили.

– Это мое испытание? Найди убийцу сенатора, и все грехи простятся?

Шеф отставил кружку с кофе и наклонился вперед, поставив локти на колени:

– Единственный человек, от которого тебе нужно прощение, – ты сама, Сэм.

Взбешенная всплеском эмоций, что вызвали его тихо произнесенные слова, Сэм прочистила горло и встала:

– Где живет О’Коннор?

– В «Уотергейте». Двое патрульных уже там. Место преступления оказалось им по дороге. – Шеф вручил ей листок бумаги с адресом. – Мне не требуется говорить тебе, что в этом расследовании нужно действовать с крайней осторожностью.

Ему также не нужно говорить ей, что это ее единственный шанс на возвращение.

– Федералы не захотят забрать дело?

– Могли бы, но случившееся не в их юрисдикции, и они это знают. Хотя и будут дышать мне в спину, поэтому рапорты посылай прямо ко мне. Я хочу знать все, что ты делаешь, каждые десять минут. Со Сталом я улажу, – добавил он, имея в виду лейтенанта, перед которым отчитывалась Сэм.

– Я вас не подведу, – направляясь к двери, обронила она.

– Ты и прежде никогда не подводила.

Уже взявшись за ручку двери, Сэм повернулась к шефу:

– Вы говорите как шеф полиции или как дядя Джо?

На лице его появилась еле уловимая, но искренняя улыбка. – И тот и другой.

Глава 2

Сидя на диване под пристальным взглядом двух полицейских, Ник мысленно перебирал умопомрачительное количество дел, которые требовалось сделать, мелочей, которым следовало уделить внимание, людей, с которыми надо связаться. Его сотовый непрестанно звонил, но Ник не обращал на него внимания, после того как решил, что не станет ни с кем говорить, пока не увидится с родителями Джона. Почти двадцать лет назад они мгновенно прониклись симпатией к бедному, учившемуся на стипендию студенту, которого их сын привез с собой из Гарварда на уикенд, и приняли Ника в свою семью. Он стольким им обязан. По меньшей мере, от него они по возможности должны услышать весть о смерти своего сына.

Ник провел ладонью по волосам.

– Долго еще?

– Детективы уже выехали.

Десять минут спустя он скорее услышал, чем увидел ее. Налетевший шквал активности и бурная энергия предвосхитили появление в квартире детективов. Ник подавил стон. *Разве не достаточно того, что его друг и босс убит? Ему еще с ней придется столкнуться лицом к лицу? Разве в районе не тысячи копов? Она что, единственная, кто не занят?*

Сэм вошла в квартиру, источая власть и профессионализм. Ник знал о ее последних неприятностях и поверить не мог: на ней от них и следа не осталось.

– Огородите лентой место преступления, – приказала она одному из полицейских. – Начните регистрировать, кто и когда сюда входил. Никто не войдет и не выйдет без моего ведома, поняли?

– Да, мэм. Патрульный сержант едет вместе с заместителем начальника полиции Конклином и капитаном Мэлоуном.

– Дайте знать, когда они появятся.

Ник наблюдал, как, едва бросив взгляд в его сторону, она прошла по квартире и исчезла в спальне. Следуя за ней, молодой красавчик детектив с взъерошенными – словно только что вылез из постели – волосами кивнул Нику.

Он услышал неразборчивые голоса из спальни и увидел вспышку камеры. Пятнадцать минут спустя детективы появились – уже заметно бледнее. Почему-то Ник порадовался, что те, кто работали над делом, не были столь пресыщены, чтобы на них не произвело впечатления только что увиденное.

– Начни опрос соседей, – отдала распоряжение напарнику Сэм. – Где, черт возьми, криминалисты?

– Задержались на другом месте преступления, – ответил патрульный.

Детектив, наконец, повернулась к Нику: ничто в ее светло-голубых глазах не выдало, что она узнала или помнит его. Впрочем, Сэм не представилась и не спросила его имя – это подсказало ему, что она точно знает, кто он такой.

– Нам нужны ваши отпечатки.

– Они в личном деле, – пробормотал Ник. – Все, кто имеет отношение к Конгрессу, проходят проверку.

Она что-то черкнула в записной книжке, которую вытащила из заднего кармана серых облегающих брюк. Ее прекрасное лицо носило отпечатки времени, которых не было, когда Ник последний раз имел возможность близко посмотреть на него. Он не мог сказать, стали ли ее волосы длиннее, поскольку они были собраны на затылке. Стройная фигура и бесконечные ноги совсем не изменились.

– Взлома нет, – отметила Сэм. – У кого есть ключи?

– Лучше спросить у *кого их нет?*

– Мне нужен список. Полагаю, у вас ключ есть.

Ник кивнул.

– Иначе как бы я вошел?

– Сенатор с кем-нибудь встречался?

– Ничего серьезного, но недостатка в женском обществе не испытывал.

И не уточнил, что знакомства и секс со случайными женщинами часто были причиной споров между ним и его другом: Ник опасался, что личная жизнь Джона когда-нибудь приведет к неприятностям на политическом поприще. Но и представить не мог, что это могло бы привести к убийству.

– Когда последний раз вы его видели?

– Прошлым вечером, когда он уезжал из офиса на ужин, устраиваемый демократами Вирджинии. Около шести тридцати.

– Говорили с ним?

– Около десяти, когда сенатор сообщил, что едет домой.

– Один?

– Он не сказал, а я не спрашивал.

– Расскажите, что произошло сегодня утром.

Ник рассказал, начиная с семи утра: как Кристина безуспешно пыталась дозвониться Джону, как сам Ник пришел в квартиру, думая, что сенатор в очередной раз не услышал будильник и проспал.

– Такое прежде случалось?

– Нет, прежде его не убивали.

На лице Сэм ничего не отразилось, она лишь внимательно посмотрела на него.

– Вы считаете, это повод для шуток?

– Вряд ли. Умер мой лучший друг, сержант. Убит сенатор Соединенных Штатов. Какие уж тут шутки?

– Вот поэтому вам нужно отвечать на вопросы и придержать дурацкий юмор для более подходящих случаев.

Сдерживаясь, Ник сказал:

– Он не слышал будильник и не отвечал на звонки телефонов, по меньшей мере, раз, если не дважды, в месяц.

– Он пил?

– В соответствии с положением, но я никогда его пьяным не видел.

– Принимал лекарства? Снотворное?

– Просто слишком крепко спал, – покачал головой Ник.

– И руководителю предвыборного штаба достается забота будить его? А что, больше никого нельзя было послать?

– Сенатор ценил неприкосновенность частной жизни. Случалось, что он оказывался не один, и никто из нас не горел желанием сделать его личную жизнь достоянием общности.

– Но его не волновало, что лично вы знаете, с кем он спит?

– Он знал, что может рассчитывать на мое молчание. – Ник поднял взгляд. И оказался не готов к удару под дых, настигнутому его, когда встретился с ней глазами. И подумал, глядя на непроницаемое выражение лица Сэм, почувствовала ли она то же самое? – Нужно сообщить его родителям. Я хотел бы сделать это сам.

Сэм долго изучала его, потом сказала:

– Я устрою. Где они живут?

– На своей ферме в Лисбурге. Нужно поторопиться. Мы отсрочиваем голосование, которое готовили несколько месяцев. Во всех новостях появится, что случились непредвиденные обстоятельства.

– Что за голосование?

Он рассказал о поворотном законе об иммиграции и роли в нем Джона, как соавтора законопроекта.

Коротко кивнув, Сэм ушла.

Час спустя Ник ехал пассажиром во внедорожнике без опознавательных знаков, принадлежавшем городской полиции. За рулем сидела Сэм. Они направлялись на запад в Лисбург. Она оставила напарнику впечатляющий список инструкций и настояла на том, чтобы сопровождать Ника для разговора с родителями Джона.

– Тебе нужно перекусить?

Ник отрицательно покачал головой. О еде он даже думать не мог, учитывая, что ему предстояло сделать. Кроме того, желудок еще не оправился от недавнего приступа рвоты.

– Знаешь, мы все еще можем позвонить в отделение полиции Лаудуна или в полицию штата Вирджинии и поручить это им, – уже во второй раз предложила Сэм.

– Нет.

После неловкого молчания она сказала:

– Я сожалею о случившемся с твоим другом. И что тебе пришлось все это увидеть.

– Спасибо.

– Ты собираешься ответить? – спросила Сэм, имея в виду его безостановочно звонивший телефон.

– Нет.

– Тогда, может, выключишь? Терпеть не могу без конца звонящие телефоны.

Потянувшись к ремню, он выхватил «блэкберри». Ник еще не мог оправиться после зрелища, как уносят Джона в пластиковом мешке. Прежде чем отключить устройство, он позвонил Кристине.

– Эй, – ответила та голосом, полным облегчения и волнения. – Я пыталась до тебя дозвониться.

– Прости. – Расслабляя галстук и расстегивая верхнюю пуговицу, он бросил косой взгляд на Сэм, чей теплый женский аромат заполнял тесное пространство салона. – Я общался с копами.

– Где ты сейчас?

– Еду в Лисбург.

– Бог мой, – вздохнула Кристина. – Не завидую тебе. Как ты?

– Лучше не бывает.

– Прости. Глупый вопрос.

– Все в порядке. Кто бы знал, что нужно делать или говорить в такой ситуации. Ты отсрочила голосование?

– Да, но Мартина и Макдугала хватил удар, – сказала она, имея в виду со-поручителя законопроекта Джона и лидера большинства Демократической партии. – Они требуют информации, что происходит.

– Придержи их. Еще час. Может, два. То же самое и с командой. Я дам добро, как только поговорю с родителями.

– Хорошо. Все понимают, что что-то случилось, потому что Полиция Капитолия опечатала офис Джона и никому не разрешает входить туда.

– Потому что копы ждут ордер на обыск, – пояснил ей Ник.

– Зачем им нужен ордер, чтобы обыскать офис жертвы?

– Что-то связанное с цепью сохранности улики и спокойствия Полиция Капитолия.

– О, понимаю. Я тут думала, что нам стоит поручить Тревору подготовить заявление для прессы.

– Вот поэтому я и звоню.

– Мы сделаем.

Казалось по голосу, ей стало легче, что можно что-то делать.

– Ты в состоянии поговорить с Тревором? Или хочешь, я сам поговорю?

– Думаю, смогу, но спасибо, что спросил.

– Как ты? Держишься? – спросил Ник.

– Я потрясена... все эти обязательства и планы пропали... – Она снова заплакала. – Когда пройдет шок, будет ужасно больно.

– Да, - тихо подтвердил он. – Без сомнения.

– Я буду тут, если тебе что-нибудь понадобится.

– Я тоже, но на время отключу телефон. Без конца звонят.

– Я вышлю по электронной почте текст заявления, когда мы его подготовим.

– Спасибо, Кристина. Позже позвоню. – Ник закончил разговор, просмотрел последние сообщения по e-мэйлу: неожиданной новостью стало излияние испуга и беспокойства по поводу отсрочки голосования. Одно подобное послание поступило лично от сенатора Мартина: «Что, твою мать, происходит, Каппуано?»

Вздыхнув, он выключил «блэкберри» и сунул в карман пальто.

– Это была твоя девушка? – поразив Ника, спросила Сэм.

– Нет, мой заместитель.

– А.

Размышляя, почему она поинтересовалась, Ник добавил:

– Мы давно работаем вместе. И хорошие друзья.

– С чего это ты так ошетинился?

– А у тебя что, какие-то проблемы?

– Да никаких. Это у тебя проблемы.

– Так все это грандиозное давление, пресса, которая тебе недавно досаждала, для тебя не проблема?

– Ба, Ник, я и не подозревала, что тебе есть до этого дело.

– А мне и нет.

– Да, ты это ясно дал понять.

Он повернулся и уставился на нее.

– *Ты серьезно?* Это ведь ты не ответила ни на один мой звонок.

Сэм воззрилась на него: на лице одно сплошное удивление.

– Какие такие звонки?

После того как долго рассматривал ее с недоверием, он откинулся на сиденье и уставился на поток машин, деливших с ними федеральную автостраду.

В неловком молчании миновало несколько минут.

– Какие звонки, Ник?

– Я тебе звонил, - тихо промолвил он. – Несколько дней после той ночи я пытался связаться с тобой.

– Я не знала, - с запинкой произнесла Сэм. – Мне никто не сказал.

– Сейчас это уже неважно. Много воды утекло с тех пор.

Впрочем, если его реакция, когда он увидел ее снова после того, как шесть лет только о ней и думал, о чем-то говорила, то, видать, все-таки *было важно*. И очень важно.

Глава 3

Лисбург, графство Лаудун, штат Вирджиния, столица коневодческих ферм Старого доминиона (*прозвище штата Вирджиния – прим. пер.*), располагался в тридцати пяти милях к западу от Вашингтона. Пологие холмы и зеленые пастбища графства способствовали развитию коневодства. Посвятив сорок лет Сенату и выйдя в отставку, Грэхем О’Коннор с женой переехали в семейное поместье на окраине Лисбурга, чтобы всей душой отдаться своей страсти к разведению лошадей. Жизнь пары вращалась вокруг стиплчезов, гончих, охоты и Бельмонтского загородного клуба.

Чем ближе подъезжала Сэм к Лисбургу, тем напряженней становился Ник. Он откинул на сиденье голову и закрыл глаза, готовясь сообщить родителям друга страшное известие.

– У него были враги? – спросила Сэм после продолжительного молчания.

– За всю жизнь у него не было ни одного врага, – ответил, не открывая глаз, Ник.

– Я бы сказала, сегодняшние события доказывают обратное. Давай, выкладывай. В политике все обзаводятся врагами.

Он открыл глаза и посмотрел прямо на нее.

– У Джона О’Коннора их не было.

– Политик без единого врага? Мужчина с внешностью греческого бога без постоянной любовницы?

– Греческий бог, да? – спросил Ник, чуть улыбнувшись. – Вот, значит, как?

– Кому-то же он должен был не нравиться? Нельзя быть известной личностью и не вызывать при этом чью-то ревность или зависть.

– Джон не вселял такие чувства в людей. – Сердце Ника болело, когда он думал о друге. – Он был своим парнем. С любым мог найти общий язык.

– То есть привилегированный сын мультимиллионера-сенатора общался с простым народом?

– Ну да, – тихо сказал Ник, уносясь мыслями в прошлое. – Он дружил со мной. С того момента, как мы познакомились на курсе истории в Гарварде, он обращался со мной как с давно потерянным и вновь обретенным братом. Я вышел из ниоткуда. Учился на стипендию и чувствовал себя не в своей тарелке, пока Джон не взял меня под свое крыло и не дал почувствовать, что у меня столько же оснований быть в Гарварде, сколько у любого другого.

– А что насчет Сената? Соперники? Кто-нибудь завидовал его успеху? Кому-то мешал закон, который вы проводили?

– Джон не столь уж преуспевал в Сенате, чтобы вызывать зависть. Ему хорошо удавалось находить решения в спорных вопросах. Такова была его роль для партии. Он мог заставить людей прислушаться к себе. Даже когда с ним не были согласны, его выслушивали. – Ник посмотрел на Сэм. – Это как-то поможет в расследовании?

Секунду она раздумывала.

– Это преступление на почве страсти. Если кто-то отрезает член мужику и засовывает тому в рот, этот кто-то явно хочет сильно выразиться.

Сердце Ника сбилось с ритма.

- Так *вот* что было у него во рту!
- Прости, - поморщилась Сэм. – Я думала, ты видел...
- Господи.

Он открыл окно, чтобы глотнуть свежего воздуха в надежде, что это удержит его от нового приступа тошноты.

– Ник, с тобой все в порядке? – В ответ раздался глубокий вздох. – У тебя есть какая-нибудь идея, что могло послужить причиной такого обращения с ним?

- Не могу вспомнить никого, кому он не нравился, кто настолько его ненавидел.
- Ясно, что кто-то такой был.

Ник показал ей путь к загородному особняку О'Конноров. Они проехали длинную широкую подъездную дорогу, ведущую к кирпичному дому на вершине холма. Когда Ник взялся за ручку дверцы, Сэм остановила его, придерживая за руку.

Он опустил взгляд на ее руку, потом поднял глаза и увидел, что Сэм пытливо изучает его.

- Прежде чем войдем, мне придется тебя кое о чем спросить.
- О чем?

– Где ты был между десятью вечера и семью часами утра?

– Я *подозреваемый*? – недоверчиво уставившись на нее, спросил Ник.

– Подозреваются все, пока мы не исключили обратное.

– Я всю ночь был в офисе, готовясь к голосованию до пяти тридцати утра, потом на час ходил в спортзал, – ответил он, гневно стиснув зубы от горя и разочарования, от того, что сейчас предстоит узнать людям, которых он любит.

– Кто-нибудь может это подтвердить?

– Несколько человек из моей команды, которые работали со мной.

– Тебя видели в спортзале?

– Там тоже было несколько человек. Есть запись о входе и выходе.

– Хорошо, – узнав, что у него есть алиби, Сэм испытала видимое облегчение. – Очень хорошо.

Ник бросил мельком взгляд на припаркованные на дороге машины и выругался вполголоса. «Порше» Терри стоял рядом с «вольво», принадлежавшим сестре Джона, Лизбет, которая, наверно, приехала в гости с двумя детьми.

– Что?

– Вся семья в сборе. – Ник потер переносицу, надеясь облегчить боль где-то за правым глазом. – Увидев меня, они сразу же поймут, что что-то не так, поэтому не свети своим значком, ладно?

– Я и не собиралась, – возмутилась Сэм.

Удивленный ее тоном, Ник предложил.

– Ну что ж, тогда давай побыстрее покончим с этим.

Поднялся по ступенькам и позвонил.

Старая женщина в сером костюме с надписью «Найкс» открыла дверь и встретила Ника теплой улыбкой.

– Ник! Какой приятный сюрприз! Входи же.

– Привет, Кэрри, – поздоровался тот, целуя ее в щеку. – Это сержант Сэм Холланд. Кэрри тут как родная и держит всех в кулаке.

– Нелегкая задача. – Кэрри пожала протянутую руку Сэм и смерила молодую женщину взглядом, прежде чем обернуться с явным одобрением к Нику. – Я годами твердила Нику, что ему нужно остепениться...

– Перестань, Кэрри. – Он попытался изобразить легкий тон, хотя на душе было тяжело и сердце давило из-за того, что предстоит сообщить ей и всем остальным. Как бы Ник хотел сейчас представлять своей «семье» новую подругу. – Остальные в доме?

– Пошли с детьми смотреть лошадей. Я их позову им.

Ник положил ладонь на руку Кэрри.

– Скажи им, чтобы оставили детей в конюшне, ладно?

Женщина сощурила мудрые старые глаза, на сей раз, разглядев отражавшиеся на его лице скорбь и печаль.

– Ник?

– Позови их, Кэрри.

Глядя ей вслед, Ник сгорбился под тяжестью того, что должен сообщить ей, всем им, и, к удивлению, почувствовал руку Сэм на плече. Он обернулся к ней и снова был застигнут врасплох охватившей его бурей эмоций, когда увидел смотревшие на него с участием светло-голубые глаза.

Затаив дыхание, они долго смотрели друг на друга, пока не услышали, как возвращается Кэрри. Ник оторвал взгляд от Сэм и повернулся к Кэрри.

– Будут здесь через минуту, – сказала та, явно стараясь сохранить самообладание и выдержку перед тем, что ей предстояло услышать. – Хочешь что-нибудь?

– Нет, – ответил Ник. – Спасибо.

– Проходите в гостиную, – показывая дорогу, предложила она.

Дом обставлен со вкусом, но удобный, явно не для показухи, а чтобы в нем жить. Место, где Ник всегда чувствовал себя именно как дома.

– Что-то случилось, – прошептала Кэрри.

Ник взял ее за руку и стал держать, обхватив ладонями. Так он и сидел, с Кэрри по одну сторону и Сэм по другую, когда со стороны кухни послышались шаги остальных.

В комнату рука об руку вошли родители Джона, Грэхем и Лейн О’Конноры, с сыном, за ними следом их дочь Лизбет. Грэхему и Лейн было около восьмидесяти, но они были бодрые и активные, как сорокалетние. У обоих белоснежные волосы и круглогодичный загар, как у тех, кто проводит большую часть времени, объезжая лошадей. При виде Ника они засияли от радости.

Он отпустил руку Кэрри, встал и поприветствовал их, крепко обняв. Терри пожал ему руку, а Лизбет, встав на цыпочки, поцеловала в щеку. Ник представил их Сэм.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Грэхем. – Сегодня же голосование.

Ник опустил взгляд в пол, секунду собираясь с духом, чтобы сказать то, что должен, потом снова взглянул на них.

– Давайте присядем.

– Что происходит, Ник? – спросила Лейн с легким южным акцентом, отказываясь сесть. – На тебе лица нет. Что-то не так с Джоном?

Материнская интуиция ударила его как пощечина.

– Боюсь, что так.

Лейн ахнула. Муж взял ее за руку и на глазах Ника как-то сник, потеряв свою внушительность.

– Он сегодня опоздал на работу.

– Ничего новенького, – со смешком сказала Лизбет. – Он бы опоздал на собственные похороны.

Ник поморщился от выбора слов.

– Мы не могли до него дозвониться, поэтому я поехал, чтобы разбудить.

– Что за чертова дурость проспять в такой день, – запыхтел Грэхем.

– Мы тоже так подумали, – признался Ник, желудок сжалось от тошноты и отчаяния. –

Когда я добрался до него...

– Что? – зашептала Лейн, схватив Ника за руку. – *Что?*

Ник не мог вымолвить ни слова, в горле стоял комок.

Мешалась Сэм.

– Сенатор, миссис О’Коннор, я очень сожалею, но вынуждена сообщить вам, что ваш сын убит.

Ник знал, до конца своих дней он не забудет, как пронзительно взвыла мать Джона, когда до нее дошли слова Сэм. Он кинулся к Лейн, когда показалось, что она может упасть в обморок. Вместо того она обмякла в его руках.

Кэрри все повторяла:

– Нет, нет, нет, – снова и снова.

Лизбет тихо заплакала позади него, у Терри от потрясения на глазах выступили слезы. Грэхем повернулся к Сэм:

– Как?

– Зарезали в кровати.

Продолжавший держать всхлипывающую Лейн, Ник был благодарен, что Сэм не рассказала остальное. Он бережно опустил Лейн на диван.

– Кто бы захотел убить моего Джона? Моего милого, красивого Джона?

– Мы это выясним, – пообещала Сэм.

– Сэм возглавляет расследование, – пояснил Ник.

– Простите, – пробормотал Грэхем и вышел из гостиной.

– Иди с ним, Терри, – попросила Лейн. – Пожалуйста, походи с ним.

Терри последовал за отцом.

Лизбет села рядом с матерью на подлокотник.

– О Боже, – шептала она. – Что я скажу детям?

Мучительно осознав, каким близким для племянника и племянницы был Джон, Ник с участием взглянул на нее.

– Скажи, что был несчастный случай, – вытирая лицо, сказала Лейн. – А не то, что его убили. Ты не можешь им это сказать.

– Да, – согласилась Лизбет. – Не могу.

Лейн оторвала голову от плеча Ника.

– Где он сейчас? – спросила она Сэм.

– На вскрытии.

– Я хочу его видеть. – Лейн бешено вытирала слезы, которые продолжали катиться по щекам. – Я хочу видеть моего ребенка.

– Мы сможете увидеть его завтра, – пообещала Сэм.

Лейн повернулась к Нику.

– Предстоит церемония похорон сенатора Соединенных Штатов.

– Конечно.

– Проследи за этим лично.

– Все, что захочешь, Лейн. Я сделаю все, что потребуется.

Она схватила его за руку и взглянула потерянными глазами:

– Кто мог сделать это, Ник? Кто поступил так с нашим Джоном?

– Этот вопрос я задаю себе уже несколько часов и не могу ответить.

– Кто бы это ни был, миссис О'Коннор, мы его найдем, – пообещала Сэм.

– Делайте все возможное. – Словно она не могла вытерпеть здесь больше ни секунды, Лейн встала и в сопровождении Лизбет и Кэрри пошла к двери, но на пороге обернулась к Нику: – Ты же знаешь, что можешь остаться. Ты член семьи, твое место здесь. Всегда было.

Ее слова тронули Ника.

– Спасибо, но я собираюсь вернуться в город. Нужно уделить какое-то время команде.

– Пожалуйста, передай им, как мы признательны за то, что они много работали для Джона.

– Передам. Увидимся завтра.

– Миссис О'Коннор, – вставая, позвала Сэм. – Прошу прощения, что приходится сейчас напоминать, но на этой стадии расследования критичными являются первые двадцать четыре часа...

– Мы сделаем все возможное, чтобы помочь отыскать человека, так поступившего с Джоном, – заверила Лейн, ее заплаканное лицо перекошилось от горя.

– Мне нужно знать, где были вы и другие члены вашей семьи между десятью вечера вчера и девятью утра сегодня.

– Вы же несерьезно, – сухо заявила Лейн.

– Если мне нужно исключить любую причастность семьи...

– Отлично, – резко бросила Лейн. – Мы с сенатором принимали друзей до одиннадцати. – Она взглянула на Кэрри, которая кивала в знак подтверждения.

– Мне понадобятся имена и телефоны ваших друзей. – Сэм дала миссис О’Коннор свою визитку. – Вы можете оставить информацию на голосовой почте. А после одиннадцати?

– Пошли спать.

– Вы тоже, мэм? – спросила Сэм у Кэрри.

– Я до двух смотрела телевизор в своей комнате. Мне не спалось.

– А вы? – обратилась Сэм к Лизбет.

С выражением полнейшего негодования та ответила:

– Я была дома в Маклине с мужем и детьми.

– Мне понадобится телефон вашего мужа.

Лизбет бросила на детектива холодный как сталь взгляд, вышла из комнаты и вернулась через минуту со своей карточкой.

– Спасибо, – поблагодарила Сэм.

Троица покинула гостиную.

– Тебе, в самом деле, нужно этим заниматься сегодня? – спросил Ник у Сэм, когда они остались одни. – Прямо сейчас?

– Да, в самом деле, – ответила она, болезненно поморщившись. – Приходится играть по правилам. В расследовании каждая минута дорога. Ты же понимаешь.

– Конечно, понимаю. Но они только что узнали, что их сын и брат убит. Ты могла бы дать им хоть минут пятнадцать переварить новость, прежде чем бросаться исполнять полицейские обязанности.

– Я должна работать, Ник. Когда я произведу арест, наверняка они вздохнут с облегчением, что убийца не разгуливает по улицам.

– Да какая им, черт побери, разница? Разве это вернет Джона?

– Мне нужно возвращаться в город. Ты едешь?

Окинув последним взглядом гостиную, помнившую столько счастливых часов, которые они здесь провели с Джоном, Ник последовал за Сэм к выходу.

Глава 4

В душе Грэхема О’Коннора померк свет и наступил конец света. Он прислонился к деревянной белой изгороди, скользя взглядом по простирающимся землям своего поместья, но из-за слез и горя ничего не видел. *Джона больше нет. Джона больше нет. Джона больше нет.*

С того момента, как их позвала Кэрри и сказала, что их в доме ждет Ник, Грэхем знал. Когда на этот день назначено самое важное в карьере Джона голосование, лишь по одной причине мог приехать Ник. Грэхем знал, как всегда знал, что есть что-то постыдное для отца в том, чтобы любить одного ребенка больше других детей. Но Джон был необыкновенным. С самых первых часов после рождения сына Грэхем разглядел в нем нечто особенное, благодаря чему и многие другие любили Джона.

С мокрым от слез лицом Грэхем думал, как могло случиться такое несчастье.

– Папа?

Прозвучавший голос старшего сына наполнил Грэхема разочарованием и ощущением безнадежности. Помоги ему Боже, что он так думает, но почему, если уж ему было суждено потерять сына, это не мог быть Терри вместо Джона?

Терри сжал плечо отца:

– Чем я могу тебе помочь?

– Ничем, – и Грэхем смахнул слезы.

– Сенатор?

Тот повернулся и увидел Ника в сопровождении симпатичного детектива.

– Мы возвращаемся в Вашингтон, – сообщила она, – но прежде мне нужно подтверждение, где вы находились прошлой ночью. После десяти.

Каким-то образом старику удалось сдержать охвативший его взрыв ярости из-за подозрения, что он мог бы иметь касательство к смерти того, кого любил больше всех, за исключением Лейн, конечно.

– Я был здесь с женой. Мы принимали друзей, играли в бридж, в одиннадцать пошли спать.

Кажется, ее удовлетворил ответ, и она повернулась к Терри:

– А вы, мистер О’Коннор?

– Я был... э... с другом.

Терри стал совершенно отбившимся от рук бабником с тех пор, как вождение в пьяном виде поставило крест на его политической карьере за несколько дней до того, как старший сын собирался объявить о выдвижении своей кандидатуры в Сенат. И в сорок четыре Терри был столь же далек от того, чтобы остепениться, как и в двадцать два, что доставляло Грэхему душевную боль.

– Мне потребуется имя и номер, – заявила детектив.

Щеки Терри ярко покраснели, и Грэхем понял, что за этим последует.

– Я... хм...

– Он не знает ее имени, – вмешался Грэхем, бросив на сына взгляд, полный омерзения.

– Я могу поискать, – быстро ответил Терри.

– Отличная идея, – одобрила детектив.

– Это не совпадение, что все случилось накануне голосования? – спросил старший О’Коннор.

– Мы ничего не можем исключить, – ответила детектив.

– Проверьте лидера меньшинства Стенхауза, – посоветовал Грэхем. – Он всем нутром ненавидит меня и позавидовал бы любому успеху моего сына.

– За что он ненавидит вас? – спросила она.

– Они были ожесточенными соперниками несколько десятилетий, – ответил за отца друга Ник. – Стенхауз делал все, чтобы заблокировать закон об иммиграции, но он все равно прошел.

– Хорошенько присмотритесь к нему, – сказал Грэхем, клопоча от ярости, голос его сорвался. – Он способен на все. То, что я потерял сына, доставит ему несказанную радость.

– Кто-нибудь еще приходит вам на ум? – спросила детектив. – Кто связан с вашим сыном в личном плане или на профессиональном уровне?

Грэхем покачал головой.

– Джона любили все. Но я подумаю и дам знать, если что придет в голову.

Ник шагнул к Грэхему и обнял его.

Тот в ответ обхватил за плечи друга своего сына, которого любил как родного.

– Найди, кто это сделал, Ник. Найди.

– Найду. Обещаю.

Когда Ник и Сэм уходили, Грэхем отметил, как поникли плечи советника его сына и поверил его словам. Терри же отец сказал следующее:

– Достань имя своей красотки и сделай это сейчас же. И не показывайся на глаза, пока не исполнишь.

– Да, сэр.

На обратной дороге в Вашингтон Ник проверил «блекберри» и просмотрел заявление, которое составила их контора.

«С огромным прискорбием сообщаем, что наш коллега и друг сенатор Джон Томас О'Коннор найден сегодня утром мертвым в своем доме в Вашингтоне. После того как сенатор О'Коннор не явился на работу, руководитель его предвыборного штаба Николас Каппуано, поехал проверить сенатора к нему домой. Мистер Каппуано обнаружил сенатора мертвым. По требованию Городской полиции мы не разглашаем подробности смерти сенатора, только заверяем, что сделаем все, что в нашей власти, чтобы помочь расследованию. Последующая информация о расследовании будет исходить от полиции.

Мы продолжим усиленную работу по продвижении нового закона, над которым так много трудился сенатор О'Коннор, чтобы вынести закон на обсуждение в Сенат, и продолжим работу сенатора по вопросам помощи детям, семьям и старикам.

Наши сердца и молитвы с родителями сенатора, сенатором и миссис О'Коннорами, его братом Терри, сестрой Лизбет, зятем Ройсом, племянниками Эммой и Адамом. Похоронная церемония еще не утверждена, но о ней будет объявлено в ближайшие несколько дней. Мы просим проявить уважение к частной жизни семьи О'Конноров в эти трудные для них времена».

Ник одобрительно кивнул, прочел еще раз и повернулся к Сэм:

– Можешь послушать и сказать свое мнение?

– Конечно. – Она внимательно слушала, пока он читал заявление вслух. – На слух предусмотрели все.

– Насчет расследования все нормально?

– Да, отлично.

Ник перезвонил Кристине.

– Эй, заявление одобрено. Давай, выпускай.

Кристина ответила глубоким мучительным вздохом:

– Тогда все станет официально.

– Скажи, чтобы Тревор прочел еще разок, и выпускайте в свет. И никаких сомнений.

– Хорошо.

– Вы, ребята, проделали отличную работу. Спасибо.

– Самое трудное дело в моей жизни, - охрипшим голосом заметила она.

– Я понимаю.

– Итак, э-э, как прошло с родителями?

– Ужасно.

– То же самое с командой. Люди с трудом принимают новость.

– Мы возвращаемся в город. Скоро приеду.

– Мы будем здесь на месте.

Ник отключился.

– Ты в порядке? – спросила Сэм.

– Со мной все хорошо, – сухо ответил он, все еще обозленный, что она так скоро заговорила об алиби с О'Коннорами.

– Я просто делаю свою работу.

– Работа у тебя отстой.

– Да, по большей части.

– Ты уже свыклась, что тебе то и дело приходится говорить людям, что их близкие убиты?

– Нет, и надеюсь, никогда не привыкну.

Им начало овладевать глубокое опустошение, и Ник откинул голову на спинку сидения.

– Я признателен, что ты сказала за меня. Я просто не мог собраться.

Сэм глянула на него.

– Ты правильно себя с ними вел.

Удивленный неожиданному комплименту, Ник выдавил слабую улыбку:

– Для меня это в новинку, уж точно.

– Ты близок с ними.

– Они мне как семья.

– А что думает по этому поводу твоя настоящая семья?

Когда они впервые встретились, у них не было времени обмениваться историями жизни. Слишком были заняты тем, что срывали друг с друга одежду.

– Я мало общаюсь с семьей. Я родился, когда мои родители еще учились в старших классах, меня вырастила бабушка. Несколько лет назад она умерла.

– А твои родители?

– Они периодически появлялись в моей жизни, когда я был маленьким.

– А сейчас?

– В общем, моя мать уже третий раз замужем и жила в Кливленде, когда я имел от нее известия последний раз, а это было пару лет назад. Отец женат на женщине младше меня, и у них близнецы-трехлетки. Он живет в Балтиморе. Я вижу с ними время от времени, но его с трудом можно назвать отцом. Он ведь всего на пятнадцать лет меня старше.

Поскольку она молчала, Ник понял, что Сэм ждет продолжения рассказа.

– Я помню первые выходные, которые провел у О’Конноров. До этого я думал, что такие семьи существуют только в телевизоре. Они всегда казались слишком хороши, чтобы быть настоящими. Хотя все не так. Они реальные люди с настоящими проблемами и ошибками, но у них сильная вера в то, что нужно платить добром, в чувство долга перед обществом, так что невозможно, общаясь с ними хоть какое-то время, не пропитаться всем этим. Они полностью изменили мои жизненные планы.

– А чем ты собирался заниматься?

– Я подумывал о бухгалтерии или финансах, но после нескольких трапез за столом О’Конноров меня укусил политический жучок.

– Какой он? Грэхем?

– Он человек сложный, думающий и требовательный. Любит семью и предан стране. Неистовый патриот и верит в закон.

– Ты его уважаешь.

– Больше всех мужчин, которых когда-либо знал. Кроме его сына.

– Расскажи о Джоне.

Ник задумался на секунду, прежде чем ответить.

– Если его отец человек сложный, думающий и требовательный, то Джон - простой, забывчивый и бездеятельный. Но, как и его отец, он любил свою семью, был предан стране и с гордостью служил народу Вирджинии. Взвалил на себя серьезные обязанности, но слишком серьезно они его не занимали.

– Тебе нравилось с ним работать?

– Мне нравилось быть с ним рядом и помогать достичь успеха. Но, с точки зрения политической перспективы, с ним было хлопот полон рот.

– Как так?

Ник помедлил с ответом, подумал и сказал:

– В настоящий момент моя главная цель – защитить его наследие и обеспечить, чтобы ему сохранили достоинство и положение, которое он заслужил как покойный сенатор.

– А моя цель – понять, кто его убил. Раз уж я собираюсь этим заняться, мне понадобится откровенность твоя и твоей команды. С вашей помощью я смогу действовать быстрее и эффективней. Мне нужно знать, каким он был.

Никуну хотелось бы, чтобы тут не пахло ей, чтобы он не осознавал так ее присутствие. А больше всего желал, чтобы в памяти так ярко не всплывала ночь, которую он провел, потерявшись в Сэм.

– Я был в бешенстве, - тихо произнес Ник.

– Когда? – озадаченно спросила она.

– По дороге, когда ехал к нему сегодня утром. Если бы он не был мертв, когда я добрался туда, то мог бы сам его прикончить.

– Ник...

В ее тоне звучало предостережение, напоминание, чтобы он не забывал, с кем говорит.

– Если ты хочешь знать, кем был Джон О’Коннор, то тот факт, что руководитель его штаба *уже в который раз* ехал вытащить его из постели, должен сказать все, что тебе нужно знать.

– Абсолютно все это мне не скажет, но хотя бы кое-что для начала.

Глава 5

Воспоминания Сэм о Нике Каппуано должны были бы с годами поблекнуть, но этого не произошло. Осталось какое-то сказочное впечатление после единственной ночи, которой не следовало столько для Сэм значить. Впрочем, она позабыла, как он *на самом деле* выглядит: его высокую фигуру за метр девяносто, широкие плечи, смуглую кожу, сильные руки, которые навсегда изменили ее представления, каким должен быть любовник, искрометный ум, холодную ауру самообладания, которая так заморозила Сэм при первой встрече.

И то, что рухнуло это самообладание, оказалось одним из лучших ее воспоминаний от проведенной с Ником ночи. Когда тот не позвонил, она задумалась, уж не напугался ли он их бурно начавшегося романа. Но сейчас, когда Сэм знала, что он звонил, что хотел тогда увидеться снова... это меняло всё.

– Можно спросить тебя кое о чем, что не имеет отношения к расследованию? – спросила она, когда они ехали кратчайшим путем через Дистрикт в «Уотергейт», где Ник оставил свою машину. По дороге они заметили несколько приспущенных государственных флагов в честь Джона. Новость выплыла наружу, и начался официальный траур.

– Конечно.

Сердце понеслось вскачь, когда Сэм задела рану, которую ошибочно считала затянувшейся давным-давно.

– Когда ты позвонил... после... той ночи... ты помнишь, кто тебе ответил у меня дома?

Ник пожал плечами.

– Какой-то парень. Наверное, один из соседей по квартире.

Уже заранее зная ответ, она спросила:

– Ты не поинтересовался, как его зовут? У меня в квартире было трое парней.

– Черт, не помню. Возможно, Пол.

– Питер?

– Да. Питер. Точно. Пару раз я с ним разговаривал.

Сэм сжала руль так, что побелели костяшки пальцев. Ей захотелось завизжать со всей силы.

– Он был твоим бойфрендом?

– Не тогда, – процедила она сквозь стиснутые зубы.

– Позже?

– Он мой бывший муж.

– А! Ну тогда все становится понятно, – произнес Ник с ноткой горечи, которую Сэм очень хорошо понимала. В этот момент ей самой стало горько. – Жаль, что ты не дала мне свой сотовый номер вместо домашнего.

– Тогда у меня был только служебный сотовый, а я никогда не использовала его в личных целях. – Они молчали, пока подъезжали к «Уотергейту». – Мне хотелось бы побеседовать с твоим персоналом с утра, – заявила она, не выключая мотора.

– Постараюсь собрать всех. – И продиктовал адрес здания «Харт Сенат Офис», где Сэм могла их найти.

– Вот моя визитка на случай, если вспомнишь что-нибудь, что может иметь отношение к делу. Неважно, много или мало, никогда заранее не знаешь, что поможет раскрыть преступление. – Ник взял карточку и потянулся к дверной ручке.

– Ник, – сказала, положив ладонь ему на руку и задержав, Сэм. Взглянув на ее пальцы, а потом, встретившись с ней глазами, он поднял бровь. – Я очень ждала твоего звонка, – с сильно бьющимся сердцем призналась Сэм. – Очень.

Он вздохнул:

– Я не в силах переварить еще и это в довершении ко всему, что сегодня случилось. Это уж чересчур.

– Понимаю. – Она отпустила его руку. – Прости, что я вспомнила прошлое.

Ник удивил ее, взяв за руку и поднеся ту к губам.

– Не извиняйся. На самом деле, я хочу об этом поговорить. Только попозже, ладно?

Сэм сглотнула комочек при виде напряженного выражения на его красивом лице.

– Ладно.

Он отпустил ее руку и открыл дверцу.

– Увидимся утром.

– Да, – тихо под нос сказала Сэм, когда Ник ушел. – Еще увидимся.

Фредерико Круз был настоящим обжорой. Однако, несмотря на его страсть к пончикам, постоянные амурные дела с «Золотыми арками» (*фирма «Макдональдс» - прим. пер.*), страстное увлечение всеми видами содовой, кроме диетической, он умудрялся сохранять вес в семьдесят семь килограмм и стройную фигуру, обычно облаченную в одну из многочисленных плащей, которым он создает себе образ сурового полицейского.

И по какой-то воле судеб, это вечно объедающееся недоразумение, известное под именем Фредди, был напарником Сэм. В разгаре хаоса в полицейском управлении она зачарованно и завистливо наблюдала, как Фредди поглощал пончик с кремом, запивая колой. Сэм клялась, что одно лишь каждодневное пребывание в компании Круза за последний год прибавило ей десяток лишних фунтов.

– Где мы? – спросила она, когда напарник отставил банку и вытер рот.

– Все еще на первой стадии. Соседи ничего не слышали и никого не видели ни в лифте, ни в коридорах. Я послал парочку дежурных забрать видеозапись – нелегкая задача, могу сказать. Можно подумать, мы собирались заслать к ним Гордона Лидди (*журналист, разоблачивший заговор в «Уотергейте» - прим. пер.*) или что-то подобное. Пришлось пригрозить им ордером.

– А в чем загвоздка? – спросила Сэм, жадно таращась на второй пончик.

– Неприкосновенность жильцов, обычная мура. Пришлось напомнить им, дважды, между прочим, что в своей квартире убит сенатор, и они что, в самом деле, хотят *еще* большей неприятной славы, чем уже схлопотали?

– Хорошая работа, Фредди. Продолжай в том же духе, дожди их.

Она всегда приходила после того, как являлся он и замарывал свои руки. В свою очередь, Фредди нудил, что ей нужно иметь жизнь и за пределами управления.

– Учился у лучших. – Сэм скорчила ему гримасу. – Мы также конфисковали в доме сенатора и его рабочем кабинете все: компьютеры, папки и т.д. Сейчас электронщики колдуют над компьютерами. К завтрашнему мы сможем вскрыть файлы.

– Отлично.

– Что у тебя по О'Коннора?

– Родители все еще в шоке. Тут все совершенно искренне. То же самое с сестрой.

– А что брат?

– Он кажется потрясенным, но говорит, что был с женщиной, имени которой не помнит.

– Ему придется выдать подружку, если он рассчитывает на нее, как на алиби.

– Да он прекрасно об этом знает и вертится как уж на сковородке, – согласилась Сэм, усмехаясь при воспоминании о затруднении Терри О'Коннора и явном неодобрении его отца.

– Он платит за то, что спал с незнакомкой. Представь, как обратиться к тому, с кем спал и даже имя не спросил.

Лицо Сэм залила краска, поскольку воспоминания об одной-единственной ночи с Ником выбрали этот момент, чтобы всплыть на поверхность.

– Легко, Фредди. Не вижу ничего особенного.

– Просто еще один признак моральной деградации в нашей стране.

Простонав, услышав знакомый аргумент, Сэм спросила:

– Есть новости от патологоанатомов?

– Еще нет. Очевидно, они загружены по уши.

– Кто проскочил впереди убитого сенатора?

Фредди пожал плечами.

– Не убивай гонца.

– Это мое любимое занятие.

– А то я не знаю. Парня, что его нашел, проверили? Каппуано?

– Угу. – Сэм благоразумно решила на данный момент не посвящать Фредди в историю своих отношений с Ником. Некоторые вещи сугубо личные, и она не хотела и не нуждалась в недовольстве напарника. Ей и так приходится иметь дело с собственным неодобрением, что вылезли ее старые личные отношения в разгар расследования убийства. – Он работал всю ночь со своей командой, что завтра подтвердится.

– Тогда что дальше?

– Утром допрошу персонал О'Коннора и нанесу визит лидеру меньшинства в Сенате, – ответила она, посвятив Фредди в долгую вражду Грэхема О'Коннора со Стенхаузом.

Напарник поскреб щетину. Ко всем прочим недостаткам, он еще словно сошел с обложки мужского журнала GQ. Жизнь точно несправедлива.

– Интересненько, – протянул Фредди.

– Сенатор О'Коннор заметил, что очень уж подходящее время – канун самого значимого голосования в сенаторской карьере его сына.

– Кто-то не хотел, чтобы прошло это голосование?

– Пока самый реальный мотив, как я погляжу. Когда будем завтра допрашивать персонал сенатора, нужно упираться на обе стороны – политическую и личную. С кем он встречался? Кто мог вставить палки в колеса? Ну, ты знаешь всю эту рутину.

– А что подсказывает нутро, босс?

Фредди знал, что она терпеть не может, когда он ее так называет.

– Не нравится мне политический аспект.

– Вовремя сработано.

– Да, но станет ли политический противник отрезать член и запихивать убитому в рот? – Фредди скорчился от ужаса и прикрыл собственные причиндалы. – Пока не будем придавать это огласке, и посмотрим, куда это нас приведет. Но я ставлю на женщину.

– Знаешь, что не дает мне покоя? – спросил Фредди.

– Что?

– Нет никаких признаков борьбы. Кто-то держит твой член и изображает Лорену Боббит (*жена, отрезавшая член мужа. Громкое в Америке дело. – прим. пер.*), а ты не сопротивляешься?

– Может, он спал? Не пройдет?

– Если бы меня кто-нибудь схватил за хрен, я бы точно проснулся.

– Побереги мое воображение, ладно?

– Я просто говорю...

– Значит, это был кто-то, кого сенатор знал, при виде кого он не удивился.

– Точно. – Фредди подхватил второй пончик, откусил кусок и с остатками взбитых сливок на нижней губе добавил: – У него там набор мясницких ножей в кухне. И одним из них его пригвоздили к изголовью кровати.

– Значит, убийца появился невооруженным.

– Похоже на то. Да.

Вставая, Сэм заявила.

– Я хочу видеть видеозаписи. Что, черт возьми, они с ними возятся так долго?

Ведя машину из «Уотергейта» до своей конторы, Ник поневоле думал, что скажет команде. Они будут ждать от него указаний, ответов на вопросы, на которые нет ответов. Ему прежде всего нужно подготовиться к этому несомненно тяжелому испытанию, а Каппуано продолжал слышать голос Сэм: «Я очень ждала твоего звонка».

Стукнув кулаком по рулю, Ник разразился ругательствами, что было на него не похоже. Словно недостаточно того, что убит Джон. Так еще столкнуться с единственной женщиной из прошлого, которую как ни старался, не смог выбросить из головы, – ну, вот уж не везет, так не везет.

Он знал, что она хотела поговорить о том, что случилось шесть лет назад, и почему они никогда больше не встретились. Он приходил в бешенство при мысли, что ее бывший не передал ей сообщения. Но дать ход последствиям этого открытия в разгаре хаоса, вызванного убийством друга, Ник не мог. Ему понадобится вся сила духа, чтобы иметь дело с Сэм Холланд исключительно на профессиональном уровне, не обращая внимания на личные дела.

Несколько лет назад, когда она не ответила на его звонки, он разозлился и обиделся так сильно, что больше не стал искать встреч, и сейчас понимал, как глупо поступил. Ему поневоле приходило в голову, что для него все могло бы сложиться иначе – для них обоих – если бы Сэм получила его сообщения и ответила на звонки. Были бы они еще вместе? Или уже перегорели бы, как неизбежно происходило со всеми отношениями Ника?

Со всей ясностью, которую не мог ни объяснить, ни понять, он решил, что, наверно, они все еще были бы вместе. Такого притяжения у него ни с кем еще не было, вот почему Ник остро осознавал присутствие Сэм весь сегодняшний день.

Глава 6

Проведя мучительный час со своей горюющей командой, Ник отправил людей по домам с приказом явиться в девять утра на встречу с детективом и чтобы распланировать

похороны сенатора. А также наказал им ни с кем не обсуждать ни расследование, ни сенатора и особенно избегать прессы.

Ник опустился в кресло, каждый мускул ныл от усталости после бессонной ночи и выпавшего на долю тягостного дня.

– Ты ел? – спросила возникшая на пороге кабинета Кристина.

Ник задумался. – Ничего с тех пор, как выbleвал с утра рогалик.

– Там еще пицца осталась. Хочешь принесу?

Хоть Ник и не был уверен, что сможет что-то проглотить, все равно сказал:

– Конечно, спасибо.

– Сейчас приду.

Пару минут спустя Кристина вернулась с двумя кусками разогретой в микроволновке пиццы.

– Спасибо, - поблагодарил Ник, когда она вручила ему тарелку и баночку содовой. Голубые глаза Крис покраснели, а лицо опухло от слез. – Как ты?

Пожав плечами, она рухнула в кресло по другую сторону стола. – Чувствую себя так, словно из меня выкачали весь воздух, и я не могу дышать.

– Знаю, ты была к нему сильно привязана, - запнувшись, произнес Ник.

Они никогда не обсуждали чувства Кристины к Джону.

– И что хорошего это мне дало?

– Он любил тебя, Крис. Ты же знаешь.

– Как друга и коллегу. И что?

– Мне жаль.

– Как и мне, потому что сейчас мне придется всю оставшуюся жизнь гадать, что бы было, если я набралась бы смелости и рассказала ему о своих чувствах.

– Лично я рад, что ты этого не сделала.

– Конечно, ты рад, – со смешком согласилась она.

– Не из-за работы. Я любил его как брата. Ты это знаешь. Но он недостаточно хорош для тебя. Он разбил бы тебе сердце.

– Наверно, - подтвердила Кристина. – Нет, точно разбил бы.

– Если тебе станет легче, то я сегодня столкнулся лбом со своим романтическим прошлым. Шесть лет назад мы провели незабываемую ночь, и с тех пор я ее не видел – пока сегодня она не вошла в квартиру Джона в качестве назначенного на расследование детектива.

– Да, неловко, - поморщилась Кристина.

– Мягко сказано.

– Ты доверяешь ей как следователю?

– Сэм чертовски хороший детектив.

– Я думала, ты не видел ее шесть лет.

– Это не значит, что я не читал о ней.

– Хм-м, - хмыкнула Кристина, изучая начальника.

– Что?

– Да так, ничего. – Вдруг она распахнула глаза. – Как ее фамилия?

– Холланд.

– Боже мой! Та, что приказала открыть стрельбу в наркопритоне, где погиб ребенок!

– Да.

– Но, Ник, мы действительно хотим, чтобы *она* расследовала убийство Джона? Не могли бы нам дать кого-нибудь другого?

– Я ей доверяю, – заявил Ник. – На ее звездной карьере всего лишь одно пятно. И памятью об этом, Сэм теперь из кожи вон будет лезть.

– Полагаю, ты прав, – все еще настороженно сказала Кристина. На столе Ника зазвонил телефон, и она потянулась к нему. – Офис Ника Каппуано. – Снова ее глаза распахнулись, заикаясь, Крис сказала: - Конечно. Секундочку, пожалуйста.

– Кто это? – спросил Ник.

– Президент, - прошептала Кристина.

Ник быстренько проглотил кусок пиццы во рту и одновременно потянулся за салфеткой и телефонной трубкой.

– Добрый вечер, господин президент.

Он встречался с президентом Нельсоном по нескольким делам, по большей части в приемных рядах на мероприятиях по сбору средств демократической партии, но разговор по телефону – случай беспрецедентный.

– Здравствуй, Ник. Мы с Глорией просто хотим выразить тебе наши соболезнования.

– Спасибо, сэр. Я передам ваши слова команде. И спасибо за заявление, которое вы передали в прессу.

– Я знал Джона с пеленок. Я просто убит горем.

– Как и мы все.

– Могу представить. Хочу быть полезным, если тебе что понадобится в ближайшие дни.

– Признателен за предложение. Я знаю, что сенатор и миссис О'Коннор почли бы за честь, если бы вы произнесли речь на похоронах.

– Сам почту за честь.

– Я поработаю с вашей командой над деталями.

– Я дам тебе прямой номер в резиденции. Звони в любое время.

Не веря ушам своим, Ник записал номер.

– Спасибо.

– Я говорил с шефом Фарнсуортом и распорядился, чтобы все ресурсы федерального правительства были доступны Городской полиции. Уверен, что вы будете причастны к расследованию. Если почувствуете, что они могут преступить свои полномочия, без колебаний сообщайте мне.

– Хорошо, сэр.

Президент глубоко вздохнул.

– Представить не могу, у кого могла подняться рука такое сотворить с Джоном.

– И я не могу.

– Как думаешь, уместно позвонить Грэхему и Лейн?

– Конечно, они будут рады слышать вас.

– Ну, не буду тебя больше отвлекать. Благослови Боже тебя и твою команду, Ник.

Наши мысли и молитвы со всеми вами.

– Благодарю вас за звонок, господин президент.

Ник положил трубку и посмотрел на помощницу.

– Невероятно, - сказала та.

– Нереально, – добавил он, посвящая в то, что говорил ему собеседник.

Крис снова заплакала.

– Так и жду, что вот-вот появится Джон и спросит, почему мы все тут сидим.

– Знаю. Я тоже.

– Пара людей уже спрашивали меня сегодня, как это отразится на их работе, – с отвлечением сообщила Кристина.

– Ну, ты не можешь их осуждать. У них семьи, которые нужно кормить.

– Они что, не могли подождать денек-другой?

– Очевидно, нет. Я завтра с ними поговорю и заверю, что мы сделаем все, чтобы найти им работу где-нибудь в правительстве.

– А что ты будешь делать? – спросила Кристина.

– Черт, даже не знаю. Не могу об этом думать, пока не закончим с похоронами. Нам двоим, может, еще паре других, нужно будет подождать, пока губернатор не укажет, кто займет место Джона. Кто бы это ни был, он захочет привести своих людей, и мы поможем передать дела, а уж потом будем думать, что делать дальше, полагаю.

Кристина выглядела такой грустной и подавленной, что у Ника дрогнуло сердце при взгляде на нее.

– Почему бы тебе не пойти домой, Крис? На сегодня мы уже ничего не сможем сделать.

– А что насчет тебя?

– Я тоже скоро пойду.

– Ладно, - вставая, согласилась она. – Увидимся утром.

– Постарайся поспать.

– Если бы.

Ник проводил ее до двери и простился, напоследок крепко обняв, прежде чем пойти в офис Джона. Если бы не фото друга с племянниками на подоконнике, не было никакого следа ни его, ни того, что он провел здесь, работая, пять лет. Усаживаясь в кресло Джона, Ник не был уверен, что хотел найти. Повернувшись к окну, он мог видеть в отдалении освещенный памятник Вашингтону.

Откинув голову на спинку, Ник пристально смотрел на памятник и наконец позволил себе сделать то, что ему нужно было весь этот день. Он дал волю слезам.

Истощенная после шестнадцатичасового рабочего дня, Сэм появилась дома и улыбнулась, услышав жужжание инвалидного кресла, на котором отец ехал поздороваться с ней.

– Привет, пап.

– Что-то поздно сегодня.

– Я на деле О'Коннора.

Не парализованная часть лица приподнялась в улыбке.

– Прямо сразу? Фарнсуорт посадил тебя обратно в седло.

Она скинула ботинки и наклонилась поцеловать его в щеку.

– Похоже на то.

Из кухни поздороваться с Сэм вышла Селия, сиделка отца.

– Как, мы готовы пойти в постель, Скип?

Сэм не понравилось возмущение, пробежавшее по способной двигаться стороне лица отца.

– Давай ступай, пап. Я буду здесь, когда ты закончишь. У меня есть парочка вещей, по которым я хотела пробежаться с тобой.

– Полагаю, что смогу выкроить для тебя время, – пошутил отец, поворачивая кресло единственным работающим пальцем и следуя за Селией в спальню, которая раньше была столовой.

Сэм прошла в кухню и наложила себе тарелку тушеного мяса, которое для нее на плите оставила Селия. Потом поела стоя, не ощущая вкуса, пока как в кино прокручивала в голове события дня. При нормальных обстоятельствах Сэм с головой бы погрузилась в дело. Вертела бы его так и эдак, выискивая мотивы, составляя список подозреваемых. Однако вместо того она думала о той грусти, которая весь день исходила от Ника. Больше всего хотелось обнять его и утешить, что вряд ли можно назвать профессиональным порывом.

Решив, что бессмысленно запихивать в себя еду, она выбросила остатки в мусорное ведро и, ссутулив плечи, замерла над раковиной. И все еще стояла так, когда в кухню вошла Селия.

– Он готов.

– Спасибо, Селия.

– Он вроде...

– Что? - немедленно забив тревогу, спросила Сэм.

– Последние несколько дней словно не в себе.

– На следующей неделе стукнет два года.

– Может, и поэтому.

– Не спускай с него глаз.

Селия кивнула в знак согласия.

– Что ты узнала о сенаторе О’Конноре?

– Меньше, чем хотелось бы.

– Такая трагедия, - качая головой, сказала Селия. – Мы не отрывались от новостей весь день. Какая ужасная потеря.

– Казалось, у парня было все.

– Что-то в нем проглядывало грустное.

– Почему ты так считаешь?

– Ничего особенного. Просто от него исходило что-то такое.

– Никогда не замечала, - призналась Сэм, заинтригованная наблюдениями Селии. И взяла себе на заметку найти какие-нибудь видеозаписи речей сенатора в зале Сената и теле-интервью.

– Ступай, поговори с отцом. Он так всегда ждет, когда ты появишься.

– Рагу отличное. Спасибо.

– Рада, что тебе понравилось.

Сэм пошла к отцу в спальню, где он устроился в кровати со шлангом респиратора, тянувшимся от его горла к стоявшей на полу машине, поддерживающей его дыхание всю ночь.

– Выглядишь разбитой, – заявил отец. Речь отдавалась грубым стаккато в респираторе.

– Долгий паршивый денек. – Сэм уселась на стул рядом с больничной койкой и уперлась ногой в раму под прессованным матрасом, уменьшавшим пролежни. – Но уж куда лучше, чем снова перекладывать бумажки.

– Что удалось выяснить? – спросил отец, возвратившись к роли бывшего капитана полиции.

Она коротко рассказала о минувших событиях, начиная со встречи с шефом Фарнсуортом и кончая проверкой видеозаписей в «Уотергейте», которые они наконец получили.

– Нашли только спящий туда-сюда народ в вестибюле. Ничего не привлекло внимания, но я утром собираюсь показать записи руководителю его штаба, может, он кого узнает.

– Хорошая идея. И что ты так забавно смотришь своими голубыми глазами, стоило тебе упомянуть этого руководителя штаба? Ника, кажется?

– Я с ним однажды встречалась. – Она поберегла отца от более точного объяснения, что значит в этом случае «встречалась». – Давным-давно.

– И тебе было тяжело его вновь видеть?

– Да, - тихо призналась Сэм. – Я узнала, что он звонил мне после той встречи. Догадываешься, кто принял сообщения, которые так никогда и не дошли до меня?

– О, давай подумать. Уж не наш ли добрый дружище Питер?

– Прямо в точку.

Скип натянуто рассмеялся.

– А ты способна сохранять объективность в этом деле со своим Ником из-за неразберихи в прошлом?

Удивившись вопросу, Сэм воззрилась на отца и обнаружила, что он изучает ее острым взглядом таких же, как у нее голубых глаз.

– Конечно. Ведь прошло уже шесть лет. Никаких трудностей.

– Угу.

Ей следовало знать, что отец видит ее насквозь. Так было всегда.

– Тебе нужно хоть немного поспать, – заметил он.
– Стоит мне сомкнуть глаза, как я снова в этом притоне наркоманов и слышу крик Маркуса Джонсона. И просыпаюсь в холодном поту.
– Ты сделала все правильно, следовала интуиции. – Он глотнул воздуха. – Я бы сам не поступил по-другому.
– Ты когда-нибудь думаешь о той ночи, когда тебя подстрелили?
Она бы никогда не подумала спрашивать об этом, не преследуй ее собственные демоны.
– Не особо. Помню смутно.
Зазвонил сотовый Сэм. Она сняла его с ремня и проверила номер. Номер на семьсот три был незнаком.
– Мне нужно ответить.
– Иди уж.
Сэм поцеловала отца в лоб и вышла из спальни.
– Холланд.
– Сэм, это Ник. Кто-то побывал в моем доме.
При звуке его глубокого голоса затрепетало сердце. *Плохо дело.*
– Ограбили? – спросила она, стараясь, чтобы голос звучал прохладно и профессионально.
– Нет.
– Тогда как ты узнал, что кто-то побывал у тебя?
– Я знаю. Вещи не на месте.
– Где ты живешь?
Он продиктовал адрес в Арлингтоне, Вирджиния.
Хотя район был вне юрисдикции Сэм, она схватила пальто.
– Уже еду.

Глава 7

Тридцать минут спустя Сэм взлетела по ступенькам кирпичного дома Ника.
Тот уже ждал, держа дверь открытой.
– Спасибо, что приехала.
– Да о чем разговор.
Сэм украдкой бросила взгляд на гостиную, совмещенную со столовой, где все казалось на своих местах. Вообще-то, пространство лучше подходило для выставочного зала мебельного магазина, чем для чьего-то дома.
– Как ты понял...
Ник схватил ее за руку.
– Идем.
Она вздрогнула, но позволила увести себя в кабинет, такой же опрятный, как и другие комнаты, но более жилой, насколько можно было судить по первому впечатлению.
– Видишь это?
Следуя взглядом за направлением его указующего пальца, Сэм уставилась на маленькую стопку книг на столе.
– И что?
– Они под углом.
– Ну и?
– А не должны.
– *Серьезно?* Ты вытащил меня в одиннадцать вечера только потому, что твои долбаные книжки не лежат ровно?

В ярости нахмурившись, он снова сграбастал ее за руку и почти поволок наверх в спальню. Вот дела! *«Расслабься, Сэм, он тащит тебя в спальню не за тем, о чем ты мечтаешь».*

Напомнив себе, что она расследует проникновение в дом свидетеля по делу об убийстве, Сэм зачихнула подальше распутные мысли и обратила внимание на то, что Ник ей показывал.

Он, указывая на комод, заявил.

– Я так не оставлял.

Из закрытого ящика комода высовывался крошечный клочок белой ткани.

Решив над ним подшутить, Сэм наклонилась и изучила тряпку.

– А не могли твои трусы выскочить из ящика, а ты и не заметил?

– Нет, это невозможно, – скрипнув зубами, ответил Ник.

Она выпрямилась и оглядела его словно впервые, будто не видела когда-то голым.

– Ты всегда такой дотошно аккуратный?

– Да.

– Хм-м.

– Что значит твое «хм-м»? Ты не собираешься никому звонить?

– По поводу?

– Узнать, кто побывал в моем доме?

– Ник, ты серьезно?

– Забудь. Езжай домой. Прости, что побеспокоил тебя.

Она заметила его покрасневшие глаза. И ей стало больно при мысли, как он тут один тоскует по убитому другу.

– Прекрасно. Если ты, в самом деле, думаешь, что кто-то побывал здесь...

– Да, думаю.

– Я оставила телефон в машине. Могу воспользоваться твоим?

Он подал ей сотовый.

– Говорит детектив – сержант Сэм Холланд, Городская полиция. Вышлите группу криминалистов на место преступления, – сказала она и продиктовала адрес.

Когда отключила телефон, то, повернувшись, увидела, что Ник пристально на нее смотрит.

– Спасибо.

Она кивнула, почувствовав себя неловко под жарким взглядом карих глаз. То ли сама что вообразила, то ли вина человека, который, наверно, нарушил ее личное пространство.

Час спустя Сэм сидела с Ником на диване, чтобы не мешать арлингтонским копам снимать отпечатки пальцев.

– По-твоему, как сюда вошли? – Отчаянно стараясь держать какое-то подобие дистанции между ними, она заговорила резким профессиональным тоном, который обычно приберегала для допроса свидетелей.

– Понятия не имею.

– У кого-нибудь есть ключи?

– Только у Джона был запасной.

– Где он держал ключ?

– Не знаю. Дал ему на случай, если вдруг свой потеряю.

– Что наверняка никогда не случится.

– Пока не случилось.

– Ты не используешь сигнализацию?

– Сигнализация есть. Никогда ее не включал.

– Может, пора задуматься об этом?

– Правда? Спасибо за совет, сержант. – И получил от Сэм предостерегающий взгляд.
– Прости, - извинился Ник, склонив голову и запустив в густую темную шевелюру пальцы. Сэм облизнула губы: вдруг захотелось проделать то же самое. – Не хотел грубить тебе. Просто сама мысль, что кто-то проник в дом, рылся в моем барахле... Как-то мерзко.

– Есть идея, что искали?

Плечи его устало опустились.

– Никакой.

Сердце Сэм рвалось к нему. День у Ника был ужасный мучительный, и ей хотелось найти подходящий повод обнять его. Она постаралась смягчить тон.

– Может, кто-то пытался здесь найти то, чего не нашел у сенатора?

– Даже представить не могу, что. Никто из нас не берет ничего засекреченного из офиса домой. На это есть правила.

– К каким засекреченным делам он был причастен?

– В середине срока его определили в Комитет национальной безопасности при Сенате, но по большей части его работа была в сферах коммерции, финансов, детей, семьи и стариков. Ничего сверхсекретного.

Глядя в его усталое лицо с интересом, куда большим, чем просто профессиональным, Сэм ужасно хотелось обратиться к проблеме, мешающей им, – потерянных шести годах неоконченного романа и напряжении, которое пронзало ее всякий раз, когда она встречалась взглядом с этими карими глазами.

– Может, он был причастен к чему-то, чего ты не знал?

– Сильно сомневаюсь, – усмехнулся Ник.

– Однако возможно?

– Конечно, но это не в духе Джона. Он во всем полагался на нас.

– Ты раньше упоминал, что команда его очень поддерживала. Что, помимо обязанности будить его по утрам, ты имел в виду?

Ник долго молчал, потом взглянул на нее:

– Это ведь не будет афишироваться? Я не прочту об этом в завтрашних газетах?

– Думаю, мы пропустили срок подачи материала в утренний выпуск.

– Я серьезно, Сэм. Не хочу сказать или сделать что-то, что причинит больше горя его родителям, чем уже есть.

– Сейчас эти сведения только для меня, но не гарантирую, что так и останется. Если то, что ты скажешь, поможет расследованию, то, вероятно, всплывет на суде. Как бы мы ни хотели, жертвы убийства подвергаются серьезному испытанию наравне с их убийцами.

– Это несправедливо.

– Увы, так обстоят дела.

Ник сложил ладони домиком и оперся на них подбородком.

– Джон не хотел быть сенатором. Часто шутил, что он принц Гарри при Терри в роли принца Уильяма. Терри был наследником, которого воспитывали всю жизнь с мыслью, что он пойдет по стопам отца в политике. Терри всегда был на виду, а Джон вел относительно нормальную жизнь. По какой-то причине пресса испытывала необычный интерес к деятельности Терри. Его имя упоминалось на страницах политических и желтых изданий почти так же часто, как имя его отца, задолго до того, как сенатор объявил об отставке.

– Должно быть, сложно жить с таким вниманием к себе.

Ник засмеялся, согнав напряжение с лица.

– Терри это любил. Упивался. Самый желанный вашингтонский холостяк, и он пользовался всеми преимуществами, должен тебе сказать.

– С виду не очень умная политическая стратегия.

– О, так и было. С сенатором, отцом, я имею в виду, у них были серьезные стычки по поводу образа жизни Терри. Я неоднократно сам тому был свидетелем. Но каким-то образом Терри О'Коннор умудрялся на шаг опережать сплетников – до тех пор, пока его не арестовали за вождение в пьяном виде за три недели до того, как он объявил о

выдвижении своей кандидатуры на кресло отца. Как ни выкручивайся, из такого не выберешься.

– О. Я знаю эту историю. Сейчас только вспомнила.

– Грэхем был раздавлен. До этого дня я никогда не видел его таким опустошенным. Сын, с которым он связывал все свои надежды и мечты, так его подвел...

– Как воспринял Терри?

– Как побитый щенок, словно это была чья-то вина. Искал кучу оправданий. Джону было противно от всего этого. Однажды он заявил: «Почему бы Терри просто не поступить по-мужски и не признать свою ошибку?»

– Он сказал это Терри?

– Сомневаюсь. Они никогда не были близки. Терри нравилось внимание, а Джон делал все, чтобы остаться в тени.

– Пока Терри не заставил его выйти в свет прожекторов, - сказала Сэм, начиная лучше разбираться в семье О'Конноров.

– Да, «заставил» - то самое слово. Джон не хотел иметь ничего общего с Сенатом. Помню, как он ворчал, дескать, какая «удача», что ему исполнилось тридцать, ведь это минимальный возраст баллотироваться в Сенат. Раньше он возглавлял небольшую техническую фирму, делавшую микросхемы для оружейных систем министерства обороны. Они с партнером процветали.

– Что случилось с компанией, когда Джон выдвинулся в Сенат?

– Его партнер купил, а позже продал компанию.

– Нет ли у него причин хотеть смерти Джона?

– Вряд ли. Он заработал сотни миллионов, когда продал фирму. Последнее, что я знаю, он жил на широкую ногу на Карибах.

– А что насчет Терри? Не возмущается ли он все еще, что его младший брат получил предназначенную старшему жизнь?

– Возможно, но Терри не стал бы держать за пазухой нож, чтобы убить брата. В конечном итоге, Терри тряпка.

Независимо от этого, Сэм взяла на заметку присмотреться к Терри О'Коннору.

– Сержант? - К ним подошел лейтенант, ответственный за бригаду криминалистов. – Мы здесь закончили. Не нашли следов вторжения ни на одной двери или на окнах.

– Отпечатки?

– Только один набор. – Офицер посмотрел на Ника. – Предполагаем, что ваши, но нам придется подтвердить это.

Ник вполголоса выругался.

– Спасибо, лейтенант. – Сэм вручила офицеру свою карточку. – Я напишу, что у меня есть, если вы из вежливости черкнете мне свой рапорт. Здесь может быть связь с убийством сенатора О'Коннора.

– Конечно.

Кое-как очистив следы порошка для снятия отпечатков, вскорости полицейские ушли.

– Хочешь, помогу убрать? – спросила Сэм хозяина дома, когда они остались одни.

Ник встал и протянул ей руку, помогая подняться.

Она взяла его руку, но когда попыталась отнять, он сжал ее ладонь. Вздрогнув, Сэм взглянула на Ника.

– Прости, что вытащил тебя, а ничего не оказалось.

– Не совсем ничего... – Слова застряли у нее в горле, когда он прошелся пальцем по ее щеке. Так легко, что Сэм не заметила, если бы не смотрела пристально на него.

– Ты устала.

Она пожала плечами. Сердце колотилось в груди.

– Последнее время не очень хорошо спала.

– Я прочел все, что печатали о случившемся. Ты не виновата, Сэм.

– Скажи это Квентину Джонсону. Это была и не его вина тоже.
– Его отец должен был прежде спасти сына, а не свою записку с наркотой.
– Я обязана была учесть, как он поступит. Я должна была лучше думать. Как можно подвергать такой опасности ребенка... Мне никогда такого не понять.
– Сочувствую, что это случилось с тобой. Сердце кровью обливалось, когда читал.
Сэм обнаружила, что не в силах отвести взгляд.
– Мне, э... Нужно идти.
– Прежде чем уйдешь, мне нужно узнать одну вещь.
– Какую? – прошептала она.
Ник отпустил ее руку, взял в ладони лицо и наклонился, чтобы поцеловать.
Когда его губы накрыли ее рот, Сэм собрала все силы и прервала поцелуй.
– Я не могу, Ник. Только не во время расследования. – *Но как же ей хотелось продолжить поцелуй!*
– Мне было необходимо убедиться, что все так же, как мне запомнилось.
От избытка чувств она закрыла глаза.
– Ну и как?
– Даже лучше, – признался он и попытался продолжить.
– погоди, Ник. *Погоди.* – Она прижала ладонь к его груди, чтобы он не приближался.
– Мы не можем. Не сейчас. Только не когда я по уши в расследовании убийства, к которому ты причастен.
– Я этого не делал.
И он расстегнул застегиватель, державшую ее «хвост», и пропустил пальцы по всей длине освободившихся волос.
Лишившись силы от такого интимного жеста, Сэм отступила от Ника.
– Я знаю, что ты не убивал. Но ты все равно причастен. У меня и так полно проблем даже без неуместных кувырканий со свидетелем.
– Так вот что это было бы? – Глаза загорелись яростью и уставились на нее. – Неуместное кувырканье?
– Нет, – тихо произнесла она. – И это еще одна причина, почему ничего хорошего не выйдет, если что-то начать сейчас.
Он придвинулся ближе.
– Уже началось, Сэм. Началось шесть лет назад, и мы ничего не закончили. На этот раз я хочу закончить. Может, не прямо сейчас, но со временем. Я буду глупцом, если позволю тебе выскользнуть из рук, как первый раз. Я не повторю своей ошибки.
Пораженная его горячностью, Сэм отступила на шаг.
– Признательна за предупреждение, но, возможно, такие дела лучше оставить незавершенными. У нас обоих много чего происходит...
– Увидимся завтра, – прервал ее Ник и вручил застегиватель.
Идя к двери, выходя из дома, Сэм чувствовала спиной его взгляд. И всю дорогу домой на губах горел поцелуй.

Глава 8

На следующее утро, рано, стоя над бранными останками сенатора Джона Томаса О'Коннора, возраст тридцать три года, Сэм думала, что смерть – великий уравнилель. Мы выходим из ничего и уходим в ничто. И в смерти то, что мы достигли – или чего не достигли, – ничто не имеет значения. Сенатор или каменщик, миллионер или мать на пособии, – все выглядят более-менее одинаково, лежа на столе патологоанатома.

– Я определила время смерти, приблизительно одиннадцать часов вечера, - сообщила доктор Линдси Макнамара, главный окружной судмедэксперт, стягивая резинку с длинных рыжих волос, забранных на время аутопсии в «конский хвост».

– Почти сразу, как он пришел домой. Убийца, возможно, ждал его.

– Обед включал филе-миньон, картофель, смесь зелени и то, что выглядит как две кружки пива.

– Лекарства?

– Я еще жду отчет по токсикологии.

– Причина смерти?

– Ранение в горло, нанесенное острым предметом. Рассечена яремная вена. Он очень быстро истек до смерти.

– Что было первым? Шея или гениталии?

– Гениталии.

Сэм поморщилась.

– Жуткая смерть.

– Наверное, самая страшная для мужчины.

– Он был жив и осознавал, что кто-то, кого он знал, отсек ему член, – проговорила Сэм, скорее для себя, чем для Линдси.

– Ты уверена, что это был знакомый?

– Ничего определенного, но я склоняюсь к этому, потому что никаких следов борьбы и взлома.

– Также никаких частиц кожи под ногтями или оборонительных травм на руках.

– Он не оборонялся.

– Все случилось быстро.

Линдси показала рукой на пенис О'Конора, плавающий в какой-то жидкости.

Сэм подавила необычный для нее приступ тошноты. Обычно такие вещи ее никак не впечатляли, но ведь она никогда прежде не видела отрезанный пенис.

– Чистый четкий разрез, – прокомментировала Линдси.

– Потому убийца сумел вонзить кинжал в шею сенатора, пока тот еще сидел в кровати.

– Точно. Он дернулся бы при кастрировании. Возможно, потерял сознание от болевого шока.

– Поэтому он не увидел момент наступления смерти.

– Наверно, нет.

– Спасибо, док. Пошлешь отчет, когда будет готово?

– Ты его получишь, – пообещала Линдси. – Сэм?

Сэм, которая потянулась за сотовым, чтобы проверить сообщения, взглянула на коллегу.

– Хочу, чтобы ты знала, как я переживаю из-за того случая с мальчиком, – сказала Линдси с состраданием в глазах. – Что с тобой творила пресса... ну, все, кто с тобой знаком, знают правду.

– Спасибо, - поблагодарила Сэм вполголоса. – Я это ценю.

К семи часам Сэм сидела в своем кабинете и просматривала четыре распечатки записей телефонных звонков из дома сенатора, офиса и двух мобильных. В глазах плыло от недосыпа, в котором Сэм обвиняла поцелуй Ника и воспоминания, воскрешавшие этот поцелуй. Она выискивала схему и подкреплялась второй за день диетической содовой. Большинство звонков шло на номера Вашингтона и Вирджинии, но она заметила несколько звонков на неделю в Чикаго, причем длились они по часу и более. Сэм взяла на заметку проверить номер.

Достаточно регулярно, чтобы их проследить, всплывало несколько номеров. Она составила список и переадресовала одному из детективов, прикрепленных к ней в помощники.

Схватив еще содовой и черствый бублик, оставшийся со вчерашнего дня, Сэм решила заехать перемолвиться словечком с шефом Фарнсуортом, перед тем как встретиться с Фредди на Капитолийском холме. У здания национальной безопасности на нее обрушились поджидавшие репортеры. Увидев, сколько их, она на секунду подумала было вернуться и попросить пару дежурных помочь ей пробраться сквозь толпу. Однако отменила эту идею как трусливую и вступила в драку.

- Сержант, вы уже готовы назвать подозреваемых?
- Как был убит сенатор?
- Кто его нашел?
- Что вы думаете о заголовках сегодняшних газет?

От последнего вопроса в животе все перевернулось: Сэм могла лишь вообразить, что пишут газеты о детективе, которого департамент выбрал вести расследование самого громкого преступления в городе. Она подняла руку, чтобы пресечь град вопросов.

– На настоящий момент могу сказать только, что идет расследование, и как только нам станет известно больше, мы созовем пресс-конференцию. Пока без комментариев. А сейчас дайте пройти. Мне нужно работать.

Они не сдвинулись с места, но и не препятствовали ей прокладывать себе дорогу.

Взъерошенная и раздосадованная, Сэм забралась в полицейскую машину без опознавательных знаков и закрыла дверь, пробормотав.

– Гребаные стервятники.

У Хартского здания Сената бросила два четвертака в газетный автомат и вытянула утренний выпуск *Washington Post* где центральный заголовок объявлял об убийстве сенатора. Ниже – колонка поменьше, заголовок гласил: «Опозоренный детектив назначен на расследование убийства». Сэм издала расстроенный рык, когда слова смешались на странице, как часто происходило от стресса или усталости. *Чертова дислексия*. Сделав глубокий вздох, попыталась снова, читая медленно, слово за словом, как и тренировалась раньше.

Колонка содержала пересказ облавы, приведшей к смерти Квентина Джонсона, и останавливалась, прямо не доходя до того, чтобы поставить под сомнение компетентность Сэм и ее шефа.

– Здорово, - проворчала она. – Просто здорово.

И, бросив газету в мусор, доехала на лифте на второй этаж, где Фредди ждал ее, наслаждаясь глазурованным пончиком.

– Ты видела газеты? – спросил напарник, смахивая прилипшие крошки тыльной стороной ладони.

Сэм отрывисто кивнула, и пока он не успел ввязаться в дальнейшее обсуждение статьи, быстренько ввела его в курс дела: проникновение к Нику, результаты аутопсии и записи разговоров. Показав на дверь, ведущую в ряд кабинетов сенатора О'Коннора, сказала: – Давай приступим.

Просмотрев оставшееся имущество в кабинете Джона, где они не нашли ничего полезного для дела, Сэм и Фредди прошли от помощников по административным вопросам по народу, ведавшему законодательными делами, и до персонала в ричмондском офисе сенатора и директора по связям. И каждому работнику сенатора О'Коннора задавали одни и те же вопросы: «где вы были в ночь убийства», «был ли у вас ключ от его квартиры», «что вы знаете о его личной жизни», «не можете ли вспомнить кого-нибудь, кто точил на него зуб»?

И ответы были одни и те же, в нескольких вариациях: «я работал здесь (или «дома в Ричмонде с мужем/женой/девушкой»», «у меня нет ключа», «он охранял свою личную жизнь» и «все любили его», даже политические соперники, не имевшие на то особых причин.

– Кто дальше? – спросила Сэм, чувствуя себя так, словно они ворочали жернова.

– Кристина Биллинг, заместитель руководителя штаба, - ответил Фредди.

– Приведи ее.

– Мисс Биллинг, – предлагая жестом присесть напротив за столом в конференц-зале, сказала Сэм хорошенькой изящной блондинке. – Позвольте начать с того, что мы сожалеем о вашей потере.

Доброжелательность вызвала слезы в голубых глазах Кристины.

– Спасибо, - прошептала она.

– Не могли бы вы сказать, где были в ночь убийства сенатора?

– Здесь. Из-за назначенного на следующий день голосования нам нужно было много приготовить для того, что потом последует – пресс-конференцию, выступления в ток-шоу, интервью... – Плечи ее опустились, словно жизнь потеряла смысл. – Он так усердно работал.

Заинтригованная гаммой эмоций, исходившей от Кристины, Сэм спросила:

– Вы были здесь в офисе всю ночь?

– Кроме того времени, когда ушла добыть для всех еды.

– Во сколько? – спросил Фредди.

– Не знаю. Может, около одиннадцати или одиннадцати тридцати?

Фредди с Сэм переглянулись.

– Где вы брали еду?

Та назвала китайский ресторанчик на Капитолийском холме, и Сэм пометила в блокноте проверить позже.

– Вы ходили куда-нибудь еще?

– Нет. Забрала еду и вернулась. Все проголодались.

– У вас есть ключ от квартиры сенатора? – спросил Фредди.

Кивнув, Кристина сказала:

– Какое-то время назад он дал его мне, чтобы я могла забирать его почту и поливать растения, когда он уезжал в Ричмонд или Лисбург.

– Когда последний раз вы им пользовались?

Она задумалась.

– Возможно, месяца три назад. Он был в городе на рабочей сессии по сбору голосов, нужных для прохождения закона об иммигрантах.

– Что вам известно о его личной жизни? – спросил Фредди. – Он с кем-нибудь встречался?

С глубоко скорбного ее выражение сменилось на враждебное.

– Понятия не имею. Я не обсуждала с ним его амурные дела. Он был моим боссом.

Что-то в ее тоне, во вспыхнувших голубых глазах уловил радар Сэм.

– Мисс Биллинг, у вас был роман с сенатором?

Кристина оттолкнула стул и вскочила:

– С меня хватит.

– Черта с два, – резко сказала Сэм. – Сядьте.

Дрожа от гнева, сжав губы, Кристина повернулась и встретилась со стальным взглядом Сэм.

– Или что?

– Или продолжим допрос в участке. Вам выбирать.

С превеликой неохотой Кристина снова села и напряженно застыла, сцепив руки.

– Прежде чем мы продолжим, напоминаю, что у вас есть право на адвоката во время допроса.

Мисс Биллинг задохнулась:

– Я под арестом?

– Не сейчас, но адвокат вам может потребоваться в любой момент. Хотите продолжить без адвоката?

Кристина едва заметно кивнула. При упоминании адвокатов ее поза слегка расслабилась.

– Еще раз спрашиваю, – напомнила Сэм. – Был ли у вас роман с сенатором?

– Нет, – тихо ответила та.

– Испытывали ли вы к нему романтические чувства?

Глаза Кристины наполнились слезами.

– Да.

– Чувства были без взаимности?

– Понятия не имею. Мы никогда не говорили об этом.

– Что вы чувствовали, когда он встречался с другими женщинами? – спросил Фредди.

– А как вы думаете, что я чувствовала? – резко обернулась к нему Кристина. – Я любила его, а он меня не замечал. Для него я была доверенным помощником и другом, на которого он мог рассчитывать, кто всего лишь забирал его почту.

– Каковы были ваши обязанности как заместителя руководителя штаба? – продолжила Сэм.

– Я составляла его ежедневное расписание, вела ежедневник встреч, следила за помощниками по административным вопросам и, по сути, управляла его временем.

– Так вы тесно работали с ним? – спросил Фредди.

– Да.

– Более тесно, чем мистер Каппуано?

– Чаще всего, да.

– И все это время, которое вы с ним проводили, он не имел понятия, как вы к нему относитесь? – спросила Сэм.

– Я прошла большой путь, чтобы утаить это от него и кого-либо еще. Он был моим боссом. Какое несчастное клише – вот что я чувствовала.

– Кто-нибудь еще знал?

– Ник догадывался, но я о том не знала, пока сенатора... не убили, – дрогнувшим голосом сказала она.

– Почему вы не ушли? – спросила Сэм, с трудом стараясь сдержать гнев, что Ник утаил от нее эту информацию.

– Потому что была нужна ему. Он сказал, что без меня пропадет. – Кристина пожала плечами. – Я знала, что звучит жалко, но лучше, чем ничего.

– Разве? – высказала сомнение Сэм.

– Если вы подозреваете, что я убила его, потому что он не замечал меня как женщину, то вы ошибаетесь.

– Люди убивают и за меньшее.

– Я не убивала. Я любила его. Самый ужасный момент в моей жизни – когда позвонил Ник. – После долгой паузы Кристина стала отодвигать стул. – Могу я идти?

– Прежде чем вы уйдете, разрешите спросить вас. Вы говорите, что составляли расписание и управляли его жизнью. Правильно я понял? – спросил Фредди.

– Да.

– А вы не знаете, с кем он встречался вне офиса?

Кристина сильно сжала челюсти.

– Так да или нет? – повторил Фредди.

– Было несколько, – наконец ответила Кристина.

– Нам нужен список, - повторила Сэм. – Также мне хотелось бы иметь список всех, у кого был ключ от квартиры сенатора, и его календарь встреч за последние полгода. К концу этого дня, пожалуйста.

Коротко кивнув, мисс Биллинг встала.

– Не выезжайте за пределы города, – предупредила Сэм покидающую комнату женщину.

– Что это значит?

– Вы наверняка догадываетесь, что это значит.

Когда дверь со стуком захлопнулась за Кристиной, Сэм повернулась к Фредди.

– Я знаю, что ты собираешься сказать. – Он начал загибать пальцы. – Пробел в алиби на время убийства, ключ от квартиры, безответная любовь...

– Почти достаточно, чтобы арестовать ее, - подтвердила Сэм.

– За исключением?

Сэм вздохнула.

– Я верю, когда она говорит, что его смерть – самая ужасная вещь, случившаяся с ней.

– Это не значит, что она не ответственна за нее.

– Да, не значит.

– Я покопаю подноготную мисс Биллинг.

– Фредди, ты читаешь мои мысли. Нам также нужно выяснить, кто выигрывает финансово в случае смерти сенатора.

– А не знает ли это руководитель штаба?

– Может, и знает. Он следующий. Не хочешь ли раздобыть какой-нибудь перекус, прежде чем мы возьмемся за него?

– Уже думал, ты никогда не попросишь, - Фредди с радостью потер живот. – Тебе что?

– Салат. – Она шлепнула ему в ладонь десятку. – С обезжиренной заправкой.

Он соорудил гримасу отвращения.

– Сейчас принесу.

Только он ушел, Сэм прошла в кабинет Ника и хлопнула дверью.

– Ну и тебе тоже доброго дня, сержант, - сказал тот с легкой сокровенной улыбкой, давшей знать Сэм, что он о ней вспоминал с того поцелуя прошлой ночью.

– Прибереги свой шарм для того, кому интересно.

Он в изумлении поднял темную бровь.

– О, тебе интересно. Но если хочешь строить из себя недотрогу, - кто я такой, чтобы тебе мешать?

– То, что случилось вчера, больше не повторится.

– Повторится и не раз.

– Только когда закроем дело, Ник. Я серьезно. – Решив, что настал момент отставить личные разговоры, она подбоченилась и спросила: – И когда ты собирался сказать мне, что твой заместитель влюблена в сенатора?

Ник выглядел потрясенным.

– Она тебе это сказала?

– Я из нее вытянула. Один из моих особых талантов.

– Готов поспорить, - сухо сказал он.

– Почему ты не посчитал это достаточно важным, чтобы поделиться со мной?

– Это личное, и я не вижу, какое это имеет отношение к делу.

– *Все* имеет отношение, Ник! Это расследование *убийства*!

– Прости. Мне и в голову не приходило, что это так важно.

– Она уходила отсюда купить еды в точности во время убийства. И у нее ключ от квартиры. И она в него была влюблена.

Красивое лицо Ника побледнело.

- Ты же не можешь, в самом деле, предположить...
- Могу и предполагаю.
- Невероятно, Сэм. Она обожала его. Боготворила. И никогда бы не причинила вреда.
- Как хорошо ты ее знаешь?
- Работал с ней пять лет. Она отличный друг и коллега.
- А что ты знаешь о ней еще?

– Она выросла в Оригоне, приехала сюда учиться в колледж и с тех пор, как его окончила, работала в законодательной ветви власти. Продвинулась до уровня руководителя.

- Ты ей доверяешь?
- Безоговорочно.
- Какой у нее уровень допуска?
- Секретный.

Сэм вытащила из заднего кармана блокнот и сделала пометку получить результаты проверки подноготной Кристины Биллинг в части, не подвергалась ли она проверке для правительственного секретного допуска.

- А у тебя?
- Сверхсекретный.
- С какого времени?

– С момента назначения сенатора в Комитет национальной безопасности и правительственных дел. До этого допуск был секретный.

- Кто еще имеет сверхсекретный допуск?
- Только сенатор.
- Кто его наследники?

Ник подумал.

- Ну, полагаю, племянник и племянница. Адам и Эмма.
- Но точно ты не знаешь? – Он помотал головой. – А кто знает?
- Наверно, отец и их поверенный, Люсьен Хэверфилд.

Сэм записала имя поверенного.

С двумя пакетами вошел Фредди.

– Начали без меня, босс?

– Мы говорим о наследниках, – сказала ему Сэм. – Мистер Каппуано считает, что самое вероятное – это племянники сенатора.

– Имеет смысл, – произнес Фредди. – Мы здесь расположимся или в конференц-зале?

Ник жестом показал на маленький столик. – Меня устроит и здесь.

– Дайте только я захвачу диктофон, – заметил Фредди.

– Ты не возражаешь, если мы тут поедим? – спросила Сэм Ника. – Детектив Круз чокнется, если вовремя не получит дневной приток жира.

Ник улыбнулся, но Сэм заметила, что глаза у него грустные и усталые.

– Без проблем. За этим столом я ем чаще, чем дома.

– Кстати, о доме, Ты не заметил еще что-нибудь не на месте или пропажу? – Он покачал головой. – Дай знать, если что.

– Так ты мне поверила? Что кто-то проник?

Сэм чуть кивнула и с трудом встретилась с его настойчивым взглядом, вздрогнув, когда поняла: она боится того, что может найти в этих потрясающих карих глазах.

– Я ничему не помешал? – спросил вернувшийся с диктофоном Фредди.

Сэм прочистила горло:

– Нет. Давай заканчивать. На сегодня и так куча информации.

Глава 9

После короткой остановки в китайском ресторанчике на Капитолийском холме, где им подтвердили, что позапрошлой ночью Кристина Биллинг забирала еду на вынос около одиннадцати часов, Сэм привезла Фредди обратно в офис.

– Итак, – начал напарник. – Хочешь мне объяснить, что это там было?

– Что именно?

– Ты и Каппуано. Я чувствовал себя третьим лишним на жарком свидании.

Сэм пронзила его взглядом.

– О чем, черт возьми, ты говоришь?

– Ладно, давай посмотрим. – Загибая пальцы, Фредди начал перечислять: – Многозначительные паузы, кипящие взгляды и, конечно же, забавные намеки. Нужно продолжать?

Сэм расстроилась, что Фредди заметил проскакивающие между ней и Ником искры. А ведь стоило понять: парень смекалистый и уловит то, что она пыталась так старательно не показывать во время часовой беседы с Ником. Сэм вымоталась, пытаясь держаться профессионально и сосредоточиться на работе.

– У тебя богатое воображение.

– Ничего подобного. Что случилось, Сэм?

– Ничего. Я почти не знаю этого человека. – По большей части правда. Вроде того. – Что бы ты себе ни думал, это просто результат твоего чрезмерного и сексуально озабоченного воображения.

– Ух ты, – на долгом выдохе протянул Фредди. – А кто говорил о сексе?

Кипя от жажды ответных мер, которые она не смела применить, Сэм въехала на парковочную стоянку у комплекса госбезопасности.

И только собралась выйти, как Фредди остановил ее словами:

– Что случилось вчера по дороге в округ Лаудун?

– Ничего.

Сейчас уж точно была правда.

– Я твой напарник, Сэм. – Он схватил ее за куртку, удерживая. – Поделись со мной.

Сэм освободила рукав.

– Говорить не о чем! У нас миллион дел, а ты тратишь время, чтобы поджарить меня и выудить чего-то там, что навоображал себе?

– Я натасканный следак – натасканный, по большей части, тобой. Мне плевать, что ты говоришь: в той комнате так пылало, что запросто можно было сжечь Капитолий.

Сэм молча дымилась. Вот именно поэтому она заявила Нику, что случившееся накануне ночью не должно повториться. Ей сейчас еще ссор с напарником не хватало.

– Что бы там ни происходило, – Фредди смягчил тон, – надеюсь, ты будешь осторожной. Сейчас на кону очень многое.

– Искренне благодарю, Фредди. Я рада, что ты мне об этом напомнил. А то не дай бог смогу забыть о ребенке, который был убит в мою смену.

– Сэм...

– Нам нужно работать.

– Я на твоей стороне. Надеюсь, ты это знаешь. Если хочешь поговорить...

– Спасибо. Можем мы теперь приступить к работе?

Глубоко вздохнув, напарник взялся за ручку двери.

Сэм вошла внутрь, снова пропихнулась сквозь шумную толпу собравшихся в вестибюле репортеров: оставить их с носом доставило ей огромное удовольствие.

Она чувствовала себя паршиво от того, что так вспылила с Фредди, а ведь он был ее опорой в деле Джонсона. Однако ей не хотелось слушать, что ему придется высказать по поводу ее отношений в прошлом со свидетелем – отношений, которые она не закончила,

зная, что если их продолжит, то ее снимут с расследования. Нельзя этого допустить. Раскрытие этого нашумевшего убийства – вот что отчаянно нужно Сэм, чтобы вернуть карьеру в прежнее русло.

И вот поэтому она собиралась, если надо будет, работать день и ночь и раскусить это дело как можно скорее, задолго до того, как какая-нибудь зараза обнаружит, что однажды детектив провела ночь с человеком, нашедшим труп сенатора. В случае неудачи, если руководство решит, что Сэм прокололась еще раз, ей придется послать своей завоеванной с большим трудом карьере прощальный поцелуй. И что потом? Что делать без работы? Кем она станет? Да никем.

Отогнав неприятные думы, Сэм сообщила Фредди, что возвратится после пресс-конференции, и направилась к шефу Фарнсуорту. По дороге она остановилась в туалете, чтобы плеснуть холодной воды на лицо. Глядя в зеркало, ужаснулась темным кругам под глазами, бледной, почти прозрачной коже из-за нескольких недель бессонных ночей и стоявшей в глазах нескрываемой муке.

Сэм сказала начальству, что готова вернуться, завершила полицейского психолога, что справится с любой порученной работой. Однако сможет ли она справиться, снова встречаясь с Ником Каппуано? Сможет ли совладать с чувствами – даже спустя шесть лет – когда вновь обнимают эти сильные руки, целуют эти нежные губы, заставляет млеть взгляд этих жарких глаз? Боже! Его глаза просто запредельно ошеломляют.

– Прекрати, Сэм, – прошептала она своему с трудом узнаваемому отражению в зеркале. – Пожалуйста, прекрати. Делай свою работу и перестань о нем думать. Думай о сенаторе. – Вытянув полотенце, она промокнула мокрое лицо, глубоко вздохнула и, еще раз повторив: – О сенаторе, – приготовилась стоять рядом с шефом на пресс-конференции.

Вопросы задавали грубо и бесцеремонно.

– Как вы можете доверять сержанту Холланд возглавлять такое важное расследование с ее неумением дать ситуации нужную оценку?

Шеф Фарнсуорт, благослови Боже его добрую душу, дал понять, что она самый подходящий для этого расследования детектив, и он ей полностью и безоговорочно доверяет.

Представив, что он сказал бы насчет ее отношений с важным свидетелем, Сэм тяжело слотнула.

«Хватит, – подумала она. – Ты приняла решение относительно него. Была всего одна ночь, и прекрати об этом вспоминать. Да, вот так. Хорошо».

Покончив с нападками на нее, репортеры перешли к более узким вопросам о расследовании.

– У вас есть подозреваемые?

Шеф кивнул на Сэм, переадресовывая ей вопрос.

– У нас есть некоторый список возможных подозреваемых, но мы не готовы еще сузить его до одного.

– Почему так долго?

– У сенатора была сложная насыщенная жизнь. Чтобы сложить вместе все кусочки, требуется время, но заверяю вас, мы приведем расследование к удовлетворительному результату.

– Несколько слов о планах похорон.

– Об этом справьтесь в офисе сенатора.

– Можете сказать, как его убили?

– Нет.

– В квартиру вламывались?

– Без комментариев.

– Оказал ли он сопротивление?

– Без комментариев.

– На сегодня все, ребята, – вмешался шеф. – Как только у нас будет что сообщить, мы дадим вам знать. – Он проводил Сэм со сцены в свой кабинет. – Ты проделала хорошую работу. Знаю, тебе было нелегко. – Внимательно осмотрев ее, Фарнсуорт заметил: – Ты плохо спала.

Сэм пожала плечами:

– Да так, всякое в голову лезло.

– Может, стоит поговорить с доктором Труло, пусть что-нибудь выпишет...

Сэм протестующе подняла руки, прерывая шефа. – Я еще не совсем дошла до ручки.

– Мне нужно, чтобы ты была в полной форме сейчас.

– Не беспокойтесь. Я в форме.

– Одобряю версию насчет Кристины Биллинг. Надо к ней присмотреться.

– Ну, не знаю, – протянула Сэм, мотая головой. – Народ в офисе подтвердил, что еда была горячей, когда мисс Биллинг вернулась, похоже, она нигде не задерживалась. Записи видеокamеры на парковке показывают, что она вернулась через двадцать восемь минут.

– Могла мисс Биллинг съездить к сенатору на квартиру до посещения ресторана?

– Она должна была проехать через Дистрикт в «Уотергейт», убить его и вернуться с китайской едой за полчаса. Времени недостаточно. Плюс нож рассек яремную вену. Ее окатило бы кровью с ног до головы. Каппуано, руководитель штаба, утверждал, что мисс Биллинг на следующее утро была в том же костюме, что накануне, потому что они бдели всю ночь, готовя голосование на следующий день. Основываясь на этом, я почти готова ее исключить.

Шеф задумчиво потер подбородок:

– Все-таки покопай ее поглубже. У нее есть мотив, возможности и ключ. Не сбрасывай так быстро со счетов.

– Хорошо, сэр.

– То же самое с братом сенатора. Также имеем мотив, возможность и отсутствие алиби, если он не представит ту женщину, с которой, по его словам, провел время.

– Верно. Мы собираемся побеседовать с ним в более формальной обстановке. Еще вертятся в голове мысли насчет его сестры и зятя, Лизбет и Ройса Гамильтонов.

– Почему?

– Их дети наиболее вероятные наследники сенатора. Родители О’Коннора будут здесь в шесть часов, чтобы посмотреть тело. Я спрошу Грэхема О’Коннора о завещании сына, и пусть Круз покопается в их финансах. Потом Стенхауз, несчастный политический соперник. Он отлучился домой в Миссури для давно запланированного сбора средств, но утром мы с ним встретимся.

– А что ты думаешь об этом направлении?

– Улик нет, вот поэтому я не удержала его от поездки в Миссури. Добыть каким-то образом ключ он не мог, а я подозреваю, что убийца был близок к Джону О’Коннору.

– Подружки?

– Биллингс составила нам список женщин, с которыми его видели в обществе, и тех, кто имел ключ. Я также собираюсь спросить сенатора О’Коннора-старшего, не болтаются ли где ключи с тех времен, когда он там жил.

– А записи видеонаблюдения не помогли?

– Ни мы, ни Каппуано никого не смогли идентифицировать. Видео захватывает вестибюль и район лифта, но не отдельные двери, поэтому особой пользы нет. Ночь была холодной, все по уши укутаны в шарфы и шапки. У нас проблемы с опознанием лиц. – Встрепенувшись, шеф взглянул на нее. – Что?

– Все укутаны...

– И что?

– Может, у Кристины Биллинг было пальто, от которого она избавилась в ближайшей канаве?

Сэм заинтересованно задумалась над версией.

– Это бы объяснило, почему не пострадал костюм.

– Точно. Возможно, настало время выписать ордер на обыск ее машины.

– Черт, и почему я сама не додумалась? – возмутилась Сэм.

– Ты бы догадалась. Думаю, у тебя проблемы со временем относительно ее, но мне кажется, ты все учиываешь, сержант.

– Стараюсь.

Их прервал стук в дверь.

– Входите, – сказал шеф. – Открылась дверь, и в кабинет вошел Фредди, с виду какой-то нервный и неуверенный. – Детектив Круз.

– Здравствуйте, сэр, – заикаясь, поздоровался Фредди. – Простите, что прерываю, но офицеры, разбирающие изъятые из квартиры сенатора документы, нашли страховой полис. Думаю, вам нужно взглянуть, сержант Холланд. – И с этими словами вручил ей документ.

Сэм внимательно прочла его, при виде суммы в два миллиона долларов глаза ее полезли на лоб. Она невольно выдохнула, увидев имя получателя – Николас Каппуано.

Двадцать минут спустя промчавшись мимо перепуганной команды Ника, Сэм ворвалась в его кабинет, с грохотом захлопнула за собой дверь.

Не отнимая глаз от своих дел, он заметил:

– Так скоро вернулись, сержант?

– *Ах ты сукин сын!*

Наконец он взглянул на нее, однако в обычно дружелюбных глазах стоял холод.

– Не соблаговолишь ли объяснить?

– А как насчет того, чтобы объяснить *самому*? – Она шлепнула перед ним страховой полис.

Не переставая пристально смотреть на нее, Ник потянулся за документом.

– Что это?

– Ты мне скажи.

Он наконец отвел от нее взгляд:

– Это страховой полис.

– По мне, так это похоже на страховку в два миллиона долларов, – уточнила Сэм. – Проглистай до последней страницы.

Он посмотрел, как она и сказала, и спросил, с виду явно потрясенный:

– Я что, получатель?

– Будто ты не знал.

– Нет! Понятия не имел, что он такое учинил! – Странное выражение возникло на лице Ника. – Так... вот что он имел в виду.

Голос сошел на шепот.

Сэм хотелось потребовать немедленного ответа, но она подождала, пока Ник соберется с мыслями.

– Однажды как-то я сказал Джону, когда впервые его встретил и понял, кто его отец, что и представить не могу в самых диких мечтах, что такое быть миллионером. А он сказал: «Пути господни неисповедимы». – Ник бережно провел рукой по страницам полиса. – Потом около месяца назад тема возникла снова, поскольку я пошутил насчет того, что стал богачом, управляя его офисом. Он заметил, что у меня еще уйма времени, чтобы стать миллионером, и что то, чем я занимаюсь – все мы занимаемся – куда важнее денег. – Ник посмотрел на Сэм. – Впервые мне показалось, что он наконец принял всю значимость своего дела. Напоследок Джон бросил, что я мог бы стать миллионером скорее, чем думаю, и ушел.

– Ты не спросил, что он имел в виду?

– В тот момент это показалось на ходу брошенным замечанием, но теперь оно приобретает смысл, – Ник покачал головой.

– Думаешь, он знал, что скоро умрет?

– Нет, но у него было чувство, что он умрет молодым. Когда мы напивались, Джон впадал в слезливые дискуссии. Мы называли их его философскими настроениями.

– И часто он впадал в такие настроения?

Ник задумался.

– Сейчас, когда ты упомянула, ясно, что последнее время чаще. На прошлой неделе Кристина спросила меня, не кажется ли мне, что Джон в депрессии.

– А что ты?

– Возможно, лучше было сказать «расстроен», чем в депрессии. У него точно что-то засело в голове.

А ты не имеешь представления что?

– Пару раз я пытался вызвать его на откровенность, но он отмахивался. Говорил, что сосредоточился на законе и как его провести. Я списал все на стресс.

– Ты и вправду не знал о страховке?

– Клянусь Богом. Можешь проверить на детекторе лжи.

Долгую секунду Сэм его изучала.

– Нет необходимости. Поздравляю, похоже, ты, наконец, стал миллионером.

– Ане самым лучшим способом, – тихо уточнил Ник.

Последние пары, с которыми она заявила, рассеялись.

– Ник... - Сэм боролась с сильным искушением обойти стол и обнять этого сильного мужчину. Прочистив охрипшее от избытка чувств горло, она произнесла: – В шесть придут его родители. Они хотят его видеть. Как думаешь, может, ты тоже смог бы прийти? Им легче будет, если увидят знакомое лицо.

– Конечно.

– Я могу захватить тебя и привезти позже обратно, чтобы тебе не иметь дело с парковкой.

– Конечно.

Он встал и потянулся за пиджаком, висевшим на спинке стула.

У Сэм пересохло во рту, когда она увидела игру мускулов под бледно-голубой рубашкой, которую сегодня Ник надел без галстука. Вот он поправил воротничок красивыми руками. Сэм помнила, как эти руки скользили по ее возбужденному телу много лет назад. Разве память бывает такой живой? Однако воспоминания были столь яркие и реальные, словно все произошло только вчера.

Ник поймал ее взгляд:

– Что?

Лицо Сэм запылало.

– Ничего.

Не сводя с нее глаз, Ник вышел из-за стола и остановился перед ней. Провел пальцем по щеке.

– Я тоже думаю об этом. Никогда не переставал думать.

– *Не надо.* – Сэм удивилась, как легко он читал ее мысли. Как такое возможно? – Пожалуйста.

– Даже в разгар всего, что происходит, даже когда планирую похороны лучшего друга, когда справляюсь с травмированной командой и родителями Джона, я хочу тебя. Думаю о тебе и хочу тебя.

– Не могу, Ник. На кону моя работа. Вся моя карьера зависит от этого расследования. Я не могу ничего позволить тебе сейчас.

– А позже? Когда все кончится?

– Может быть. Тогда посмотрим.

– Что ж, обязательно посмотрим. – Он жестом пропустил ее вперед в дверь. – До поры до времени.

Глава 10

– Как планируют провести похороны? – спросила Сэм Ника, когда они встали в глухой пробке на Конститушюшен-авеню.

– Его выставят при полном параде в Капитолии в Ричмонде на сорок восемь часов, начиная с пятницы. Далее, панихида в Национальном кафедральном в понедельник и похороны на Арлингтонском кладбище неделю или две спустя. Столько понадобится, чтобы все организовать.

– Я и не знала, что он ветеран.

– Четыре года в морфлоте после колледжа.

– Если можно, я хотела бы присутствовать с тобой на панихиде. На случай, если ты мне понадобишься узнать кого-нибудь.

– Конечно, сделаю все, что смогу.

– Спасибо. – Она хотела еще что-нибудь добавить, но поняла, что неожиданно язык присох к небу. После долгой неловкой паузы Сэм взглянула на Ника. – Я, э-э, признательна тебе, что помог разобраться в закулисной жизни сенатора и его отношениях.

– Ты уже поговорила с Натали?

Сэм мысленно пробежала список друзей, семьи, коллег и знакомых Джона.

– Не слышала о Натали. Кто она?

– Натали Джордан. Пару лет она была подружкой Джона.

– Когда?

Ник подумал.

– Я бы сказал, около двух лет до того, как он баллотировался в Сенат, и, возможно, год после приведения к присяге.

– Они плохо расстались?

– Они расстались. Я не знаю почему. Он не вдавался в подробности.

– Все же ты считаешь, что нужным упомянуть ее имя при расследовании убийства.

Ник пожал плечами.

– Ты рассердилась, что я не сказал тебе о влюбленности Крис. Натали долгое время была важна для Джона. Считай, единственная из известных мне женщин, которая была ему важна. Я просто подумал, что тебе нужно о ней знать.

– Где она сейчас?

– Вышла замуж за другого парня, работающего в Верховном суде. Думаю, они живут в Александрии.

– Сенатор с ней встречался?

– Иногда они сталкивались на мероприятиях Демократической партии в Вирджинии.

– У нее еще есть ключ от его квартиры?

– Наверное. Они там жили последний год, когда были вместе.

– Тебе нравилась Натали?

Ник откинул голову на спинку сидения.

– Не мой тип, но, кажется, Джон был с ней счастлив.

– Но тебе она *нравилась*?

– Не особенно.

– Почему?

– Она всегда считала меня выскочкой из низов. Мы раздражали друг друга. Наверное потому, что никак не помогал ей продвинуться в своих планах, она считала меня бесполезным.

– То, что сенатор встречался с такой личностью, кажется, противоречит тому портрету, что нарисовал ты и другие. С моей точки зрения, он не стал бы такую терпеть.

– Джон был ей ослеплен. Она поразительная... ну, если ты поговоришь с ней, увидишь, что я имею в виду.

– Что ты думаешь о его сестре и зяте? – Похоже, Ника поразил вопрос. – Какова его история? Ройса Гамильтона, то есть?

– Он тренирует лошадей. Один из лучших, насколько я слышал. Лизбет всю жизнь сходила с ума по лошадям. Джон всегда говорил, что брак сестры и Ройса предначертан на небесах.

– Какие-нибудь финансовые проблемы?

– Никогда о таких не слышал. Не то чтобы я вообще много прислушивался. Я виделся с ними по праздникам, когда случалось обедать в Лисбурге или то тут, то там на мероприятиях по сбору средств, но мы вращались в разных кругах.

– А в каких кругах вращались Гамильтоны?

– В кругах коневодов Лаудуна. Джон обожал племянников. Все время о них говорил, повсюду развешивал их рисунки.

– А что сенатор О'Коннор думает о том, что единственная дочь вышла замуж за лошадиного тренера?

– Ройс – умный парень. И главное – джентльмен. Сенатор смог оценить эти качества в потенциальном зяте, хотя тот не имел ни докторской степени, ни адвокатского звания и не был политиком. И кроме того, Лизбет влюбилась в него по уши. И ее отцу хватило ума понять, что ничего тут не поделаешь.

– А что насчет нее? Не мог ли у нее быть конфликт с Джоном?

Ник помотал головой.

– Она полностью и безоговорочно предана Джону. Была лучшей участницей кампании и сборщицей средств. – Он хмыкнул. – Джон звал ее Таран. Никто не мог ей отказать, когда она выезжала на агитационную тропу за младшенького братика. Она ни за что не стала бы его убивать. – И повторил настойчиво: – Ни за что.

– У нее был ключ от его квартиры в «Уотергейте»?

– Очень похоже. Любой в семье пользовался ей, когда бывал в городе.

– Эта квартира имеет больше ключей, чем какой-то мотель.

– Похоже, Джон раздавал ключи всем знакомым, не задумываясь.

– Еще он единственный в мире имел ключ от твоего дома. Какая ирония, ты не находишь?

– Он вел более насыщенную жизнь.

– Расскажи мне о своей жизни, – поддавшись импульсу, попросила Сэм.

Ник поднял темную бровь.

– Это кто спрашивает? Женщина или полицейский?

Сэм в момент оценила его живой ум, вспомнив, как привлекла ее эта черта, когда они впервые встретились, и призналась:

– И та и другая.

Ник пристально смотрел на нее, и хотя Сэм не отрывала глаз от дороги, чувствовала жар его взгляда.

– Я работал. Много работал.

– А когда не работал?

– Спал.

– Любому, не только мне, такое покажется скучным.

Он сверкнул веселой кривой ухмылкой, которую она поймала краем глаза.

– Стараюсь пару раз в неделю посещать тренажерный зал.

Судя по рельефной мускулатуре, к которой Сэм прижимали вчера вечером, Ник с толком использовал посещение тренажерного зала.

– Ну и? Ни жен, ни подружек, ни личной жизни?

– Ни жен, ни подружек. Играю с несколькими парнями в баскетбол по воскресеньям, когда могу. Иногда после игры ходим выпить пива. Прошлым летом входил в Лигу Конгресса по софтболу, но больше пропустил игр, чем участвовал. О, и примерно каждый месяц обедаю с семьей отца в Балтиморе. Вот и все примерно.

– Почему ты не женился?

– Не знаю. Просто никак не получалось.

– Наверняка попадался *кто-нибудь*, на ком ты мог бы жениться.

– Да была одна девушка...

– И что случилось?

– Она не ответила на мои звонки. – Лишившись дара речи, пораженная Сэм уставилась на него. – Ты спросила, я ответил.

Оторвав от него взгляд, она прибавила газу, проехала последний перекресток и свернула на общественную стоянку. И резко бросила:

– Зачем ты мне это сказал? Ты же не имел в виду ничего такого.

– Нет, имел.

Она въехала на стоянку и слету вогнала машину на парковочное место.

Ник схватил Сэм за руку, не давая выйти.

– Остынь, Сэм.

– Не приказывай мне. – Она выдернула руку. – И побереги свои нежности для того, кто на них купится. Я тебе ни чуточки не верю.

– Если бы не верила, то сейчас бы так не злилась.

– Ты хочешь знать, что случилось с твоим другом?

В одно мгновение веселье в глазах сменилось яростью.

– Конечно, хочу.

– Тогда тебе придется прекратить так себя вести со мной, Ник. Ты меня в узлы скручиваешь и отвлекаешь от дела. Мне нужно сосредоточиться, на сто процентов *сосредоточиться* на расследовании, а не *на тебе!*

– А когда ты не на дежурстве? – Лукавая улыбка вернулась, но не прогнала грусть из глаз. – Могу я скручивать тебя в узлы?

– Ник...

Уставившись на унылое здание Национальной безопасности, он вздохнул:

– Мы почти на месте и сейчас заберем родителей Джона, повезем их смотреть, как он лежит на холодном столе, а я только и могу думать, как сильно мне хочется поцеловать тебя. Какой я после этого друг? Ему или тебе?

В тоне звучало столько грусти и горечи, что Сэм немного смягчилась.

– Ты был ему отличным другом, и последние двадцать четыре часа, исключая поцелуи, ты мне тоже очень помог. Можем мы так и остаться друзьями? Пожалуйста.

– Я стараюсь, Сэм. В самом деле, стараюсь, но не могу ничего с собой поделаться – меня невероятно тянет к тебе. И знаю, что ты так же себя чувствуешь. Как шесть лет назад. Сильно, как и я. И все еще чувствуешь, как бы ты не хотела. Если бы мы встретились при иных обстоятельствах, можешь с уверенностью сказать, что то же самое не произошло бы между нами?

– Мне нужно идти. – Решительный тон скрыл ее смятение. – Меня, наверное, ждут родители сенатора, и я не хочу затягивать для них процедуру. Ты идешь?

– Да. – Ник открыл дверь. – Иду.

Внутри их встретил Фредди.

– О'Конноры уже здесь. – Он показал на закрытую дверь в конференц-зал. – И демократы от Вирджинии, с которыми сенатор обедал вечером перед убийством.

Сэм переводила взгляд с одной двери на другую.

– Ты не отведишь мистера Каппуано и О’Конноров посмотреть на сенатора?
Пожалуйста.

– Без проблем.

Она положила ладонь на руку Фредди и прошептала:

– Во всей деликатностью.

– Конечно, босс. Не беспокойся.

– Я догоню тебя, – обратилась Сэм к Нику.

Он кивнул и последовал за Фредди в комнату, где уже ждали О’Конноры с дочерью и женщиной, который, как полагала Сэм, был Ройсом Гамильтоном. Мельком взглянув, она отметила, что супруги О’Конноры за ночь сильно постарели.

– Сенатор и миссис О’Коннор, мой напарник, детектив Круз, сопроводит вас посмотреть на сына. Я присоединюсь к вам через несколько минут.

– Спасибо, – поблагодарил Грэхем.

Глубоко вздохнув, чтобы настроиться на нужный лад и выбросить из головы резкий разговор с Ником, Сэм вошла в комнату, где в ее ожидании сидели двое мужчин. Она решила, что им обоим около семидесяти.

При ее появлении они встали.

– Джентльмены, – сказала Сэм, пожимая им руки. – Я детектив-сержант Сэм Холланд. Признательна, что вы пришли.

– Мы просто *опустошены*, – с медлительностью произнес Джадсон Нотт, представившийся председателем Вирджинского отделения Демократической партии. – Сенатор О’Коннор был дорогим другом для нас и всего содружества.

– Мистер Нотт, мне не нужны громкие политические фразы, я хочу знать, как сенатор провел последние несколько часов.

– Мы встретились с ним на обеде в «Олд Эббит Грилл», – сообщил Ричард Маннинг, вице-председатель.

– Как часто вы обедали вместе?

Мужчины обменялись взглядами.

– Раз в месяц или около того. Мы предложили перенести встречу на другое время, поскольку у него было голосование на следующий день, но он заявил, что команда все держит под контролем, и у него есть время пообедать.

– Каким он вам показался?

– Усталым, – не колеблясь, ответил Маннинг.

Нотт согласно кивнул:

– Сказал, что последние две недели работал по двенадцать-четырнадцать часов в сутки.

– О чем вы говорили за обедом?

– О планах кампании, – сообщил Нотт. – В следующем году у Джона намечались перевыборы, и хотя он был бесспорным кандидатом на победу, твердых гарантий у нас не имелось. Мы настраивались вести кампанию несколько месяцев, а теперь... – Его голубые глаза затуманились, а голос упал. – Такая трагедия.

– Во сколько вы расстались?

– Я бы сказал, около десяти, – ответил Нотт.

– И куда он отправился потом?

– Заявил, что едет прямо домой и ляжет спать.

– Кто займет его место в Сенате?

– Зависит от губернатора, – ответил Маннинг.

– Нет первоочередных кандидатов?

Нотт покачал головой.

– Если честно, мы об этом не говорили. Мы сейчас в состоянии крайнего шока. Сенатора О’Коннора любили. Представить не можем, что кто-то захотел причинить ему вред.

– Никто в партии не завидовал его успеху или не метил на его место?
– Только его брат, – презрительно заметил Маннинг. – Он оказался сплошным разочарованием.
– Хватило бы ему зависти, чтобы убить сенатора?
– *Терри-то?* – Нотт нервно оглянулся на дверь, словно испугавшись, что О’Конноры могут его услышать. – Сомневаюсь. Ему бы потребовалось вытащить голову из своей задницы больше, чем на пять минут.
– Как у всякой семьи, у О’Конноров свои проблемы, – сказал Маннинг. – Но все члены семьи дружны. Терри мог завидовать Джону, но не доставил бы горя матери. – Сочувственно покачав головой, добавил: – Бедная Лейн.
– Мы видели их, – сообщил Нотт. – Сердце разрывается.
– Спасибо, что пришли. – Сэм вручила им свою карточку. – Если вспомните что-то еще, хоть незначительную деталь, дайте знать.
– Хорошо, – пообещал Маннинг. – Сделаем все, что в наших силах, чтобы помочь поймать этого монстра, учинившего такое.
– Спасибо.
Сэм проводила их взглядом и направилась в морг.

Глава 11

Входя за О’Коннорами в холодную, пахнущую антисептиком комнату, Ник думал, что подготовился как следует. После того, что увидел вчера, он справится с чем угодно.

Однако, ничего не смогло подготовить его к виду Джона, бездыханного, бледного, как воск, *ушедшего*. И ничто не подготовило его к реакции Лейн.

Один взгляд на лицо сына – и она свалилась бесформенной, лишенной костей тряпкой. Все случилось столь быстро, что никто не успел вовремя подхватить мать Джона и не дать удариться головой о бетонный пол.

– Господи Иисусе! – вскричал Грэхем, падая на колени. – Лейн! Милая, ты слышишь меня?

– Мамочка. – Слезы катились по лицу Лизбет. – Мамочка, очнись.

Миновало несколько напряженных минут, прежде чем глаза Лейн распахнулись.

– Что случилось?

– Ты упала в обморок, – сказала Лизбет. – Как считаешь, ты можешь сесть?

– Мне нужно выйти. Уведи меня отсюда, Лиззи.

Лизбет и Ройс помогли матери подняться. Не глядя на тело на столе, они вывели ее из комнаты.

– Вы в порядке, сенатор? – спросил Ник, когда они остались одни.

С посеревшим лицом и трясущимися руками Грэхем О’Коннор не мог оторвать глаз от белой повязки, что скрывала на шее рану, положившую конец жизни его сына, хрипло прошептал:

– Знаешь, это так неправильно.

– Сэр?

– Стоять над телом своего ребенка. Это неправильно.

У Ника перехватило горло.

– Я сожалею. Если бы я мог что-нибудь сказать...

Он понизил голос, чтобы присматривавший за дверью детектив Круз их не слышал.

Неуверенной походкой Грэхем подошел и погладил густые белокурые волосы сына.

– Кто мог сотворить такое? Как мог кто-то так сильно ненавидеть моего Джона?

– Я не знаю.

Ник смотрел на мертвого друга, желая найти ответы, которые были им так отчаянно нужны.

– Ты думаешь, это мог быть Терри?

Потрясенный, Ник прошептал.

– Сенатор...

– Он так и не смог смириться с тем, что случилось. Он обижался на Джона, может, даже ненавидел за то, что тот занял место, которое Терри считал своим.

– Он бы никогда не убил Джона.

– Хотелось бы мне верить. – Несчастными глазами Грэхем посмотрел на Ника. – Если все-таки Терри... Это убьет Лейн.

Ник лишь мог вообразить, каково тогда будет Грэхему.

– Хм, простите, – прозвучал позади них голос Сэм. – Прошу прощения, что прерываю...

Ник подумал, не услышала ли она их разговор о Терри?

– Вам что-нибудь нужно, сенатор? Не хотите ли присесть на минуту? Я могу принести стул...

Лицо Грэхема окаменело, когда он повернулся к Сэм.

– Вы можете сказать мне, что нашли того, кто сделал это с моим сыном.

– Хотела бы, да не могу, – ответила она. – Скажу только, что мы день и ночь ведем расследование. Если хотите, пойдемте в конференц-зал, я *расскажу*, как далеко мы продвинулись.

Сенатор снова повернулся к сыну, погладил его волосы. Покрасневшие глаза наполнили слезы.

– Я люблю тебя, Джонни, – прошептал он, наклоняясь и целуя Джона в лоб. Плечи отца затряслись, и он схватился за простыню, укрывавшую грудь сына.

Ник никогда не видел такого неприкрытого проявления горя. Помедлив секунду, он положил руку сенатору на плечо. Старик сгорбился над сыном, пока Ник осторожно не поднял его.

– О Господи, Ник, – всхлипывал Грэхем, припав лицом к груди Ника. – Что мы будем без него делать? *Что?*

Ник обнял его за плечи.

– Не знаю, но мы как-нибудь разберемся. Мы справимся. – Он поднял взгляд и увидел, что Сэм с крайней неловкостью, отражавшейся на ее лице, наблюдает за ними. И, смущенный собственными слезами, переключил внимание на сенатора. – Почему бы нам не позволить сержанту Холланд ввести нас в курс расследования?

Грэхем кивнул и освободился от объятий Ника. Не отрывая от сына долгого, разрывавшего сердце взгляда, О'Коннор направился к выходу.

Вытерев лицо, Ник последовал за ним.

Сэм проводила их в конференц-зал, где Лизбет и Ройс сидели по обе стороны от бледной изможденной Лейн. Кто-то принес ей стакан воды и упаковку льда, приложить к голове.

Грэхем подошел к жене, взял за руки и заключил в объятия.

Ник не мог смотреть. Он просто не мог вынести вида переполнявшего их ужаса. Развернувшись на пороге, он вышел из комнаты.

– Я... э... подожду секунду, – услышал он, как сказала Сэм, следуя за ним.

В коридоре она присоединилась к Нику, стоявшему, прислонившись головой к бетонной стене.

– Ты в порядке?

– Был, – со вздохом признался он. – Я много потрудился над тем, чтобы убедить себя, несмотря на то, что вчера увидел, дескать, он в Ричмонде или на ферме. Но после вот этого, после того, как увидел его вот так...

– Отрицание больше не срабатывает.

– Не срабатывает.

Из конференц-зала слышалась тихая речь и всхлипы.

– Никогда прежде я не чувствовал, что не принадлежу к ним. Ни разу за все годы, что знал их... до этого... до этого момента... – Голос сорвался, и Ник удивился, когда Сэм тронула его за руку.

– Они любят тебя, Ник. Видно невооруженным глазом.

– Джон был ниточкой, которая связывала меня с ними. Сейчас она оборвалась. – Голова болела, глаза жгло. Неловко ощущая себя из-за этого нехарактерного приступа жалости к себе, но нуждаясь в Сэм как никогда ни в ком не нуждался долгое время, Ник вздохнул. – Он ушел... и моя работа... все.

Сэм сжала ему руку и резко отдернула, когда из-за угла появился Фредди.

Тот, почувствовав, что, кажется, что-то прервал, замешкался и выжидательно посмотрел на Сэм, ожидая инструкций.

– Им нужна минута передышки, - сказала она. – Не сделаешь одолжение, не принесешь мистеру Каппуано воды?

– Не надо, - запротестовал Ник.

Кивком Сэм отослала Фредди.

– Тебе не стоило...

– Это всего лишь вода, Ник.

– Спасибо. – Он внимательно глядел на нее. – Как ты выдерживаешь?

– Я устаю.

– И?

– И что?

– Помимо этого.

Она опустила глаза и пнула узким носком модных черных ботинок плитку.

– Я злюсь. Когда вижу людей вот такими, - она кивнула в сторону конференц-зала. – И других таких же. Когда с ними случается что-то вроде этого, когда их жизнь навсегда меняется. Это меня достает. Сильно достает.

– Ты переживаешь. Поэтому-то ты такой хороший коп.

– Последнее время мало кто зовет меня хорошим копом.

Взяв Сэм за руку, Ник увидел, что напугал ее своим неприкрытым проявлением эмоций.

– Я не хотел бы никого другого для расследования по делу Джона. Никого.

И удивил, поцеловав тыльную сторону ладони и отпустив руку.

Не успела Сэм сделать ему выговор за такое рискованное проявление нежностей на публике, как вернулся с бутылкой холодной воды Фредди.

– Спасибо.

– Можно вас на пару слов, сержант? – спросил напарник.

– Конечно, - ответила Сэм. И кивнула Нику: – Скажи им, что мы сейчас будем.

Сэм последовала за Фредди в конференц-зал напротив и прикрыла дверь.

– Я знаю, что ты собираешься сказать. Это не то, что ты думаешь.

– Совесть гложет, сержант?

Поскольку напарник сопровождал слова поддразнивающей улыбкой, она не стала напоминать, что на голову выше его по званию, и обвинение в нарушении субординации плохо отразится на записи в личном деле.

– Ничуть.

– Пришли финансовые отчеты на всех основных членов семьи.

– Ну и...?

– Ройс Гамильтон по уши в долгах.

От всплеска адреналина у Сэм подпрыгнуло сердце.

– Именно сейчас?

– Дом полностью заложен, на имущество наложен арест.

– А его дети – вероятные наследники О’Коннора. Очень интересно.

– Мы также обнаружили регулярные месячные выплаты в сумме трех тысяч долларов с личного счета сенатора женщине по имени Патриция Дональдсон. Я запустил имя и получил сотни ссылок, которые проверяют несколько человек.

– Мы можем спросить у родителей сенатора, кто она такая.

– В-третьих, токсикология О’Коннора чистая, кроме небольшого количества алкоголя в крови, о котором мы уже знаем. Никаких препаратов, ни по рецепту, ни иных.

– Ладно, хорошо, – сказала Сэм, направляясь к двери. – Одной заботой меньше.

– погоди, – позвал Фредди. – Я не закончил.

Она махнула рукой, чтобы он продолжал.

– Нашли на его компьютере порно. Целую кучу.

– Детское?

– Так далеко не зашло, но порно жесткое.

Она провела рукой по волосам.

– Боже, кто бы мог поверить, что сенатор Соединенных Штатов станет так рисковать?

Фредди нахмурился при упоминании имени Господа.

– Ты полагаешь, это что-то даст расследованию?

– Не знаю. Надо подумать. Есть известия об ордере на обыск машины и квартиры Кристины Биллингс?

– Только что проверял, когда ходил за водой, пока нет.

– Что, черт возьми, так долго тянут? – возмутилась Сэм. – Если у нас не будет ордера к тому времени, как мы закончим с родителями, я подключу шефа.

– Что насчет Гамильтона?

– Как только мы удалим оттуда жену и родственников, то возьмемся за него.

Глаза Фредди загорелись от предвкушения:

– Хороший коп, плохой коп?

– Если надо будет.

– Можно, я буду плохим на этот раз? *Ну пожалуйста!*

Сэм пронзила его испепеляющим взглядом, словно говорила «только попробуй».

– Я *никогда* не бываю плохим копом, – недовольно проворчал Круз. – Это нечестно.

– Подрасти, Фредди, – бросила она ему через плечо, идя по коридору к О’Коннорам. Прежде чем открыть дверь, Сэм на секунду замешкалась, чтобы собраться и спрятать все эмоции. Она ценила, что Фредди очень хорошо улавливал ее настроения, чтобы лишний раз не спрашивать, что она делает и зачем. – Готов?

Тот кивнул.

Сэм открыла дверь.

– Простите, что заставила ждать.

Детектив изо всех сил старалась избегать смотреть прямо на четыре искаженные горем лица, пока посвящала присутствующих в то, что известно полиции, опуская сведения, которые могли бы повредить расследованию.

– Так вы говорите, что спустя два дня у вас нет абсолютно ничего? – возмутился Грэхем.

– У нас есть несколько подозреваемых, к которым мы собираемся присмотреться поближе, – сообщила Сэм. В комнату вошел шеф. Она кивнула ему и снова обратилась к О’Коннорам. – Хотелось бы вам сказать больше, но мы трудимся изо всех сил и так быстро, как можем.

– Я знаю тебя много лет, Джо, – повернулся к шефу полиции Грэхем. – Мне нужны лучшие силы, какие у тебя есть.

Шеф Фарнсуорт посмотрел на Сэм.

– Ты уже их имеешь. Я полностью доверяю сержанту Холланд и детективу Крузу, так же как и команде за их спиной.

– Как и я, – тихо добавил Ник, который стоял, прислонившись к стене. Сенатор и его жена повернулись к нему. Не отрывая взгляда от Сэм, Ник признался: – Я знаю сержанта Холланд шесть лет. Нет более преданного делу и скрупулезного человека.

Пока Сэм с трудом пыталась подавить изумление, потрясенная этой неожиданной поддержкой, сенатор долгое время буровил Ника взглядом, прежде чем встать и подать руку жене.

– В таком случае нам стоит дать вам возможность вернуться к работе. Мы рассчитываем, что вы будете продолжать держать нас в курсе.

– Даю слово, сенатор, – заверил Фарнсуорт. – Я провожу вас.

– Прежде чем вы уйдете, – вмешалась Сэм, – можно вас спросить: кем приходится вашему сыну Патриция Дональдсон?

Грэхем и Лейн обменялись взглядами, которые ничего не выражали.

– Она была другом Джона, – ответил О’Коннор.

– Со старших классов, – добавила Лейн.

– Другом, которому он платил ежемесячно три тысячи долларов?

– Джон был взрослым человеком, сержант, – заметил Грэхем, однако его явно не удивило упоминание о выплатах. – Что он делал со своими деньгами, его дело. Он перед нами не отчитывался.

– Где она живет? – спросила Сэм.

– Думаю, в Чикаго, – ответил сенатор.

Интересно, подумала Сэм, что О’Коннор-старший, ни секунды не сомневаясь, назвал точное местонахождение подружки сына. Подружки, слава богу, почти восемнадцатилетней давности. Мелькнула было мысль нажать на него посильнее, и Сэм, скорее всего, так бы и поступила, не будь в комнате начальника. В конце концов, она решила заняться этой информацией с другого конца.

– Если это все, я хотел бы отвезти домой жену, – пронзив взглядом детектива, заявил сенатор.

– Мы понимаем, что у вас сейчас крайне тяжелое время, но, возможно, у нас еще будут вопросы к вам, – предупредила она.

– Наши двери всегда открыты, – сказал Грэхем, помогая жене подняться со стула.

Лизбет и Ройс встали вместе с ними.

– Мистер Гамильтон, – обратилась Сэм. – Можно вас на минуту, пожалуйста?

Ройс стрельнул глазами в сторону жены.

– Иди, папа. – Лизбет поцеловала родителей. – Забирай маму домой. Мы подъедем попозже.

После того как Грэхем и Лейн с шефом Фарнсуортом и Ником, последовавшим за ними, оставили конференц-зал, Сэм повернулась к Лизбет.

– Нам хотелось бы поговорить с вашим мужем с глазу на глаз, миссис Гамильтон.

Высокий голубоглазый, привлекательный какой-то грубоватой красотой, Ройс обнял Лизбет за плечи.

– Все, что вы можете сказать, может быть сказано при моей жене.

Сэм глянула на Фредди, и тот дал ей распечатку, в которой детально представало финансовое положение Гамильтонов.

– Очень хорошо. В таком случае, возможно, вы сможете объяснить, как вам удалось задолжать почти миллион долларов?

Только потому, что стояла близко, Сэм заметила, как Гамильтон крепко сжал жене плечо.

– Несколько неудачных вложений, – процедил он, скрипнув зубами.

– Каких вложений?

– Две лошади, которые не оправдали свой потенциал, и связанная с судебным процессом сделка с землей.

– Мы справляемся, - заверила его жена.

– Заложив дом?

– Наряду с другими вещами, – ледяным тоном ответила Лизбет.

– Какими?

– Мы обдумываем ряд мер, – ответил Ройс и неохотно добавил, - включая банкротство.

– Вы думаете, мы поверим, что дочь мультимиллионера на грани банкротства?

– Это не имеет отношения к отцу, сержант, – резко возразила Лизбет. – Это наши проблемы, и мы справляемся сами.

– Ваши дети наследуют состояние вашего брата?

Лизбет открыла рот.

– Вы считаете... – Лицо покраснело, глаза наполнились слезами. – Вы намекаете, что мы имеем какое-то отношение к тому, что случилось с Джоном?

– Я спрашиваю, являются ли ваши дети наследниками, – повторила Сэм.

– Понятия не имею, – ответила Лизбет. – Мы не посвящены в условия завещания.

– Однако сенатор был близок с вашими детьми?

– Брат обожал их, а они его. Они очень переживают из-за его смерти. И вы думаете, что мы бы сделали им *такое* – ему такое – *ради денег*?

– У него они были, а вам они нужны, – пожалала плечами Сэм.

Дрожа от гнева, Лизбет сбросила руку мужа и подступила к Сэм. Низким от бешенства тоном она произнесла. – Да стоило мне лишь попросить, он дал бы мне все. *Все*. Не было никакой нужды ни мне, ни Ройсу убивать его.

– Тогда почему вы не попросили? Не попросили помощи у него?

– Потому что это *наша* проблема, наше дело. Кроме мужа и детей, никого в мире я не любила больше, чем Джона. Если вы думаете, что мой муж или я убили его, – давайте, докажите. А теперь, если это все, мне нужно позаботиться о родителях.

– Никуда не уезжайте, – уже им в спину предупредила Сэм. А когда супруги ушли, Сэм обратилась к Фредди: – Твои впечатления?

– «Погибели предшествует гордость, и падению – надменность». (*Книга притчей Соломоновых, гл.16, стих 18 – прим. пер.*)

– В точности мои мысли. Они скорее объявят себя банкротами, чем позволят семье узнать о своих неприятностях.

Открылась дверь, и в комнату вошел шеф.

– Что там с зятем?

– Ничего, – окончательно придя к решению, заявила Сэм. – Связали болтающийся конец.

– Ты что, знаешь Ника Каппуано? – спросил начальник.

Сэм откашлялась.

– Технически, да. Встречалась с ним однажды, шесть лет назад. До вчерашнего дня его не видела. Он оказал огромную помощь в расследовании.

– Впечатляющая демонстрация поддержки от того, кого ты едва знаешь.

Сэм пожалала плечами:

– Кажется, сенатору именно это нужно было слышать.

– Действительно. – Шеф сощурил глаза и подозрительно посмотрел на нее. – Вы не хотите мне еще что-нибудь рассказать, сержант?

Он давал ей возможность очистить совесть. Однако если Сэм расскажет ему, что спала с Ником, что замешаны чувства – тогда и сейчас – ее снимут с дела и, возможно, уволят из полиции. Слишком большой риск.

– Нет, сэр, – не моргнув глазом, заявила Сэм.

– От меня помощь требуется?

- Мы ждем ордер на обыск машины и квартиры Биллингс. Если бы вы могли нажать и ускорить процесс, мы были бы признательны.
- Проверю, чтобы сделали. – Шеф было пошел, но обернулся: – Арестуйте кого-нибудь, сержант. Поскорее.
- Стараюсь изо всех сил, сэр.

Глава 12

Сэм провела два часа с Фредди и остальными детективами, приписанными к делу, оценивая, насколько они продвинулись. Пока она занималась О'Коннорами, пришел отчет из лаборатории по квартире Джона: на простынях, в стоках – повсюду – нашли лишь то, что принадлежало жертве.

Начиная чувствовать, что устала до чертиков, Сэм раздала задания, сказала Фредди встретить ее у дома сенатора Стенхауза завтра в девять утра и послала напарника домой. Проведя на ногах пятнадцать часов, она вернулась в свой офис, где обнаружила Ника, сидевшего, задрав ноги на стол, в ее кресле.

- Удобно? – поинтересовалась она, прислонившись к дверному косяку.
- Ник сунул «блэкберри» в карман пиджака.
- Ты обещала меня подвезти.
- О, черт. Прости. И ты ждал все это время? Мог бы поймать такси.
- Надеялся уговорить тебя поужинать со мной.
- Не могу. У меня еще миллион дел. – Она помешкала, присмотрелась получше: – Ты убрался на моем столе?
- Просто разложил все по местам. Как ты можешь работать в таком беспорядке?
- У меня своя система. Как я теперь смогу что-нибудь найти!
- Тебе нужно поесть и поспать. Чего хорошего будет для всех, если ты свалишься?
- Так в дополнение к тому, что ты перенес свою дотошность на мое рабочее место, ты еще взял на себя обязанность следить за тем, как я ем и сплю?
- На лице у него появилась дерзкая, сексуальная усмешка.
- Рад взять на себя обязательства по обоим фронтам.
- Еда, да. Но спать? Черта с два.

Он пожал плечами, явно довольный, что одержал полпобеды, и спросил, показав на фотографию на столе:

- Кто это?
- Папа. – На снимке Сэм стояла рядом с сидевшим в инвалидном кресле отцом, обняв его за плечи. – Он уже два года, как получил ранение на службе.
- Мне жаль. Как это случилось?
- Ступив в тесный офис, она скинула ноги Ника со стола и села.
- Ехал домой в патрульной машине и увидел, как в потоке машин виляет какой-то автомобиль. С милню или две преследовал его, пока не прижал к обочине.

Он был дорожным инспектором?

Сэм помотала головой.

– Он был заместителем шефа полиции и собирался через три месяца в отставку. В общем, подошел к машине, постучал в окно, а водитель открыл огонь. И теперь папа не помнит ничего после того, как остановил машину. Пуля застряла между третьим и четвертым шейным позвонком. Он парализован, но по какому-то чуду может дышать сам, когда сидит. Мы благодарны судьбе и за это.

- Помню, что читал об этом, но не знал, что офицер – твой отец. Случай на Джистрит?
- Да.

– Парня того поймали?
– Нет. Дело не закрыто. Я работаю над ним, когда могу, как и каждый коп тут. У меня личный интерес, как и у всех нас.

– Могу представить. Соболезную.

Сэм пожалала плечами:

– Жизнь – та еще сука.

Ник поднялся, обошел ее, закрыл дверь, потом обнял Сэм и крепко прижал к себе.

Потрясенная застрявшим в горле комом, она попыталась высвободиться от его объятий.

– Ты чего это?

Ник не отпускал.

– Мне показалось, тебе нужно.

– Все нет. – Сэм уперлась руками ему в грудь, чтобы сохранить дистанцию и унять беспокойное сердце. – Я не могу оставаться здесь наедине с тобой. Люди начнут болтать, а мне это ни к чему.

Ник потянулся к двери и открыл ее.

– Прости.

Сэм с облегчением не обнаружила за дверью назойливых глаз и с неудовольствием поняла, что утешение, предложенное Ником, оказалось ей необходимо: так или иначе, *оно* помогло. От этого открытия ей стало не по себе.

– Что такое? – спросил он, внимательно изучая Сэм карими глазами, от взгляда которых она вся плавилась изнутри. – Смотришь так пристально.

– Да вот думаю...

Ник с любопытством наклонил голову:

– О чем?

– Ты похорошел с возрастом. Здорово выглядишь.

– Ну и ну, спасибо. Наверное.

– Это был *комплимент*, - округлив глаза, заметила Сэм.

– Спасибо, что уточнила. Разумеется, я могу сказать то же самое о тебе. Ты даже привлекательнее, чем я запомнил. А я помню... *все*.

И сделал шаг, сокращая расстояние между ними.

Ее сердце ускорило бег, Сэм подняла руку, чтобы остановить Ника.

– Не вторгайся в мое личное пространство.

– Это ты начала сыпать комплиментами, – сказал он с усмешкой.

Уж лучше усмешка, чем то выражение горя, которому Сэм стала свидетелем раньше.

– Временная ошибка в суждениях, вызванная усталостью и голодом.

– Тогда как насчет ужина?

– Пицца. И платишь ты.

– Можно устроить.

– Кстати, об устройстве, к утру патологоанатомы будут готовы выдать тело сенатора для похорон.

Ник мгновенно подобрался, и Сэм пожалела, что вывалила на него новость вот так.

– Ладно. Как только похоронное бюро закончит, полиция штата Вирджиния сопроводит его в Капитолий в Ричмонде, – сказал он. – Хочу попросить тебя дать разрешение взять кое-какую одежду из квартиры Джона. В похоронном бюро она понадобится.

– После ужина я так и так собиралась туда зайти. Еще немного пошарить.

– Это свидание.

Сэм выключила компьютер и лампу на столе:

– Это не свидание.

– Пустая игра словами, – заметил Ник, следуя за ней из офиса.

– Это *не* свидание.

Сидя над толстой с хрустящей корочкой вегетарианской пищей в каком-то месте, где, казалось, Ника знали все и каждый, Сэм спросила его о Патриции Дональдсон.

– Кто?

– По словам родителей, его школьная подруга, которая живет в Чикаго.

Ник в замешательстве свел брови.

– Никогда о ней не слышал.

– Он посылал ей ежемесячно три тысячи долларов в течение многих лет, звонил несколько раз в неделю и по часу говорил.

Ник покачал головой.

– Ничего не знаю о ней.

Он казался озадаченным, даже расстроенным.

– Как такое возможно?

– А ты знал, что он увлекался порно? Много времени тратил на него?

Замерев, Ник вернул кусок пиццы на тарелку и вытер салфеткой рот.

– Нет. Как ты узнала?

– У него порно на домашнем компьютере.

Потрясенное выражение сменилось на гримасу отвращения. Ник замедлил дыхание, уставившись в какую-то точку у Сэм за спиной. И долгое время молчал.

– Хотелось бы заявить, что я совершенно удивлен, но не могу. Джон рисковал своей репутацией и карьерой.

– Что еще стоит за этим?

– Женщины. Много женщин. словно он все время искал что-то, чего просто не мог найти. Кидался в отношения с головой, а через неделю они уже были в прошлом.

– Было ли у всех этих женщин что-то общее?

– Все блондинки и не обделенные внешностью. Все сплошь. Одна Барби за другой. Так что я даже не затруднял себя попытками запомнить их имена.

Сэм одним духом прикончила пиво и вынуждена была признать, что после кормежки почувствовала себя, словно родилась заново.

– Кристина Биллингс прислала список женщин, с которыми он встречался последние полгода. Мы сейчас с ним работаем. Готова поспорить, что найдем среди этих куколок убийцу.

– Сомневаюсь.

– Почему?

– Ты ведь говорила, что в основе преступления, скорее всего, лежит страсть? – Сэм кивнула. – Никто из них не оставался так надолго, чтобы почувствовать страсть, которую нужно испытывать, чтобы сделать такое с ним. Кроме разве что Натали, да и то все закончилось давным-давно. Если бы она собиралась его убить, то сделала бы это, наверно, еще несколько лет назад.

– Мы собираемся с ней завтра поговорить.

– Как у тебя так получается? – поинтересовался он.

– Что получается?

– Поддерживать этот темп. Беспреданно.

– Ты на этой неделе буквально ночевал в офисе. Чтобы сделать свою работу. Именно это делаю и я. Обычно все гораздо хуже. Частенько приходится вести несколько дел одновременно, но благодаря вынужденному отпуску моя ноша с недавних пор полегчала.

– Все время иметь дело с убийцами, жертвами и судмедэкспертами... Это кого хочешь иссушит до дна.

– Может быть. А в иные времена бодрит. Нет ничего лучше, чем складывать все кусочки головоломки вместе и выстраивать картину, которая ведет к наказанию виновных.

– Ты всегда хотела стать копом?

Ник не задавал этого вопроса при первой встрече, когда она только стала детективом.

– Все несколько сложнее.

– То есть?

Она поиграла ручкой кружки.

– Я была самой младшей из трех сестер. Кажется, мне было около двенадцати, когда на меня снизошло озарение, что единственная причина моего появления на свет заключалась в том, что отец отчаянно хотел сына.

– Ты не можешь утверждать точно.

– О, нет, могу. Моя мать чуть не проговорила.

– Сэм...

Ей было неважно проявленное им участие.

– Так вот, зная, что разочаровала его своим рождением, я стала завоевывать его одобрение любыми путями, какие могла придумать. Назови любую спортивную игру в старших классах – я в нее играла. Ходила с отцом на футбольные матчи «Рескинз» и «Ориолз». Он даже наградил меня мальчишеским именем.

– Для меня ты будешь Самантой, – объявил Ник. – Отныне и навсегда.

Сэм насмешливо фыркнула:

– Я никому не разрешаю так меня звать.

– Тебе придется сделать для меня исключение, потому что для меня в тебе нет ничего мальчишеского. Ты *женщина* во всех смыслах. Вся до кончиков ногтей красивая и сексуальная.

Ее лицо запылало под его пристальным жарким взглядом.

– Ладно, разрешу тебе иногда звать меня Самантой, только не переборщи. И только не на людях.

– Припасу эту привилегию для самых важных личных моментов, – пообещал он с усмешкой, от которой она таяла. – Итак, ты стала копом в угоду отцу.

– Что? – спросила Сэм, замороженная его карими глазами.

– Твоему отцу.

– А. Верно. Поначалу так и было, не отрицаю. Но потом я открыла, что у меня к этому делу талант. Во всяком случае, так думала до недавнего времени.

– Так и есть. Не позволяй какому-то одному несчастному случаю пошатнуть свои убеждения или веру в себя.

– Ты говоришь, как полицейский мозгоправ, – со смешком сказала она. – И я понимаю, что вы оба правы. Но есть что-то в мертвых детях, что потрясает до глубины души, даже когда знаешь, что поступил правильно. – Сэм уставилась в пространство, словно вернулся весь тот ужас, чтобы снова ее мучить. Ей никогда не забыть страдальческих воплей Маркуса Джонсона, когда пуля угодила в его сына.

– Что случилось той ночью?

Тошнотворная тяжесть накатилась на нее и перевернула все в желудке, который недавно умиротворили едой. Несколько недель после того случая Сэм давилась и с трудом глотала пищу.

– Мне не положено ничего обсуждать. На следующей неделе мне предстоит проверка на слушаньях по вероятным обоснованиям.

Ник протянул под столом руку, сплел свои пальцы с ее и не отпустил, несмотря на все попытки освободиться.

– Перестань, – тихо приказал он. – Просто перестань, ладно?

– Кто-нибудь может увидеть, – прошипела Сэм.

– Никто на нас не смотрит, а скатерть скрывает все недозволенное. Нет ничего лучше старой доброй скатерти.

Сэм мягко отняла ладонь, сложила руки и притворилась, что не замечает, как лицо Ника искажена обида.

– Могу поспорить, что ты закончил делиться грехами с народом.

– Я бы не сказал, - заявил он, скривив веселой усмешкой губы. – Тебе так трудно?

– Что?

– Делиться бременем на душе.

– Невозможно, - призналась она. – Мои недостатки в этом отношении доставили мне немало проблем в жизни.

– Каких проблем?

– Например, в браке. – Ей захотелось еще выпить, поскольку во рту вдруг стало сухо как в пустыне. Взглянув на Ника, Сэм обнаружила, что тот терпеливо смотрит на нее, словно у него нет ничего, кроме времени. Потянулась за полупустым стаканом пива и осушила одним глотком.

– Почему ты развелась?

Сэм задумалась, размышляя, стоит ли вести этот разговор с мужчиной, к которому ее дико влекло, но который для нее под запретом. После долгого молчания решила – да какого черта? Почему бы и нет?

– Мой бывший муж объявил, что я в нем не нуждаюсь.

– А ты нуждалась?

– Нет, - фыркнула Сэм. – Он оказался полной дрянью.

– Поскольку он не удосужился передать пару крайне важных сообщений, то вынужден согласиться с тобой.

– Я совершила большую ошибку, связавшись с ним, – вздохнула она. – Не разглядела его истинную сущность, пока не стало слишком поздно. Не слушала никого, хотя меня предупреждали.

Ник выпрямился на сидении.

– Он не... то есть... он ведь не бил тебя?

– Нет, хотя было бы легче, если бы бил. По крайней мере, я могла бы дать сдачи. Нет, он напал исподтишка. Ему хотелось полного контроля надо мной. И я позволила зайти всему дальше, чем следовало, поскольку не хотела признавать, что так невероятно ошиблась. Всё наша чертова дурацкая ирландская гордость.

Несмотря на сопротивление Сэм, Ник придвинулся ближе.

– Хочу прямо сейчас обнять тебя, - хрипло прошептал он ей на ухо, обдав теплым дыханием и вызвав мурашки по всему телу. – Не выношу мысли, что кто-то заставляет тебя чувствовать себя неполноценной.

– Я сама ему позволяла, – проговорила Сэм. Ее барьеры сыпались как домино. Ей хотелось, чтобы Ник обнял ее, хотелось преклонить голову на его сильном надежном плече. Впервые за долгое время захотелось того уюта, который он предлагал. Нет, ей это не нужно. То, чего следовало бояться, на деле, скорее, возбуждало. – Мы можем уйти?

– Конечно.

Ник положил несколько купюр на стол, встал и предложил Сэм руку.

– Скатертью больше не закроешься, - напомнила она ему и обошла протянутую руку, направившись к двери.

Усмехнувшись, Ник последовал за Сэм.

Втянув головы в плечи от бодрящего холода, они прогулялись квартал до места, где припарковали полицейский автомобиль. Когда на темной улице Сэм открывала дверцу, по спине пробежал странный мороз, не имевший ничего общего с холодной погодой. Оглянувшись вокруг, Сэм надеялась обнаружить того, кто за ними наблюдает, но никого не увидела. Просто богатое воображение, подумала она, открывая пассажирскую дверь Нику.

Он сел рядом.

– Прежде чем мы поедem на квартиру Джона, мне нужно забрать машину.

– Ладно.

Сэм было включила зажигание, как вдруг села, положив руки на руль.

– Что-то не так?

Она сжала рулевое колесо.

– Прости, но я не могу сейчас тебе дать больше, Ник. – Посмотрев искоса, увидела, что он сосредоточенно на нее смотрит. – И вовсе не потому, что не хочу.

Ник ласково погладил ее по щеке.

– Я знаю.

От его прикосновения взрыв испепеляющего огня пронзил ее до пят, но она его затушила.

– Ты можешь набраться терпения?

– Я провел столько лет, желая, чтобы мне выпал еще один шанс с тобой, Сэм. И не собираюсь сбегать только потому, что все не так легко.

Сэм облегченно выдохнула:

– Хорошо.

– Но когда дело закроют...

– Я буду с тобой.

– То, что было шесть лет назад, никуда не делось, – глядя ей в глаза, напомнил Ник.

– Так только кажется.

– Что бы это ни было, у меня ни с кем не было ничего подобного.

– И у меня. Я так расстроилась, когда ты не позвонил. Поверить не могла, что так ошиблась в тебе.

– Угу. Меня просто злость берет. Как подумаю, что мы могли иметь все эти годы...

– Дай мне закрыть это дело, – попросила Сэм напряженным охрипшим голосом. – В ту же минуту, как закрою...

Казалось, Ник боролся со страстным желанием заключить ее в объятия.

– Саманта?

Удивительно, но в его устах это ужасное имя звучало не так уж плохо.

– Хм-м?

– У нас окна запотели.

– А ведь мы даже ничего не делали!

– Еще не делали, – согласился он, и в голосе звучали обещания.

Поняв, что с каждой секундой ей все труднее ему сопротивляться, Сэм тронулась с места и сосредоточилась на дороге.

Глава 13

Сэм высадила Ника на стоянке Конгресса и засекала, сколько времени займет доехать через центр в «Уотергейт». В это вечернее время транспорта было мало, но ее задержало происшествие на Индепенденс-авеню. Придется завтра попытаться снова определить, было ли у Кристины Биллинг достаточно времени пересечь город, совершить убийство, вернуться, забрать еду из китайского ресторана – и все за двадцать восемь минут.

Взяв сотовый, Сэм позвонила, чтобы проверить результаты обыска машины Биллинг.

– Как раз собирался позвонить тебе, – сказал детектив Томми «Гонзо» Гонзалес, – Мы нашли на переднем сидении кровь.

– Так я и знала, – воскликнула Сэм. – Готова поспорить, что она свернула пальто и положила на сиденье. А кровь просочилась!

– погоди, – остановил ее Гонзо. – Не радуйся раньше времени, она сказала, что порезала руку, соскребая лед с машины две недели назад, и пришлось наложить три шва. На правой руке у нее свежий шрам, и есть выписка из «скорой помощи» с предписаниями, как лечить рану. Мы все-таки проверим, но ставлю месячную зарплату, что на сидении ее кровь. Она без проблем дала образец.

– Твою ж мать. Только из-за этого мы не можем сбросить ее со счетов.

– Мы сузили список последних подружек, предоставленный Биллинг, с шести персон до двух. Четверо других доказало, что той ночью их не было в городе.

Сэм добавила к разросшемуся списку дел на утро визиты к этим двум блондиночкам.

– Сделайте одолжение, проследите за всеми, кто связан с сенатором. Удостоверьтесь, что координируете действия с полицией штата и Ричмонда.

– Будет сделано. Хотите наблюдение с видео или просто наблюдение?

– Давай с записью. Проверь, чтобы у офицеров, которых пошлешь, имелись фотографии семьи сенатора и подруг, чтобы они знали, за кем смотреть.

– Сделаю.

– Спасибо за отлично проделанную работу, Гонзо.

– Пожалуйста. Попытайся поспать хоть немного, Сэм.

– Ну конечно.

Засев в гуще беспорядочно сгрудившихся машин, которые задерживала какая-то авария, Сэм стучала кулаком по рулю от досады, вызванной несколькими причинами. В первую очередь, не могла перестать думать о Нике. И с каким пониманием он отнесся к ее предложению отсрочить их только-только зарождающиеся отношения. Как часто она позволяла себе зависеть от кого-то? Да никогда. Тем не менее, Сэм никак не могла позволить себе зависеть от важного свидетеля в деле об убийстве, которое расследует. Как бы сильно ни хотела - не могла.

Она объехала стоявшие машины и, наконец, миновала аварию. Когда появилась в «Уотергейте», там ее ждал Ник на черном «БМВ».

– Что так долго? – спросил он, выходя из машины.

– Авария на Индепенденс.

– Тебе не стоило ехать по Конститушюшен.

– Да, теперь-то я знаю. Отличная тачка, – похвалила она, с удовольствием осматривая сияющий бумер. – Налогоплательщики хорошо о тебе заботятся.

– У меня есть несколько слабостей, - с усмешкой сказал он, обнимая Сэм за плечи. – Машины – одна из них.

Сэм вывернулась из-под его руки перед тем, как они вошли в вестибюль.

– Не при всех, – прорычала она и, сунув значок офицеру на посту безопасности, показала в сторону лифтов. – Мы еще раз взглянем на квартиру сенатора.

Полицейский кивнул и махнул, разрешая пройти.

Они поднялись на шестой этаж, где вход в квартиру Джона перегораживала желтая лента. Сэм набрала полицейский код на замке, толкнула дверь и, подняв ленту, пропустила Ника вперед.

И услышала, как он втянул воздух, потом увидела, как Ник опустил плечи, когда нахлынули воспоминания. Придержав за руку, она его остановила.

– Тебе не обязательно заходить туда. Я сама принесу одежду.

– Нет, – тихо отказался он. – Я смогу.

– Подожди минуту. Я хочу осмотреться.

Сэм прошла по роскошной квартире, где чуть блеснул оставленный порошок для снятия отпечатков пальцев. Подбирая безделушки, открывая ящики и проверяя за телевизором, она поискала что-нибудь, что могли пропустить в первый раз. Без сомнения, квартиру обставлял какой-то дизайнер, вероятно, еще в бытность, когда здесь жил старший сенатор О’Коннор. Как-то было странно, насколько мало следов осталось в квартире от Джона О’Коннора.

В спальне с кровати сняли простыни и унесли, чтобы сделать анализ на ДНК. Единственный волосок мог бы раскрыть дело, но все отпечатки пальцев, волокна и ДНК принадлежали Джону. Поскольку квартиру еще не мыли, на стене за кроватью, как и на бежевом ковре, остались кровавые пятна, а на ночном столике – свернувшаяся кровь. Кровотечение из яремной вены – вещь неопрятная. Кровь из раны хлещет, как гейзер, заливая убийцу.

Сэм постояла у изножья, мысли ее свободно бродили. Может, сенатор уснул сидя? Или сел, приподнявшись от удивления, когда появилась убийца? Он явно был обнаженным в постели. Может, рассчитывал на постельные утехи с женщиной, которая появилась в спальне? Не поэтому ли она легко добралась до его члена? Сэм была абсолютно убеждена, что это была женщина, хорошо знакомая Джону, по тому, как он не сильно удивился, найдя убийцу в своей квартире.

– Что приходит вам на ум, сержант? – спросил Ник, стоя позади Сэм.

– Он спал, - ответила она, глаза ее были прикованы к изголовью кровати, где рваная дыра в светло-коричневой обивке зияла напоминанием тому, что случилось здесь почти двое суток назад. – Дремал. Наверно, был включен телевизор.

– Когда я пришел, он не работал.

– Она могла выключить телевизор. Кто бы это ни был, сенатор не удивился, увидев ее.

– Она?

– Скорей всего, они были любовниками.

Сэм говорила монотонно, словно прокручивая сцену в своем воображении.

– Он впустил ее?

Сэм покачала головой.

– Она ждала его и застала врасплох. За спиной держала нож. Может, она тоже была голая, поэтому никто на видео не уходил с кровью на одежде. Сенатор рассчитывал на секс, и вот так она умудрилась взять его пенис. К тому моменту, когда О’Коннор увидел нож, уже был оскоплен. Ужасная боль. Сенатор, наверное, потерял сознание. Если бы он очнулся до того, как она убила его, то бы спросил за что. Может, она ему сказала, может, оставила гадать.

– Хватило бы ей силы, чтобы одним ударом вонзить нож в горло?

– Хороший вопрос. И ты прав. Чтобы пронзить ножом горло и пригвоздить человека к спинке кровати, потребовался бы мощный удар. Она должна была не на шутку разозлиться на что-то, что сенатор сделал или, наоборот, отказался сделать. Ярость и адреналин приумножают силы. Возможно, он дал какое-то обещание и не выполнил, или же она застала его с другой. Убивали и за меньшее. Когда все кончилось, она приняла душ, чтобы смыть кровь, которой измазалась с ног до головы. Потом вычистила ванную комнату и отскребла так тщательно, что не осталось ни волоска на полу. К тому времени, как тело нашли, вода в кабинке уже высохла, поэтому мы можем только предполагать, что она принимала душ. Однако все полотенца нетронуты. Если она и воспользовалась полотенцем, то взяла его с собой. Перед тем как уйти, она могла бросить на сенатора последний взгляд. Она жалела, что Джон не смог стать таким, каким был ей нужен, и в то же время сердилась на него, что довел ее до такого.

– Здорово ты выстраиваешь, Сэм, - уважительным тоном сказал Ник.

Словно в трансе, она взглянула на него.

– Что?

– Ты так описываешь все... Будь я присяжным, уже вынес бы обвинительный приговор.

– Сейчас мне только придется доказать все это и понять, кто же убил.

– Вопрос времени.

Ник подошел к шкафу, открыл дверцы и стал пристально рассматривать ряд темных костюмов, рубашек – белых, различных оттенков голубого и несколько в полоску. И сотню галстуков на выбор.

Заглянув в ящики комода, Сэм спросила:

– Он носил что-то кроме костюмов? Где джинсы? Футболки?

– Здесь он не держал много барахла.

– Где же еще может быть?

– Дома в Лисбурге.

– У него есть второй дом?

Ник кивнул.

– Коттедж около поместья родителей. Мы там оба искали убежища от безумия Вашингтона.

– Почему ты ничего не сказал о нем на неделе?

– Если честно, даже в голову не пришло. Прости. Тогда у меня в голове все перемешалось. Все еще никак не приду в себя. На фоне того, что случилось с Джоном, потом встретил тебя снова...

– Отвези меня туда.

– Сейчас?

Сэм кивнула.

– Почти полночь. Ты восемнадцать часов на ногах. Давай отвезу тебя завтра.

Помотав головой, Сэм возразила:

– Завтра у меня не будет времени. Если ты поведешь, я вздремну в машине. Если только ты сможешь бодрствовать.

– Я в порядке. Лучше всего мне работается в три часа ночи.

Его комментарий звучал двусмысленно, но Сэм постаралась не заметить. Тем не менее, лицо ее пылало от смущения, когда она помогала Нику выбрать темно-синий костюм, бледно-голубую рубашку и галстук, украшенный маленькими американскими флажками. Нашлась сумка-чехол, Сэм положила в нее костюм, застегнула на молнию и спросила:

– Нижнее белье?

– Он его в жизни не носил.

– Откуда, черт возьми, ты знаешь?

Ник засмеялся.

– Мы как-то были на ланче у Дочерей американской революции примерно год назад, и все уже начали расходиться, когда одна из голубоволосых подошла ко мне и сказала, что я зачем-то нужен сенатору за главным столом. Я пошел в зал, где он сидел.

– Зачем?

– По всей видимости, он умудрился порвать по шву брюки, и ему нужно было выкрутиться из положения, как уйти.

Сэм расхохоталась, представив картину.

– Дай догадаюсь – он был без трусов?

– Именно так. Поэтому пришлось найти ему пальто – нелегкая задача в июле, могу добавить – и вытащить его оттуда, не опозорив.

– Где это стояло в твоем перечне служебных обязанностей?

– Под графой «другие обязанности», – с грустной улыбкой, от которой защемило ее сердце, ответил Ник.

– Ладно. Нижнее белье не берем. Туфли?

– Хотела бы ты провести вечность в колодках с перфорацией? Хватит уже галстука. Наверняка я много чего услышу по этому поводу, когда мы встретимся в потустороннем мире. – Ник взял Сэм за руку и сплел с ней пальцы. – Спасибо, что помогаешь.

Занервничав, она отняла руку и сунула в карман.

– Да без проблем.

– Выбирать одежду умершим на каком месте значится в твоём *перечне* служебных обязанностей?

– Явно первым пунктом.

По дороге из спальни хозяина Ник смотрел на Сэм так, что напомнил ей о том, что он хотел от нее. Приступ желания застал ее врасплох. Она была не из тех женщин, которые сильно чего-то жаждали, особенно мужчину. С практичностью, сосредоточенностью, преданностью работе и семье, присущей Сэм, она обладала хорошей интуицией, когда

нужно, и была независимой - неистово и совершенно независимой. Поэтому было неловко так хотеть кого-то, как она хотела Ника.

Сказать по правде, после ночи, проведенной вместе, она несколько лет мечтала о нем. Следила за карьерой О'Коннора и часами наблюдала за освещением в средствах массовой информации работы Конгресса в надежде, а не мелькнет ли где доверенный помощник сенатора. Однако Ника она видела редко. Он явно держался в тени, в отличие от своего знаменитого босса.

На стоянке Ник придержал для нее дверь.

Сэм скользнула на мягкое кожаное сиденье и вздохнула от удовольствия. Когда Ник завел машину, она быстро обнаружила, что сиденья с подогревом, и почувствовала себя как в раю.

– Эта машина тебе подходит.

– Ты так думаешь?

– Угу. Высококласная, но не показушная.

– Это что, комплимент, Саманта?

Она пожала плечами.

Пока они ехали из города, Ник взял ее за руку. Когда же она попыталась вырваться, он сжал крепче.

– Мы одни, милая.

– Скатерти поблизости не наблюдается.

Лицо его осветила неотразимая усмешка, и Ник переплел пальцы Сэм своими.

– Позволь мне хоть это, ладно?

Поскольку он так мило попросил, да и всего лишь такую малость, Сэм не стала спорить, хотя простое ощущение своей руки в его ладони заставляло сильно биться сердце и будоражило душу. К тому же примешивалось чувство вины. Незачем проводить столько времени со свидетелем и уж тем более так отчаянно его хотеть. Но раз уж было темно, она устала, и никто не смотрел, вместо того чтобы оттолкнуть, Сэм крепче обхватила его ладонь.

Глава 14

Сэм не ожидала, что уснет. Однако плавное успокаивающее покачивание машины, теплое кресло, ладонь в надежной руке Ника...

– Проснись, Спящая красавица. Мы на месте. – Придя в себя, Сэм выглянула в кромешную темноту и едва различила перед машиной очертания коттеджа. – Выходим.

В лицо пахнуло порывом холодного воздуха. Сэм пошла за Ником по гравийной дорожке к двери и встала позади, пока он вставлял ключи в замок.

Зайдя внутрь, Ник включил свет. Сэм заморгала, пытаясь сосредоточиться на уютной обстановке гостиной. Большой удобный диван, на стене плоский телевизор, набитые книгами полки по обе стороны камина, семейные фото в рамках и пара трофеев. По крайней мере, здесь ощущалось присутствие сенатора Джона Томаса О'Коннора.

Сэм скинула пальто, засучила рукава, стянула с волос заколку и приступила к работе. Два часа спустя она уже знала, что Джон любил Хемингуэя, Шекспира, Паттерсона и Гришема. Его музыкальные вкусы варьировались от Мелленкампа до Спрингстина, от Вивальди до Баха. Она просеяла фотоальбомы, ежегодники и картотеку, которые, казалось, ни для кого не имели никакого значения, кроме их владельца.

Прочла серию эссе, которые Джон написал еще для проекта в Гарварде, детально рассмотрев роль правительства и управления. Эссе были переплетены в небольшой синий том с красивым золотым теснением.

– Он этим гордился, – стоя на пороге кабинета, пояснил Ник.

Вздвигнув, Сэм подняла глаза: она почти забыла о нем.

– Отец Джона сделал книгу и дарил всем и каждому.

Ник вступил в комнату и вручил ей кружку, от которой поднимался пар.

– О, горячий шоколад? – уточнила Сэм, втягивая аромат, от которого потекли слюнки.

– Я решил, что для кофе слишком поздно. – Ник снял пальто и расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке. Взор Сэм задержался на видневшейся в треугольнике груди, покрытой черными волосками.

– Ты правильно решил. Никакого жира, никаких калорий, надеюсь.

Слизнув капельку взбитых сливок на вершине, она секунду наслаждалась вкусом. Снова взглянув на Ника, Сэм увидела, что он наблюдает.

– Что? – спросила она. Голос невольно дрогнул.

– Просто сочетание... ты... и взбитые сливки. Наводит на мысли. – Сэм чуть не поперхнулась, а Ник вдруг сменил тему: – Мне нравится, когда ты так распускаешь волосы.

Решив не обращать внимания на эти комментарии и жар, который они вызывали в теле, Сэм обратила внимание на книгу, которую Джон посвятил отцу. Из книги выпала на пол заложенная между страниц фотография. Сэм отставила кружку на стол и наклонилась, чтобы поднять снимок рослого белокурого парнишки лет шестнадцати в футбольной форме.

– Что ты нашла? – спросил Ник.

– Похоже на фото Джона в старших классах. – Она перевернула фотографию и обнаружила инициалы «Ти Джей Оу» и дату четырехлетней давности. – О. Это не он. Кто такой Ти Джей Оу?

Ник взял снимок и изучил сходство, потом вернул.

– Понятия не имею, но как две капли воды похож на Джона, когда я его впервые встретил.

– У него был сын, Ник? – Сэм подумала о Патриции Дональдсон и трех тысячах долларов ежемесячных выплат.

– Конечно нет.

– Ты уверен?

– Разумеется, – с жаром заверил Ник. – Я знаю его с восемнадцати лет. Будь у него сын, я бы знал.

– Ну, если это не сын, то кем бы парень ни был, он поразительно похож на Джона. – И сунула фотографию в сумку, намереваясь утром расспросить родителей сенатора. – Он увлекался Человеком-пауком? – Сэм показала на полки в углу, служившие просторным убежищем коллекции.

– Был просто одержим, – улыбнулся Ник.

Она взяла со стола табличку с выгравированным девизом Человека-паука: «С великой силой приходит большая ответственность». Изучала долгую секунду, потом посмотрела на Ника:

– Он в это верил?

– Очень. Несмотря на порой вялое отношение к работе, он воспринимал свою ответственность серьезно. Насколько мог.

– Но не так серьезно, как ты.

– Скажем так, поменяйся мы ролями, я бы многое делал по-другому.

– А ты никогда не хотел занять какой-нибудь угловой кабинет?

– Боже, нет, – со смешком сказал Ник. – Предпочитаю работать за спиной такого парня.

Казалось, его отрезвило воспоминание, что он потерял такого парня, когда умер Джон.

– С согласия родителей мне завтра хотелось бы прийти сюда с командой и более методично все осмотреть. – Сэм потянулась и встала. – После двадцати часов работы я выжата как лимон.

– Наверное, ты хочешь расспросить родителей о фото, - предположил Ник, – тогда почему бы нам не переночевать здесь и не увидеться с ними утром?

Она пронзила его взглядом.

– Я не буду спать с тобой.

– Я и не прошу, – заверил он с сексуальной улыбкой. – В доме есть гостевая комната, которой я пользуюсь, когда бываю здесь. Я устроюсь в комнате Джона.

Пока приканчивала шоколад, Сэм все прокрутила в уме. Формально коттедж не место преступления, поэтому с этой стороны проблем нет. Она вымоталась, Ник выглядит не лучше, останься Сэм в Лисбурге, смогла бы *вычеркнуть* несколько пунктов из списка необходимых дел, включая еще один разговор с Терри О'Коннором, если его встретит.

– Хорошо, - согласилась Сэм, хотя предпочла бы отдельный номер в отеле. Но в этом уголке страны отели были в дефиците. Она встала и пошла за Ником по коридору в спальни.

– Здесь ванная, – показывая, сообщил он. В гостевой спальне Ник порывлся в антикварном шкафу и вытащил огромную футболку. – Это моя, если захочешь, можешь в ней спать. Запасные щетки и все, что может понадобиться, в шкафу в ванной.

– Спасибо, – поблагодарила Сэм, сконфузившись и застеснявшись, – два чувства, которые она редко испытывала.

Ник скользнул ладонью по ее шее и притянул к себе поближе. Долгую секунду, затаив дыхание, он просто смотрел на нее, потом поцеловал в лоб.

– Увидимся утром. Кликни, если что понадобится.

Опустошенная этим целомудренным поцелуем, Сэм с бьющимся сердцем и влажными ладонями смотрела, как Ник идет по коридору. Она терпеть не могла чувствовать себя выбитой из колеи и быть в расстроенных чувствах, наверняка поэтому он так себя и повел. Сэм воспользовалась ванной и в знак непокорности оставила футболку на кровати, разделась и легла нагишом под холодные покрывала.

И вырубилась меньше чем через минуту.

– Сэм, милая, проснись. Тебе что-то приснилось. - Сэм слышала, но сил открыть глаза не было. – Малыш.

Задрожав, веки поднялись, и Сэм увидела Ника, сидевшего на кровати.

Когда Ник отвел волосы с ее лица, она поняла, что вспотела и сердце стучит как бешеное.

– Что с тобой? – спросил он.

– М-м-м, прости. – До нее дошло, что она так громко кричала, что разбудила его. Ник был одет только в пижамные брюки, и Сэм медленно оглядела мускулистую грудь.

– Тревожный, да? Сон?

– Не знаю. Я никогда не помню детали, просто страх. – Она потерла ослабевшей рукой щеку. Ей захотелось попить. – Я что-то... говорила?

Ник заменил ее ладонь своей.

– Ты постоянно повторяла: «Прекратить огонь, придержать огонь».

– Черт, – выругалась она, глубоко вздохнув.

Ник растянулся рядом с ней на ватном стеганом одеяле и притянул ее голову себе на плечо.

– Это была жуткая ситуация, Сэм, и ты не виновата.

Погружаясь в цитрусовый и пряный мужской аромат, она закрыла глаза от всплеска эмоций и поглощала предложенное им утешение. Лишь минуту. Волоски на груди Ника щекотали лицо, вызывая сильное желание.

– Если бы только я могла так легко простить себя, как оправдываешь меня ты. – Он прижал ее крепче. – Э, Ник?

– Хм-м?

– Вообще-то, я тут голая.

– Угу, я заметил.

По всем причинам происходящее было плохой идеей, и эта мысль обрушилась на Сэм. Она попыталась высвободиться из объятий, шепча:

– Я не могу. Не могу. Ты для меня под запретом.

– Нет, можешь.

Ее щека все еще лежала у него на груди, Сэм позволила себе секунду понаслаждаться запахом, который никогда не забывала.

– Не здесь и не сейчас.

Ник глубоко и неровно вздохнул.

– Я скучал по тебе, Сэм. Думал часто о тебе, о той ночи.

– Я тоже, – призналась она и крепко зажмурила глаза от стремительно нахлынувших чувств, которые так резко ощущала лишь однажды.

– Я никого больше не хотел так, как тебя. Если ты со мной в одной комнате, меня тянет к тебе.

– Кажется, у меня та же проблема.

– У нас несколько часов до рассвета. Можно, я буду просто обнимать тебя вот так?

– Ничего бы так не хотелось, но чересчур уж соблазнительно. Ты просто искуситель.

Еще раз вздохнув, он освободил ее и сел. Потом наклонился и запечатлел нежный поцелуй на ее губах.

– Увидимся утром.

Сэм смотрела, как он уходит, понимая, что ей уже не уснуть, поскольку каждая клетка тела горела огнем, который зажег Ник.

Глава 15

Сэм собрала волосы в «хвост», нацепила наплечную кобуру, пристегнула жетон к поясу и поправила пиджак поверх топа, который носила со вчерашнего дня. Собравшись, окинула все внимательным взглядом – удостоверилась, что не оставила ни следа своей ночевки для команды, которую планировала послать сюда сегодня. Удовлетворенная осмотром, Сэм пошла в гостиную, где нашла ожидавшего ее Ника. Каким-то непостижимым образом ему удалось выглядеть отутюженным и блестящим даже во вчерашней одежде. Лицо гладко выбрито, волосы чуть влажные после душа.

– Готова? – спросил он.

Сэм кивнула.

Закутав ее в пальто, заодно и крепко обняв, Ник поцеловал ее в шею и щеку и, наконец, отпустил.

Спонтанная демонстрация нежных чувств застала Сэм врасплох. Питера сроду не тянуло на телячьи нежности, если только те не приводили к сексу. Ник же проявлял их как бы между прочим. Казалось, ему просто *необходимо* было прикоснуться к ней, когда она находилась поблизости. Что ж, ей это сильно нравилось, и в этом-то крылась еще одна причина держать дистанцию.

Дом О’Конноров располагался в паре миль от коттеджа. Как обычно, дверь открыла Керри и удивилась, увидев их так рано.

– Все встали? – спросил Ник.

– Они завтракают. Проходите. – Керри повела их в уютную сельскую кухню, где потерявшись каждый в своих мыслях, сидели за столом Грэхем и Лейн. С виду ни у кого не было аппетита, чтобы проглотить хоть крошку.

У обоих темные круги под глазами. Усталость и горе словно саваном накрыли О'Конноров.

– Ник? – сказал Грэхем. – Ты что-то рано. Сержант.

Керри вручила Нику и Сэм по кружке кофе.

– Спасибо, - поблагодарил Ник.

– Прошу прощения, что так рано врываемся к вам. – Сэм размешала сливки в кофе, мечтая, чтобы это была диетическая содовая. – Но мне нужно кое-что спросить у вас.

– Конечно, - откликнулась Лейн. – Поможем, чем сможем.

Сэм достала из сумки снимок:

– Кто это?

Она положила фотографию на стол перед О'Коннорами.

Те посмотрели на фото, потом переглянулись.

– Где вы это взяли? – спросил Грэхем.

– В коттедже, - ответил Ник. – Фотография лежала между страниц книги с эссе, которую вы сделали для Джона.

– Это кузен Джона, Томас, – сказала Лейн, гордо и холодно глядя на Сэм. – Сын брата Грэхема, Роберта.

– Не помню, чтобы Джон упоминал, что его кузен так молод, - сказал Ник.

Лейн пожала плечами.

– Между ними почти двадцать лет разницы. Их с трудом можно назвать близкими.

– Он ужасно похож на вашего сына, - заметила Сэм, проверяя реакцию.

– Да, действительно, – согласился Грэхем, не моргнув глазом. – Что-нибудь еще?

– Вы знаете, где я могу найти Терри?

Вопрос, казалось, напугал О'Конноров.

– Наверное, сегодня утром он работает в городе, - ответил Грэхем.

– Адрес не подскажете?

Он продиктовал название и адрес на Кей-стрит известной фирмы, Сэм записала в блокнотике, который вытащила из заднего кармана.

– Если не возражаете, мне хотелось бы послать команду в коттедж сегодня, чтобы проверить, не упустили ли мы чего, что могло помочь в расследовании.

– Незнакомые люди в доме Джона? – возмутилась Лейн, явно встревоженная просьбой.

– Полиция, – прояснила Сэм. – Они будут осторожны насколько возможно.

– Хорошо, - глядя настойчиво на жену, сказал Грэхем. – Если это чему-то поможет, пусть делают.

– Сенатор, не могли бы вы сказать, у кого еще могли быть ключи от квартиры в «Уотергейте» с того времени, когда вы там жили?

На секунду тот задумался.

– Только у семьи.

– Никаких штатных сотрудников или помощников?

– У шефа моей команды был ключ, но я четко приказал вернуть его, когда мы оставляли офис.

– Есть ли шанс, что бывший сотрудник мог размножить ключ и дать другим?

– Нет. Он охранял мою жизнь как сторожевой пес. Ему самому не нравилось иметь этот ключ.

– А вы в курсе, что Джон разговаривал с Патрицией Дональдсон в Чикаго несколько раз в неделю по часу и больше?

Снова этот обмен взглядами.

– Нет, но я не удивлен, - сказал Грэхем. – Они близкие друзья с детства.

– Просто друзья?

– Да, – с нажимом заявила Лейн.

С таким нажимом, что Сэм насторожилась, волосы на загривке стали дыбом. За той историей что-то крылось. В этом Сэм не сомневалась. Придется как можно скорее поговорить с упомянутой Дональдсон, как только получится выбраться в Чикаго.

– Джона должны привезти в Ричмонд сегодня? – спросила Лейн Ника.

Тот кивнул.

– Кортёж покидает Вашингтон в полдень.

– Мы собирались туда днем, - сказал Грэхем. – Полиция штата будет сопровождать нас и расчищать дорогу на входе и выходе перед тем, как открыть доступ публике.

– Утром допустят команду для личного прощания, - сообщил Ник.

– Ты взял необходимую для похорон одежду? – спросила Лейн.

– Да. Отсюда я поеду в похоронное бюро. Да, насчет похорон... Вы решили, кто скажет речь от лица семьи?

– Ты сделаешь это, – с усталым вздохом сказала Лейн.

– Вы уверены? А не стоит ли кому-нибудь из членов семьи?

– Ты член нашей семьи, Ник, – заверил Грэхем. – Ты не уронишь его чести. Мы уверены.

– Сделаю все возможное, – тихо пообещал Ник. – Не будем мешать вам завтракать.

– Увидимся в понедельник, если не раньше, - сказала Лейн.

Ник наклонился и поцеловал ее в щеку.

– Буду на связи.

Она сжала ему руку, которую он положил Лейн на плечо.

– Спасибо за все, что ты делаешь. Я знаю, тебе нелегко.

– Это честь для меня и привилегия.

Похлопав еще раз по руке, Лейн его отпустила.

Ник обнял Грэхема и поцеловал Керри по ее пути из кухни. Придерживая Сэм за поясницу, он проводил ее к двери. Выйдя наружу, Ник глубоко вдохнул холодного воздуха.

Сэм мало что могла сделать в знак утешения, поэтому просто держала Ника за руку обеими ладонями на обратной дороге в Вашингтон.

С трудом пробравшись через пробки в час пик, Ник подъехал к «Уотергейту» за пятнадцать минут до назначенной встречи Сэм с сенатором Стенхаузом.

– Маловато времени съездить домой и переодеться, – проворчала Сэм. – Фредди точно будет подтрунивать надо мной.

– Скажи, что всю ночь работала. Недалеко от истины.

– Хороший повод напомнить ему, что я старше по званию, и приказать заткнуться. Ему это нравится.

Ник улыбнулся, потянулся к внутреннему карману пиджака. Вынул маленький кожаный бумажник и вручил ей визитку.

– Позвонишь мне? Здесь есть мой сотовый.

Сэм взяла карточку, сунула в карман и взялась за дверцу.

Ник остановил ее.

– Свяжись со мной до понедельника, чтобы мы могли договориться пойти на похороны вместе, если хочешь, чтобы я помог тебе познакомиться с людьми.

– Хорошо. Я позвоню.

– Помнишь, что тебе нужно поесть и поспать?

– Ага, знаю, – уже выходя, бросила Сэм.

Со свойственной ему вежливостью Ник подождал, наверно, чтобы убедиться, что она завела машину, потом прямо перед ней влился в поток транспорта.

По дороге на Капитолийский холм Сэм позвонила Гонзо и попросила провести тщательный обыск коттеджа Джона.

– Это не место преступления, поэтому отпечатки пальцев или ДНК меня не интересуют. Я ищу что-нибудь, что мы о нем еще не знаем.

– Усек. Мы тут получили подтверждение, что кровь в машине Биллинг ее собственная.

– Хорошо, полагаю, эту версию мы закрыли, – сказала Сэм. – Биллинг никак не могла проехать через весь город, убить сенатора, принять душ, вымыть ванную комнату и вернуться с китайской едой за двадцать восемь минут. Только не в этом городе с его пробками, даже в полночь.

– Верно, не получится, – согласился Гонзо. – Соберу команду и отправлю утром в Лисбург.

– Лучше тебе уведомить Лаудунскую полицию заодно, чтобы не возникло проблем с юрисдикцией. – Сэм помолчала и добавила: – Маленькие подробности – я там ночевала в гостевой спальне прошлой ночью. Нужно было повидаться с его родителями утром, сэкономила время. Каппуано спал в хозяйской спальне.

– Ладно.

– Если придержишь эту пикантную подробность при себе, буду тебе должна.

– Люблю, когда ты у меня в долгу. Дай знать, если еще что нужно.

– Еще одно, – сказала Сэм, действуя по наитию. – Съезди к брату Грэхема О’Коннора, Роберту. Мне нужна информация о его семье, особенно о детях. Если можешь, достань фотографии.

– Сделаем, – пообещал Гонзо. – Позвоню, отчитаюсь, что найду. Кстати, полагаю, ты не видела утренние газеты...

Желудок Сэм опустился тошнотворным комом: вспомнилось, что она не ела или, по крайней мере, не выпила пару банок диет-колы, с которых обычно начинала день.

– Нет, а что там?

– Дестини Джонсон называет тебя детоубийцей.

– А разве это не так? – проворчала Сэм.

Ком в желудке перешел в боль, которая донимала Сэм в напряженные моменты. Двое докторов не могли определить причину. Один предложил отказаться от содовой, что даже не рассматривалось, поэтому Сэм просто мирилась с надоедливой способностью желудка предсказывать степень стресса.

– Не принимай близко к сердцу, Сэм. Все же знают, что будь она нормальной матерью, то ее ребенок не оказался бы в логове наркоманов.

– Однако ей хватило духу назвать меня детоубийцей.

Из того, что ей доводилось слышать в свой адрес, это было большее всего.

– Знаю. Она не раз серьезно угрожала, что примет меры, если ты выступишь в суде против ее тунеядца-муженька на следующей неделе. Наверняка ты еще об этом услышишь от начальства.

– Великолепно. – Она потеряла живот, надеясь, что так ему станет легче. – Самое то, что мне сейчас нужно.

– Прости. Ты же знаешь, что мы все стоим за тебя. Там была чистая стрельба.

– Спасибо, Гонзо. – Перехватило горло от чувств, которым Сэм не могла дать ходу. Отметя их в сторону, она сказала: – Позвони, если найдешь что-нибудь существенное в коттедже. Вчера я провела поверхностный обыск, но действовала впопыхах. Могла что-то пропустить.

– Предоставь это мне. Дам знать, когда закончим.

Сэм сообщила ему телефон О'Конноров, чтобы Гонзо мог взять ключ от коттеджа, и отсоединилась. Виляя в потоке машин, она подъехала к Капитолийскому холму за несколько минут до встречи и, выскочив, побежала в здание Сената.

Фредди вышагивал по коридору перед офисом сенатора Стенхауза.

– Где ты была! Я уже собирался тебе звонить.

Его пронизательные глаза заметили наряд вчерашней свежести и задержались на лице Сэм.

– Всю ночь работала, не было времени переодеться, и да, я слышала о Дестини Джонсон, – выпалила она. – Так что если что хотел сказать, можешь не беспокоиться.

– Как всегда, бессонная ночь творит чудеса с твоим характером.

– Брось, Фредди. Я и вправду не в настроении выдержать десять раундов с тобой.

– Что ты делала, работая всю ночь? И почему мне не позвонила? Я бы вернулся.

– Снова прошлась по квартире О'Коннора и его дому в Лисбурге.

Фредди поднял бровь:

– Одна?

– Со мной был Ник Каппуано. Он рассказал о коттедже в Лисбурге и свозил меня туда. Так или иначе, я там ничего не нашла. У тебя с этим какие-то проблемы?

– У меня? - Фредди поднял руки в защитном жесте. – Никаких проблем, босс.

– Хорошо. Может, тогда пойдем?

– После вас.

– Неплохое местечко, – пробормотала она под нос, когда помощник сенатора указал им на огромный угловой офис, по размеру втрое больший, чем у молодого сенатора от Вирджинии.

Когда они вошли, Стенхауз, высокий, стройный, с седыми волосами и острым взглядом ледяных голубых глаз, встал. Он отпустил помощника с приказом закрыть дверь.

– У меня очень тесное расписание, детективы. Что вам угодно?

«Хочет поиграть в эту игру?» – подумала Сэм. – *Что ж, я тоже могу».*

– Детектив Круз, пожалуйста, запишите этот разговор с лидером меньшинства в Сенате Уильямом Стенхаузом.

Она продиктовала время, дату, место и представила участников.

– Вам необходимо мое позволение на запись, – возмутился Стенхауз.

– Здесь или в участке. Решайте.

Он долгое мгновение сердито тараторил на Сэм, потом жестом показал ей приступить.

– Где вы были во вторник вечером между десятью вечера и семью часами утра?

– Вы же несерьезно.

Повернувшись к Фредди, Сэм спросила:

– Я серьезна, детектив Круз?

– Так точно, мэм. Уверен, что вы очень серьезны.

– Отвечайте на вопрос, сенатор.

Скрипнув зубами, Стенхауз пробурчал Сэм взглядом.

– Я был здесь до десяти-десяти тридцати, потом поехал домой.

– Куда?

– В Олд Таун в Александрии.

– После того как ушли отсюда, вы с кем-нибудь разговаривали или виделись?

– Моя жена дома в Миссури готовится к праздникам.

– Значит, надо понимать, «нет»?

– Значит, нет, - проворчал сенатор.

– Как вы относились к закону об иммиграции, который проводил сенатор О'Коннор?

– Беспольный бред, – пробурчал Стенхауз. – У закона нет прочного костяка, и все это знают.

– Забавно, нам говорили совершенно иное, правда, детектив Круз?

– Да, мэм. – Фредди открыл блокнот и прочел сделанное несколько дней назад заявление президента, называвшего реформу по иммиграции самой важной частью законодательства, предложенной за его срок президентства.

Взгляд Стенхауза мог прожечь дыру в младшем копе, Сэм прямо чувствовала этот жар.

– Вас раздражали успехи сына Грэхема О’Коннора в Сенате?

– Вряд ли, - ответил сенатор. – Он для меня пустое место.

– А его отец? Он тоже для вас пустое место?

– Он был шипом, который сильно засиделся в Сенате.

– Как вы восприняли известие, что его сына убили?

– Как трагедию, - ответил Стенхауз в жалкой попытке изобразить искренность. – Он ведь был сенатором Соединенных Штатов.

– И сыном вашего давнего соперника.

Тут его вдруг озарило.

– Он сказал вам, что это сделал я? Вот ублюдок! – Сенатор устремился к окну, уставился в него на секунду, потом повернулся к Сэм и Фредди. – Ненавижу его всеми фибрами души. Но достаточно ли, чтобы убить его сына? Нет. Я не думал о Грэхеме О’Конноре пять лет, с тех пор, как мы в последний раз здесь видели его жалкую задницу.

– Наверняка за эти пять лет приходилось не раз думать о его сыне.

– Его сын был в Сенате благодаря лишь одному – своей родословной. О’Конноры запудрили мозги людям в Вирджинии. Джон О’Коннор еще более бесполезен, чем его отец, и это не только мое мнение. Спросите кого угодно.

– Спрошу, – сказала Сэм. – А вас, между тем, прошу не выезжать из города.

– Что это значит? Конгресс уходит на парламентские каникулы послезавтра. На следующий день я еду домой в Миссури.

– Нет, не едете. Вы остаетесь здесь, пока мы не закроем дело.

– Но это же Рождество! Вы не можете удержать меня против воли.

– Детектив Круз, могу я задержать сенатора против его воли?

– Уверен, что можете, мэм.

– И не имеется ли у нас тюремная камера с его именем на случай, если он покинет столицу?

– Да, мэм. Абсолютно точно имеется.

Стенхауз изрыгал огонь, пока детективы обменивались репликами.

Сэм на три шага сократила расстояние между ними. Глядя на сенатора, она сохраняла доброжелательное и спокойное выражение на лице.

– Ни ваши ранги, ни статус для меня значения не имеют. Я расследую убийство и не колеблясь посажу вас за решетку, если вы откажетесь сотрудничать. Оставайтесь на месте.

– С этими словами она развернулась, кивнула Фредди, чтобы следовал за ней, и покинула комнату.

И, довольная, услышала, как Стенхауз орет на помощника:

– Соедини меня с Джо Фарнсуортом. Срочно!

Терри О’Коннор, когда был трезв, проводил дни в крошечном офисе на Индепенденс-авеню. Судя по скудному присутствию предметов на столе, Сэм заключила, что работа была лишь на словах и, по большей части, служила одолжением знаменитому отцу.

Терри успел покрыться бледностью, когда в дверях появились детективы.

– Доброе утро, мистер О’Коннор, – поздоровалась Сэм. – Жаль прерывать вашу работу, но у нас к вам несколько вопросов.

– Э, разумеется, – откликнулся тот, указывая на кресло.

Сэм уселась в кресло, пока Фредди подпирал косяк.

– Мне скоро ехать, – предупредил Терри. – Мы собираемся в Ричмонд.

– Да, я знаю. Мы вас долго не задержим. Вы продвинулись в поисках женщины, с которой были в ночь убийства?

Казалось, Терри вжался в кресло.

– Нет.

– Вы убили вашего брата?

В мгновение страдание превратилось в шок.

– Нет!

– У вас хорошая причина желать ему смерти. Я имею в виду, прежде всего, что он жил предназначенной вам жизнью и почти добился успеха как сенатор, когда провел Закон об иммиграции. Может, это вас доконало?

– Я любил брата, сержант. Ревновали я его? Конечно, ревновал. Я хотел эту работу. Я *хотел* ее. До печенок. – Он показал на живот. – Я готовился к ней всю жизнь, и да, меня задевало, что эту работу получил брат, когда даже ее не желал. Но убийство Джона ничего для меня не изменило бы. Разве вы видите выстроившуюся очередь из вирджинских демократов у дверей моего офиса, жаждущих, чтобы я занял его место?

– Нет.

– Так какой у меня мотив?

– Удовольствие? Мечь?

– Разве похоже, что у меня есть силы радоваться случившемуся? – спросил Терри, в голосе звучало полное поражение.

Сэм встала.

– Мне бы хотелось узнать имя женщины, с которой, по вашим словам, вы провели ночь.

Терри вздохнул:

– Мне тоже, сержант, уж поверьте. Мне тоже.

Выйдя, Сэм повернулась к Фредди.

– Ну, что думаешь?

– Не хотел бы быть на его месте. Подумай только о бедных родителях, которые гадают, не он ли это...

Бесконечное сострадание Фредди могло одновременно и утешать, и раздражать.

– Он больше чем просто ревнует к брату. Посмотри на эту дыру, его офис. Думаешь, его не точила подленькая мысль, что младшенький уютно расположился в кабинете в здании Сената?

– Достаточно, чтобы убить его?

– Не знаю, я все еще подозреваю женщину, но не могу вычеркнуть и брата. Еще нет. Я отпущу его, пока не пройдут похороны, а потом, если он не предоставит алиби, побеседую в более формальной обстановке. – Она помолчала и добавила: – Мне нужно домой переодеться. Не возражаешь, если мы на минуту заедем?

– Нет. Ты же знаешь, я с удовольствием увидаюсь с заместителем шефа.

– Он тебя тоже любит, не знаю почему.

– Моему уму и шарму трудно сопротивляться.

– Удивительно, а мне так удается без труда.

– Ты редкая и уникальная женщина, сержант.

– Хорошо бы тебе это запомнить.

Фредди засмеялся и вышел вслед за ней из машины.

Глава 16

Сэм ничуть не удивилась, что когда она приехала домой, позвонил Фарнсуорт.

– Доброе утро, шеф. Полагаю, вы переговорили с сенатором Стенхаузом.

– Ты верно полагаешь. Так ли уж необходимо удерживать его, сержант?

– Наверняка, сэр. У него есть причины политического характера желать смерти Джона О’Коннора, не последняя из них – ненависть к отцу сенатора.

– Ненависть – сильное слово.

– Это его выражение. – Глянув в сторону Фредди, она сказала: - Поправьте меня, если я неправа, детектив Круз, но я повторяю точные слова сенатора в адрес Грэхема О’Коннора: «Я ненавижу его всеми фибрами души». – Фредди одобрительно кивнул. – Детектив Круз подтверждает мой рассказ, сэр.

– Ступайте осторожно по этому минному полю, сержант. Стенхауз может усложнить мне жизнь и, как следствие, вам.

– Да, сэр.

– Журналисты прожгли дыру у меня во лбу, требуя информации. Как близко мы подошли?

– Не так близко, как хотелось бы. На этот момент у меня нет четкого подозреваемого. Есть несколько, у кого был мотив и возможность, но ни одного, кого можно арестовать.

– Когда вернешься в управление, хочу с тобой поговорить.

– О том, что было в утренних газетах?

– Да.

– Я могу справиться с этим, сэр. Нет нужды...

– В моем кабинете в четыре часа, - приказал начальник и повесил трубку.

– Черт, - пробормотала Сэм, сунув мобильник в карман пальто.

– Они вынуждены всерьез принимать эти угрозы в адрес офицера полиции, Сэм, - заметил Фредди. – У них нет выбора.

– Мать убивается и ищет виноватых. Я удобная мишень.

– Жаль, что эта мать не видит очевидного: виноват ее муженек, наркоман долбаный, а не ты.

Сэм припарковалась на Девятой улице, облокотилась на руль и повернулась к Фредди:

– Послушай, если разразится скандал я стану козлом отпущения. Я пойму, если ты захочешь сменить напарника, пока все это не утихнет.

– Хорошая попытка, сержант, но ты от меня не отделаешься.

– Я могла бы тебя перевести.

– Могла бы, – согласился Фредди. – Но позволь спросить: если бы кто-то напал на меня, ты слиняла бы?

– Нет.

– Тогда почему думаешь, что я слиняю?

Под внешностью парня с обложки и склонностью к обжорству таился стержень, который Сэм очень уважала.

– Тогда ладно, – сказала она, пытаясь вернуть все в нормальное русло. – Когда зацепят и твою милую мордашку, не приходи жаловаться ко мне.

Напарник почесал подбородок.

– Ты вправду думаешь, что у меня милая мордашка? Раньше мне такого не говорила.

– Заткнись, – простонала Сэм, потянувшись к дверной ручке. – О Боже.

– Я же просил тебя не упоминать имя Господа всуе.

– А я просила *тебя* воздержаться от проповеди.

Вот. Все вернулось на место.

Пандус, пристроенный к парадной двери Скипа Холланда, сурово напоминал об изменениях, наступивших после пулевого ранения. Зайдя домой, Сэм позвала отца и улыбнулась, заслышав жужжание кресла.

– Где там моя дочь, нарушившая комендантский час и не ночевавшая дома?

– Я оставила записку и знаю, что ты ее получил. – Сэм наклонилась и поцеловала отца в лоб. – Так что нечего жаловаться.

– Доброе утро, детектив Круз. Завтракали?

– Было дело. – Фредди пожал руку Скипу. – Но вы же меня знаете, всегда есть место для добавки.

– Селия готовила яичницу. Наверно, что-то осталось.

– Если не возражаешь, я отлучусь, – Фредди, направляясь на кухню, одарил Сэм усмешкой.

Та закатила глаза.

– Зачем ты ему потакаешь? – спросила она отца.

– Он растет. Ему нужен белок.

– Надеюсь, что буду поблизости, когда его метаболизм замедлится и станет ползти наподобие моего. – Сэм потянулась за стопкой почты на столе. – Выглядишь усталым.

– Могу сказать то же самое о тебе, сержант. Что тебя задержало ночью?

– Работала над делом. Ты же знаешь. – Она взглянула на отца: что-то мелькнуло в его умудренном взгляде. – Что?

– Я все еще могу читать.

– А. – Она распустила «хвост» и, проведя пальцами по волосам, попыталась привести те в порядок. – Ты прочел газету. Она ищет крайнего.

– Что предпринимается?

Сэм знала, что имеется в виду департамент, и решила успокоить страхи отца, рассказав о беседе с Фарнсуортом.

– Шеф снимет тебя с улиц. И с О’Коннора, пока ты дашь показания.

– Он уберет меня от пинков и воплей. Не могу найти бесполезных оправданий для такой матери, как Дестини Джонсон, вставляющей палки в колеса.

– У нее много друзей – сердитых дружков с оружием. У Фарнсуорта не будет выбора, кроме как взять тебя под защиту из-за ее угроз.

– Если я попаду под защиту, то со мной уйдет и дело. Я удивлюсь, если ее уже не забрали за угрозы в адрес офицера полиции.

– Не сомневаюсь, но арестовать ее – не значит нейтрализовать угрозу.

Сэм наклонилась и еще раз поцеловала отца в лоб.

– Не беспокойся.

Ярость отразилась на чувствительной стороне лица.

– Ты это мне говоришь? Когда я сижу тут в кресле и ни черта *не могу* поделать ради жизни своей дочери, *моего ребенка*, которому угрожают те, кто не только имеет желание, но и средства, чтобы привести угрозу в исполнение? Я только и могу, что беспокоиться. Не лишай меня этого права, Сэм, не опекай меня. Я от тебя жду иного.

– Прости. Ты прав. – Она подавила глубокий вздох, когда в знак отмщения вернулась боль в животе. Даже спустя два года приспособившись к новому положению отца было все равно, что ступать по тонкому льду. – Конечно же, ты прав.

– Отнесись к этому серьезно и делай то, что тебе говорят старшие офицеры. В этом вопросе я доверяю Джо, мне нужно твое обещание, что ты сдержишь слово.

Сэм взяла отца за руку и пожала единственный работающий палец.

– Обещаю.

– Иди переоденься и приходи завтракать.

Поскольку это ее папочка и ему нужно было почувствовать, что он все еще на что-то влияет, Сэм поступила, как сказал отец, не напоминая, что ей уже тридцать четыре и она не нуждается в указаниях.

Поглощая яичницу и тосты, Сэм и Фредди обсуждали расследование со Скипом, пока Селия наливала кофе.

– Я согласен с твоей версией, что здесь замешана женщина, похоже на преступление по мотивам страсти, - говорил Скип.

– Мы пока не вычислили женщину с таким эмоциональным багажом по отношению к О’Коннору, который требовался бы, – заявил Фредди.

– Собираемся поговорить с некоторыми бывшими подружками, когда уйдем отсюда, может, нам повезет, – сообщила Сэм.

– Тебе нужно искать хладнокровного человека, – присоединяясь к теме, заметил Скип. – Кто под внешним спокойствием сдерживает огромную ярость. Тебе надо найти ту, с которой неправильно обошлись. Или у кого были сложные отношения с самыми значительными мужчинами в ее жизни – отцом, бывшем мужем, бывшим любовником. Мужчины время от времени ее разочаровывали, и сенатор мог оказаться последней каплей. Критическим пределом.

– Черт возьми, – благоговейно сказал Фредди. – Вы двое – это что-то. Она все видит так же точно, что и вы.

Ему улыбнулась Селия.

– Это все их гены. Иной раз я думаю, уж не стоит ли мне бояться, что провожу столько времени с людьми, которые могут проникнуть в умы преступников так легко, как эти двое.

– Хватит о наших генах. – Допивая последний глоток содовой, Сэм встала. – Спасибо, Селия за завтрак, а тебе за консультацию. – И поцеловала отца в лоб. – Увидимся вечером.

– Жду без особого энтузиазма, – с сухим кашлем сказал он. А обращаясь к Фредди, добавил: – Я ей нужен, чтобы было место, где хранить ее обширный гардероб.

– Мне кажется, вы ей нужны для гораздо большего. Рад был повидаться, шеф.

– И я, детектив. «Скинзы» играют в воскресенье вечером. Если хочешь, заглядывай, посмотрим игру. Селия обещала закуски. Может, даже бутылку-другую пива, если буду в настроении.

– Закуски, пиво и футбол? – Фредди пожал руку Скипа. – Разве можно отказаться? Постараюсь прийти. Спасибо за завтрак, Селия. Как всегда - грандиозно.

– На здоровье, детектив, - чуть зарумянившись, ответила Селия. Даже самые стойкие женщины краснели, поддавшись необъятному очарованию Фредди.

Выйдя из дома, Сэм помедлила, прежде чем сесть в машину.

– Я, э, хочу сказать тебе спасибо за все.

Фредди в замешательстве свел брови, таращась на нее поверх капота.

– За что? За то, что спасли меня от голодной смерти?

– Нет. – Сэм пыталась подобрать слова. – За то, что ведешь себя с отцом, словно он все еще нормальный человек.

– Так он такой и есть. – Фредди пребывал в состоянии невинного замешательства. – С чего бы мне обращаться с ним по-другому?

– Ты бы удивился, как порой люди ведут себя с ним. – Они сели в машину. – То, что я сейчас скажу, повторять больше не буду. И если услышу, что ты это повторяешь, буду все отрицать. Понял?

– Ничего себе, уже невтерпеж услышать. Жду, затаив дыхание.

– Если убрать твой сарказм и сильные недостатки в области диеты, ты особенный парень, Фредди Круз. Таких хороших парней один на миллион. – Сэм глянула в сторону напарника: он уставился на нее с открытым ртом. – А теперь мы далеко задвинем эту ерунду, и что ты скажешь, если мы возвратимся к теме, кто убил сенатора? – Когда Фредди затруднился ответить, Сэм не выдержала: – Ради бога, что ты застыл, словно я тебя шарахнула электрошокером?

– Еще бы, - пробормотал он. – Еще бы.

Поскольку Фредди ничего не сказал про то, что она упомянула имя божье всеу, Сэм поняла, что действительно потрясла его комплиментом. Что ж, удовлетворительное начало дня, обещавшего стать дерьмовым.

Натали Джордан они нашли одну дома в Белл-Хейвен, дорогом районе роскошных домов в колониальном стиле в городе Александрия. Красный кирпич, белые колонны, и все это окружено черной кованной оградой. От дома несло запахом «старых денег» и вирджинской аристократией.

– Отличное стойло, – сказал Фредди, окидывая взглядом ухоженные окрестности.

– Похоже, Натали в конце концов обрела сладкого папочку, – заметила Сэм, звоня в дверь. Внутри раздался звон колокольчиков.

Дверь открыла сама Натали, одетая в шелковую блузу цвета лосося, белые шерстяные брюки и туфли на пятисантиметровых каблуках. На стройной шее висела золотая цепь с бриллиантом с ноготь большого пальца Сэм, а белокурые волосы хозяйки были уложены в «боб», что идеально компенсировало ее тонкие угловатые черты. Голубые глаза покраснели, а темные круги портили во всем остальном безупречный цвет лица. Сэм теперь видела, что имел в виду Ник, когда описывал Натали как «паразитическую».

По части моды будучи и сама не промах, Сэм мгновенно устрашилась. Желудок сжался. С глубоким вздохом усилием воли подавив боль, Сэм показала полицейский значок.

– Детектив сержант Холланд и детектив Круз, Городская полиция.

– Входите, – с медовым южным акцентом пригласила Натали. – Я вас ждала.

– Вот как? – сказала Сэм, следуя за хозяйкой в гостиную, словно сошедшую со страниц праздничного выпуска журнала «Таун энд Кантри».

– Несколько лет мы с сенатором О’Коннором состояли в отношениях. Я предположила, что вы захотите об этом поговорить. Могу я вам что-нибудь предложить? Кофе, прохладительные напитки?

Прежде чем Фредди ответил согласием, Сэм вежливо отказалась:

– Нет, спасибо. Не возражаете, если мы запишем нашу беседу?

Натали покачала головой. Сэм сделала знак Фредди включить диктофон и начала с представления присутствующих, назвав также место их беседы.

– Вы можете сказать, где вы были в среду между десятью часами вечера и семью часами утра?

Может, Натали и ждала их визита, но к этому явно не приготвилась.

– Я подозреваемая?

– Пока не определено иное, подозреваются все. Ваше местонахождение?

– Я была здесь, – с запинкой ответила Натали. – С мужем.

– Как его зовут?

– Ноэль Джордан.

– Где мы можем его найти, чтобы он подтвердил ваши слова?

– Он особый заместитель генерального прокурора в Верховном суде. – Она продиктовала адрес в деловой части города. – Сейчас он на работе.

Махнув рукой на обстановку гостиной, Сэм заметила:

– Шикарная квартирка для человека на государственной зарплате.

– Это его семьи... они богаты.

– Вы можете рассказать мне о сути ваших отношений с сенатором О’Коннором?

Сжав на коленях руки, Натали ответила:

– У нас были романтические отношения почти три года.

– И когда закончились?

– Около четырех лет назад, – вздохнула она. – Через год или около того после его избрания.

– Вы любили его?

– Очень сильно, – ответила Натали с тоскующим выражением, наведшим Сэм на мысль, что чувства этой женщины к сенатору все еще живы.

– Почему закончились отношения?

– Я хотела замуж. Он не хотел жениться. – Она пожала плечами. – Мы спорили об этом. Несколько раз. После одной особенно отвратительной ссоры он заявил, что наши отношения исчерпали себя и нам следует подумать о том, чтобы встречаться с другими людьми.

– И как вы себя почувствовали?

– Это ударило по мне и потрясло. Я его любила. И хотела провести с ним всю жизнь. Я понятия не имела, что он несчастлив.

– Он вас любил?

– Говорил, что да. Но в этом всегда было что-то такое... как бы сказать... отстраненное, что ли. Я никогда не была уверена полностью, что он любит меня так, как я его.

– Должно быть, вас разозлило, что вас бросил мужчина, за которого вы намеревались выйти замуж.

Голубые глаза вспыхнули болью.

– Я была полностью уничтожена, сержант, чтобы разозлиться не было сил. И если вас интересует, не убила ли его я, могу заверить, что не делала этого. По правде сказать, я порвала с ним, совершенно, и вот услышала, что он умер. – По фарфоровым щекам вдруг полились слезы. Она вытерла их привычным жестом, свидетельствующим, что последние дни ей довелось много плакать. – С тех пор я никак не могу остановить слезы. – Помолчав секунду, добавила: – У меня прекрасная жизнь с мужем, которого я обожаю, подходящим мне во всех отношениях. Мне незачем было вредить Джону.

– У вас все еще находится ключ от уотергейтской квартиры сенатора?

– Я, э, понятия не имею. – Казалось, она искренне озадачена. – Возможно.

– Так у вас был ключ, когда вы встречались?

– Я жила у него последний год, когда мы были вместе. – На щеках выступили красные пятна. – Когда я съехала, меня не просили вернуть ключ.

– Мне нужно задать вам очень личный вопрос, заранее извините, если он вас заденет.

– Все в этом деле задевает меня, сержант. Хороший человек, человек, которого я любила, убит. Это задевает меня до глубины души.

– Понимаю. И все-таки моя работа – найти его убийцу, и чтобы это сделать, мне нужно спросить вас о его сексуальных предпочтениях.

Отпрянув, Натали спросила:

– Что вы имеете в виду?

– Увлекался ли он извращениями?

Ее щеки, покрытые пятнами, сейчас запылали вовсю.

– Мы наслаждались нашей сексуальной жизнью, она нас удовлетворяла, если вы это хотите знать.

– Он вас связывал? – спросила Сэм, интуитивно сформулировав вопрос, вспомнив порно, которое они обнаружили на компьютере. – Был ли он грубым? Не хотел ли чего-то сверх обычного?

– Я не должна отвечать на это, – заикаясь, возмутилась Натали. – Это его личное дело и мое.

– Да, но аспекты его убийства глубоко личные, поэтому буду признательна, если вы ответите на мой вопрос.

Натали набрала воздуху и выдохнула, покрутив обручальное кольцо с огромным бриллиантом.

– Он был изобретательным любовником.

Сэм пустила в ход свой коронный стальной взгляд, давая Натали понять, что придется пояснить подробнее.

– Да, - вскричала та. – Он меня связывал, он мог быть грубым, мог попросить что-нибудь больше обычного.

– А вы? Вы соглашались, потому что хотели или потому что чувствовали себя обязанной?

– Я любила его, – ответила Натали безнадежным шепотом, от которого расстроенные нервы Сэм дошли до грани. – Я любила его.

– Он когда-нибудь предлагал участие других лиц в отношениях? Мужчин или женщин?

– Конечно нет, - возмутилась Натали. – Нет!

– Миссис Джордан, нам нужно, чтобы вы никуда не отлучались, пока мы ведем расследование.

– Мы с мужем собирались в Аризону на несколько дней навестить на Рождество родителей.

– Вам придется поменять планы.

Вытерев лицо, Натали Джордан спросила:

– Мне нужен адвокат, сержант?

– Не в этот раз. Мы будем на связи.

Глава 17

– Ну, давай уж, выкладывай, – проворчала Сэм Фредди, когда они вернулись к машине.

– Выкладывать что?

– Что я была с ней груба. Что я бессердечная стерва. Что там у тебя на уме?

– Мне ее жалко.

Сэм не ожидала такого.

– Кроме очевидного – почему?

– Разве ты не заметила, что она сказала?

– Как насчет прекратить играть в вопросы и ответы и просветить меня, что вы заметили, детектив?

– Она сказала, что «обожает» своего мужа. Но ни разу не сказала, что любит его. Зато сколько раз повторила, что любит О’Коннора? Четыре? Пять? – Пораженная, Сэм уставилась на Фредди. – Что? – поеживаясь, спросил тот.

– Возможно, мы все же сделаем из тебя детектива.

Напарник расцвел улыбкой мальчика с обложки, и, черт побери, если сердце Сэм не пропустило удар. Какой же Фредди, черт его возьми, милашка.

Она завела машину.

– Знаешь, можешь свободно вмешиваться в разговор, когда мы допрашиваем людей.

– И ломать тебе кайф? Даже и не подумаю. С меня вполне хватит удовольствия наблюдать, как вы работаете, сержант Холланд. Стыд мне и позор, если я проведу с вами день и ничему не научусь.

– Ты что, подлизываешься? – Она кинула на него подозрительный взгляд, пока вела машину через Белл-Хейвен.

– Да ничего мне не надо, разве что ланч. Куда мы едем?

– Нам нужно исключить из списка еще двух бывших пассий, а потом хотелось бы перемолвиться словечком с Ноэлем Джорданом.

– Мы что, собираемся допрашивать бывших об их сексуальной жизни?

– Черт, именно так.

Фредди вздохнул:
– Этого я и боялся.

Тара Давенпорт, двадцати четырех лет, работала в смену во время ланча в высококлассном ресторане, обслуживающем толпу на Капитолийском холме. Сэм показала значок метрдотелю.

– Нам нужно несколько минут переговорить с Тарой Давенпорт.

– Она работает. Не могли бы вы подойти в конце смены? Около пяти?

– Мы тут не болтовней занимаемся. Или я поговорю с ней в укромном месте, которое вы предоставите, или вытащу ее отсюда в наручниках и заодно прихвачу вас за препятствие полицейскому расследованию. Что предпочтете?

Глядя на Сэм с высокомерным видом, напыщенный индюк сказал:

– Подождите здесь и говорите потише, ладно?

– Великая и ужасная, – пробормотал Фредди, чем вызвал смешок Сэм.

– Благодарю.

– Ты воспринимаешь это как комплимент.

– А как еще я должна принимать?

Они видели, как зазнайка взял за плечо стройную, но грудастую молодую блондинку и показал ей на Сэм и Фредди. Метрдотель сделал знак, и детективы последовали за Тарой в заднюю часть заполненного ресторана. По пути не один клиент обратил на них внимание. Почему-то это так пришлось по душе Сэм, что она сунула руки в карманы и выставила на обозрение пистолет и жетон.

– Блестяще, сержант, – вскипел метрдотель.

– В следующий раз, когда мои коллеги или я появимся в ваших дверях, возможно, вы пораскинете мозгами и пойдете нам навстречу.

– У вас пятнадцать минут. После этого вам понадобится ордер, чтобы ваша нога ступила сюда снова.

– Разве мне нужен ордер, если я захочу нанести повторный визит сюда, детектив Круз?

– Нет, мэм, в большинстве случаев неофициальный допрос потенциальных подозреваемых в убийстве не требует ордера.

Заносчивый тип побледнел:

– Убийство?

– Выйдите и дайте мне работать, – рыкнула Сэм. – Только попробуйте постучать в эту дверь, и я утащу вашу тощую задницу в участок и посажу в камеру с парнями, которым не терпится сделать из вас свою сучку.

Метрдотель с трудом сглотнул и пропустил их вперед.

– Великая и ужасная, – повторил Фредди.

подавив смешок, Сэм открыла дверь в комнату отдыха, где ждала Тара Давенпорт, бледная и дрожащая. Пока Сэм представляла себя и напарника Таре, то прикидывала способна ли физически эта женщина вогнать мясницкий нож в горло Джона О'Коннора.

– Вы насчет Джона? – тихо спросила мисс Давенпорт, после того как дала согласие на запись разговора.

– Да. Можете вы сообщить свое местонахождение в ночь убийства? Вторник, с десяти вечера до семи утра?

Хрипло, но решительно Тара заявила:

– Я была с друзьями вечером, но к десяти приехала дома.

– Вам нужно дать детективу Крузу список людей, с которыми вы были. Вы живете одна? – Та кивнула. – Так что никто не может подтвердить ваше местонахождение после десяти?

- Нет.
- Никто не видел, как вы вернулись домой? Соседи?
- Мне не к кому обратиться.
- Как и когда вы встретили сенатора О’Коннора?

– Я встретила с ним шесть месяцев назад. Он регулярно здесь обедал. С руководителем своего предвыборного штаба бывал здесь на ланче раза два в неделю, когда проходила сессия Сената.

При упоминании Ника, которого Сэм старательно пыталась весь день выкинуть из головы, екнуло в животе. Стоило только вспомнить его мускулистую грудь и ту нежность, которую он выказал Сэм, когда ей приснился плохой сон. Она стянула пальто и повесила на спинку стула.

– Джон всегда просил посадить его за мой столик. Ему нравилось флиртовать и перекидываться словечками. Через несколько месяцев он пригласил меня на обед.

- Вы удивились?
- Конечно. То есть, он же сенатор. Что ему нужно было от официантки?
- А что он хотел?

– В первую очередь я решила, что он одинок, - ответила Тара, а ее зеленые глаза наполнились слезами. – Первые несколько раз мы гуляли, часами говорили. Он водил меня в красивые места.

– Должно быть, вы чувствовали себя Золушкой, - заметил Фредди.

– В некотором роде. Джон был галантен и очень красив.

– Вы в него влюбились? – спросила Сэм.

– Да, - прошептала она. – Если бы вы знали Джона, то поняли, что трудно в него не влюбиться.

– Итак, что случилось?

Ломая пальцы, Тара ответила:

– Мы встречались несколько недель, когда он попросил меня провести с ним ночь.

– А вы?

Глядя в пол, она кивнула.

– Это было чудесно. Он был чудесным. – И ударила в слезы. – Мы не могли насытиться друг другом.

– У вас был ключ от его квартиры?

– Он давал мне ключ, когда я с ним встречалась, но я возвращала его обратно той же ночью.

– Почему все закончилось? – спросил Фредди.

– Он, э... хотел больше того, что я могла позволить.

– В отношениях?

Сэм уже заранее знала ответ.

Тара покачала головой, щеки покрылись румянцем.

– В постели.

- Что случилось с чудесным Джоном?

– Кабы я знала. После нескольких встреч все изменилось. Он стал грубым, почти жестоким. И хотел... такие вещи... а я не могла.

– Какие вещи?

– Вам, в самом деле, необходимо знать?

– Простите, но да.

– Он...

– Я знаю, это для вас ужасно трудно, мисс Давенпорт, но мы ищем убийцу. Все, что вы скажете, поможет расследованию.

Тара секунду собиралась с духом:

– Он хотел садомазохизма и... анального секса.

– У вас был анальный секс с сенатором, мисс Давенпорт?

– Нет! Я же сказала, что отказалась! Я таким не занимаюсь.
– И как он повел себя, когда вы ему отказали?
– Он взбесился, но принуждать меня не стал.
– Какое благородство, – пробормотал Фредди. – После того как вы отказали сенатору, вы с ним встречались?

Тара помотала головой:

– Больше я о нем не слышала.
– И что вы почувствовали? – спросила Сэм.
– Горевала, расклеилась. Я ведь думала, у нас что-то особенное, а все так просто... ушло. Как вы там сказали? Несколько недель я чувствовала себя Золушкой. Как в сказке.

– А он не оказался вашим Прекрасным принцем, – добавил Фредди.

– Да.

– Он когда-нибудь предлагал вам вовлечь других людей в ваши сексуальные отношения? – спросила Сэм. Лицо Тары вспыхнуло, щеки запылали. В яблочко. – Мисс Давенпорт?

– Однажды, – тихо ответила та. – Он сказал, что мне будет интересно с двумя сразу.

Изящные плечи Тары передернуло.

– Вам не показалось, что он уже это раньше делал?

– Да.

– И что вы ему ответили на предложение?

– Я сказала, что мне нужен только он. Кажется, его раздосадовало, что я отказалась.

– Должно быть, такое разочарование для вас, – заметила Сэм.

– Да, так и было.

– Вы разочаровались настолько, чтобы убить его, мисс Давенпорт?

Она побледнела.

– Убить его? Вы думаете, я его убила?

Потрясение было таким неподдельным, что Сэм сразу выкинула Тару из списка подозреваемых.

– Просто ответьте на вопрос.

– Нет, не настолько разочаровалась, чтобы его убить. Я его не убивала.

– Вы кому-нибудь рассказывали, почему ваши отношения с сенатором закончились?

– Нет. Такое даже близким друзьям не расскажешь. Честно сказать, все это очень унижительно.

– Что вы почувствовали, узнав, что он мертв?

– Печаль. Печаль меня переполняет. Но если честно, то не очень удивилась, что кто-то его убил. Если так обращаться с людьми, как он поступил со мной, то, в конце концов, это плохо кончится.

– Мне нужно, чтобы вы оставались в городе какое-то время.

– В праздники я работаю, – сказала Тара пустым, безнадежным, безжизненным тоном. – Я буду здесь.

– Мне трудно понять, что он собой представляет, – признался Фредди, когда они вышли из ресторана.

– Поймешь. Думаешь, он гей?

– Скрытый? Решал проблемы за счет женщин?

– Он любит определенный тип. Изящная блондинка. Таре никак не хватило бы сил пригвоздить его ножом.

– Я подумал то же самое. – Фредди помолчал, кажется, что-то обдумывая. – Помнишь, как мы шутили, что проводим времени вместе больше, чем со своими семьями?

– Это ты у нас шутник. Я серьезный профессионал.

– Ага, как бы не так.
– Что ты хочешь сказать?
– Я тебя давно знаю. Мы год с тобой напарники.
– Ближе к делу. А то ты так и в этом десятилетии не доберешься до сути, а мне бы хотелось вернуться к работе.
– Я дело говорю, - запыхтел Фредди. – Просто когда она упоминала Каппуано, ты вся покраснела, и тебе пришлось снять пальто.
– Мне было жарко! Ну и что?
– Ты занервничала. А ты *никогда* не нервничаешь.
Именно этот момент выбрал ее желудок, чтобы дать о себе знать. *Никогда не нервничала?* Ха! Да она полжизни потратила на нервы, но явно хорошо поработала, чтобы это скрыть.
Фредди остановился на тротуаре и повернулся к ней.
– Скажи правду, Сэм. Ты в него втюрилась?
Она тщательно подбирала слова.
– Работа – это почти все, что у меня есть. Я работаю, забочусь об отце, помогаю сестрам с племянниками, когда могу. Вот моя жизнь.
– Думаешь, меня напрягает, что ты хочешь большего? – Его теплые карие глаза вспыхнули. – Ты так думаешь?
– Каппуано под запретом. Нет смысла говорить о чем-то, чего у меня нет.
– Почему бы тебе его не иметь?
– Он свидетель! Он нашел сенатора. И вплоть до вынесения приговора будет с этим связан.
– Он никого не убивал. И он на твоей стороне.
Сэм помотала головой.
– Мы погрязаем в трясину этики, и тебе это известно.
– Ты права. Все не так гладко. Такова жизнь. Но Каппуано хочет не меньше нашего завершить это дело, если не больше. И *небезразличен* тебе, Сэм. По-моему, это просто замечательно.
– Я бы точнее сказала «очень напрягает». – Вперив в него взгляд, она добавила: – Ты ведь не проговоришься в управлении?
– Положись на меня. Ну а пока спросила бы своего дружка Каппуано, есть ли вероятность, что сенатор гей.
– Он скажет «нет».
– Смех да и только. И прежде чем ты втянешь меня в еще один допрос об особых сексуальных аппетитах, придется тебе что-то делать с моим.
Сэм наострила уши.
– Твоим сексуальным аппетитом?
– Нет. – Фредди засмеялся и потер живот. – Другим.

Сэм воспользовалась служебным положением и настояла, чтобы они пообедали в вегетарианской закусочной, пресекая громкие жалобы Фредди на недостаток калорий.
– Тут даже нет картошки-фри, – ворчал он, пока Сэм одолевала вегетарианский бутерброд и размышляла, в самом ли деле в нем чуть больше шести граммов жира.
Неприменно каждый грамм отложится на ее заднице.
– Если ты прекратил ныть, то нам нужно заскочить в «Total Fitness» на Шестнадцатой.
– Ты решила заняться спортом, пока сидишь на этой своей диете?

– Только потому, что я выбираю здоровую пищу, не означает, что я на диете. Следующая леди из списка сенатора работает в тренажерном зале в качестве персонального тренера. – Сэм сверилась с записями. – Элин Сведсен.

Фредди с готовностью вскочил:

– Шведка?

– Похоже на слух.

– Блондинка, мускулистая и шведка? День становится лучше.

– Ба, Фредди, а я-то думала, что ты выше таких человеческих слабостей, как похоть.

– Если я разборчив, не значит, что не могу немного насладиться приятным зрелищем, как всякий простой парень.

– Этот экскурс в мужскую психологию очарователен. Воистину.

– Рад стараться.

Элин Свенсон оказалась не только мускулистой: с виду она могла бы надрать несколько серьезных задниц, если вдруг потребуется. Под метр восемьдесят, блондинка с холодными голубыми глазами и фигурой, способной остановить поезд на всех парах. Сэм решила, что ей не хотелось бы встретить эту амазонку в темном переулке.

Они поймали ее в перерыве между клиентами и прошли за ней в клубный соковый бар, который в результате еще целый час оставался открытым. Предложение Элин выпить фруктовый смузи детективы отклонили.

– Не возражаете, если я себе закажу? Нужно поднабраться энергии. Утро было долгим.

– Ничуть, – ответила Сэм и в свою очередь спросила: – Не возражаете, если мы будем записывать разговор?

– Нет.

Заметив, что Фредди глаз не может оторвать от Элин, следя за каждым ее движением, Сэм толкнула напарника локтем, чтобы вернуть на землю.

Он криво улыбнулся.

Элин, взяв клубничную смузи, присоединилась к детективам.

– Если вы пришли поинтересоваться, не убила ли я Джона О’Коннора, то я этого не делала.

– Где вы были в ночь убийства между десятью вечера и семью утра?

– На свидании и вернулась домой часа в два.

– Одна?

Элин кивнула.

– С кем вы встречались?

– С Джимми Ченом. Он член клуба. Время от времени мы выбираемся. Ненадолго.

– Вы не покидали дом после того, как вернулись?

– Пока не пошла на работу утром.

– Где вы познакомились с сенатором?

– Здесь. Он нанял меня как тренера, пришли друг другу по душе, дальше одно за другим...

– Когда это было?

– Три или четыре месяца назад.

Сэм быстро подсчитала и сообразила, что тот встречался с Элин и Тарой в одно и то же время.

– У вас есть ключ от его квартиры?

– Я устанавливала кое-какое оборудование ему на дому, и, чтобы я могла войти, когда Джон был на работе, он дал мне ключ.

– Вы отдали ему ключ обратно?

Элин на секунду задумалась.

– Знаете, я что-то не припомню, что отдавала. Хм-м-м.

Взглядом Сэм передала мяч Фредди.

– Э, хм, какова была суть ваших отношений с сенатором, мисс Сведсен? – спросил тот.

Сэм еще никогда не видела, чтобы Фредди настолько еле-еле ворочал языком в разговоре с женщиной, и решила подначить его, когда они уйдут отсюда.

– По большей части мы не вылезали из постели...

Фредди покраснел и не знал, куда глаза девать.

Сэм помалкивала и наслаждалась представлением. Сложив руки, она показывала всем своим видом, что не намерена выручать напарника из беды.

– Не станете вы, то есть, не будете вы возражать, если я спрошу, не было ли что-то более специфическое в... э-э-э... сексе, который был у вас сенатором? – Вспомнив слова Сэм, он добавил: – Было ли это, хм, обычное дело или что-то большее?

Казалось, имея целью принять участие в приведении в полнейшую неловкость Фредди, Элин улыбнулась и наклонилась к нему:

– Что-то большее, детектив, гораздо большее. Мы очень хорошо подходили друг другу в сексуальном плане.

Фредди прочистил горло.

– Вы все еще сминали с сенатором простыни, когда его убили? – спросила Сэм, поняв, что они тут провозятся весь день, если она будет ждать, когда Фредди справится с вопросом.

– Нет, мы прекратили около месяца назад.

– Кто прекратил?

– Я. – Элин пожала плечами. – Я заскучала. Настало время двигаться дальше.

– Как он воспринял, когда вы разорвали отношения?

– Прекрасно. Это же не союз по любви, сержант. Чистая физиология.

– Он не пытался привлечь других людей в отношения?

– Более чем пытался. – Элин, казалось, наслаждалась впечатлением, произведенным на Фредди. – У нас была пара незабываемых тройничков.

Сэм бросила взгляд на напарника и увидев, что у того наполовину отвисла челюсть, прямо таки захотела захлопнуть ему рот.

– Мужчин или женщин? – уточнила Сэм.

– В разных случаях по-разному.

– Кто устраивал эти экстра-вечеринки?

– Я. У меня много знакомых, кто здесь работает, да и мне легче, в свете того, кем он был.

– Что у него было с другим мужчиной?

– Вряд ли что-то. Тот парень был со мной, а не с Джоном.

– Так у Джона не было с ним секса?

Элин подумала минуту.

– Кажется, парень отсосал у Джона, но сам Джон ничего тому не делал.

– Эти люди знали, кто такой Джон?

– Нет. Мы просто представили его по имени. Историями жизни мы не делились.

Сэм закончила допрос стандартным предложением никуда не отлучаться.

– Детективы? – позвала Элин, когда они направились к выходу. Те повернулись. – Он не был тем самым единственным для меня, но он был хорошим парнем. И не заслужил смерть.

Сэм кивнула и толкнула дверь, думая, что «хороший парень» – понятие относительное.

– Ты наслаждалась, да? – взвился Фредди, когда они вышли на улицу.

– Наслаждалась чем?

– Заставив меня задавать все эти вопросы.

Сэм остановилась и повернулась лицом к нему:

– Если ты не можешь задать любой вопрос в любое время, то не стоит носить значок, детектив.

– Ты права, – отступил Фредди, гнев, казалось, сразу оставил его. – Я понимаю, что ты права, но, черт, так неудобно спрашивать незнакомую женщину о том, какой у нее был секс с покойным сенатором.

– Ты считаешь, что мне это нравится больше, чем тебе? Это работа. И лучший способ докопаться, кто убил, – понять личность убитого, узнать, чем он занимался.

– Ты права, прости, что наехал на тебя. Больше не буду.

– Будешь, – сказала Сэм со вздохом. – В тот день, когда ты перестанешь смущаться от таких вопросов, ты перестанешь быть Фредди Крузом. Тебе положено смущаться. Просто пусть это не мешает тебе делать то, что нужно делать.

– Не будет, – поклялся он. – Видишь, что я имею в виду, говоря, что учусь от тебя? Вот живой пример.

– Поцелуй меня в зад, Круз.

– Предложение заманчивое, и я его серьезно рассматриваю, но не думаю, что оно соответствует нашим профессиональным отношениям. Знаешь, ты же вышестоящий офицер по званию и все такое.

Она послала ему свой самый лучший испепеляющий взгляд, чтобы заткнуться.

– Если ты закончил, мы можем пойти и послушать, что скажет Ноэль Джордан о бывшем парне своей жены?

– Одно мы можем определенно сказать о Сведсен. Ей бы хватило силы пронзить сенатора ножом.

– Без сомнения. И у нее есть ключ.

– Хотя меня сбивает с толку, что она с ним порвала. Я могу представить, что она разозлилась бы, если он ее бросил, как Давенпорт, но если Сведсен сама покончила с отношениями, какой у нее мотив?

– Но это она так сказала. Кто знает, как на самом деле было? Она могла сказать, что сама порвала, потому что некому опровергнуть.

– Ну вот, опять ты меня учишь.

– Продолжай в том же духе и разозлишь меня. Мне нравится Элин Сведсен в роли убийцы. Пока подходит больше всех.

– Мне она тоже понравилась, – пошутил Фредди.

– По тому, как ты свесил язык, могу сказать, что она слишком жуткая и опытная для такого невинного мальчика, как ты. Она сжует тебя и выплюнет.

– И что уж тут плохого?

– Прости, я отвлекусь, у меня сейчас такие картинки возникают перед глазами.

Глава 18

Гонзо позвонил, когда они направлялись в Министерство юстиции на Пенсильвания-авеню.

– Что у вас есть? – спросила Сэм.

– По коттеджу пока ничего, но я сделал запрос, что ты просила, насчет Роберта О’Коннора. Шестидесят пять лет, живет в Меканиксвилле с женой шестидесяти трех лет. У них трое взрослых детей – Сара, сорок, Томас, тридцать шесть, и Майкл, тридцать четыре. Пятеро внуков.

– Твою мать, – пробормотала Сэм. – Они мне солгали.

– Хочешь, чтобы покопал поглубже?

– Нет, все нормально. Ты не можешь достать снимки этих детишек?

– Ладно, скину тебе на e-мэйл.

– Спасибо, Гонзо. Дай знать, если что нароее в коттедже.
– Двигается медленно. Позвоню, когда закончим.
– Кто лгал тебе? – спросил Фредди, когда Сэм закончила разговор.
– Родители О’Коннора. – Она рассказала о фотографии, найденной в коттедже. – Думаю, у Джона был сын, которого они скрывают. Собираюсь завтра поехать в Чикаго на поиски.

– Если хочешь, поеду с тобой.

– Нет, сама могу справиться. Мне нужно, чтобы ты проверил информацию от Давенпорт и Сведсен насчет людей, с которыми они были в ночь убийства. Также проверь охрану в их домах. Посмотри, может, поймашь, как они выходят из дома среди ночи – или, что важнее, возвращаются.

– Понял, – сделав пометку в блокноте, сказал Фредди. – Я бы лучше закончил то задание, что ты дала Гонзо.

– Не дуйся, Фредди. Расследование такого масштаба требует, чтобы мы задействовали все доступные источники.

Сэм прошла через охрану здания и отдала свое оружие – что всегда заставляло ее нервничать, – и их с Фредди препроводили в кабинет Джордана. Как особый помощник главного прокурора кабинет Джордана был справа от офиса своего начальника. Высокий голубоглазый мужчина атлетического сложения, блондин с короткими волосами, выглядевшими так, словно превратились бы в буйные кудри, если бы он их отрастил. Одет в темный костюм в полоску, скроенный явно по нему. Ничего из магазина готовых вещей в этом парне, подумала Сэм. Поражало сходство с Джоном О’Коннором. Очевидно, покойный сенатор не единственный был помешан на одном «типе».

– Детективы, – приветствовал Джордан, пожимая им руки и указывая на кресла перед столом. – Чем могу вам помочь?

– Вы осведомлены, что ваша жена была в длительных отношениях с сенатором О’Коннором?

– Да.

– Она когда-нибудь рассказывала вам о нем?

– Время от времени, но не больше чем одно или два случайных замечания. Жена слишком меня уважает, чтобы тыкать бывшим мне в лицо. У нас счастливый брак, и мы не примешиваем к нему наши прошлые отношения.

– Вы когда-либо встречались с сенатором?

– Несколько раз. Я активный член Демократической партии, он тоже.

– Он вам нравился?

– Не могу сказать, что не нравился, но не сказал бы, что между нами было больше, чем случайное знакомство. Он встречался с моей женой? Подумаешь. Она красивая женщина, у нее были отношения до меня. Я не жду, что ее жизнь – или моя – должна начаться в день нашей встречи. Хотя, – заметил он мягко, – во многих отношениях, моя началась именно тогда.

– Вы можете подтвердить свое местонахождение в ночь убийства? Вторник между десятью вечера и семью утра?

Джордан сверился с ежедневником в коричневой кожаной обложке.

– Во вторник вечером мы посетили ежегодный рождественский сбор средств с акцией молчания для Столичного отделения «Старших братьев, старших сестер» здесь в городе. Домой вернулись около десяти. В десять тридцать легли спать. Этого достаточно?

– Ваша жена упоминала что-нибудь об отношениях с сенатором, которые доставили ей неудобства?

Впервые спокойствие Джордана поколебалось.

– Неудобства в каком смысле?

– В любом.

– Нет, как я уже сказал, мы не чувствовали необходимость обсуждать детали прошлых отношений.

Сэм встала, Фредди последовал ее примеру.

– Я знаю, что у вас были планы уехать на праздники, – сказала она, – но вам придется остаться.

– Третьего января мне нужно ехать в Европу. Рабочая поездка.

– Надеюсь, к тому времени мы что-нибудь уже выясним. А до этого оставайтесь с вашей женой в пределах досягаемости.

– Что думаешь? – спросила она Фредди, когда они забирали свое оружие. С облегчением получив назад пистолет, Сэм сунула его в набедренную кобуру.

– Во-первых, он знал, что мы придем. Держал под рукой ежедневник.

– Несомненно, жена посоветовала. Но догадался что? В одном он солгал.

– В чем?

– «Старшие братья, старшие сестры». – Фредди кивнул. – Это было в прошлый вторник. Знаю, потому что была там. – Напарник присвистнул. – Хотя это не значит, что один из них убил сенатора. Просто, может, Джордан не хочет, чтобы мы что-то узнали, или в еженедельнике перепуталось. Мы все еще не можем связать их с «Уотергейтом».

– Пока запомним эту деталь и продолжим работать над делом?

– Именно. Отношения между сенатором и Натали кончились несколько лет назад. Где мотив?

– И то верно, – согласился Фредди. – У меня впечатление, что Джордан сходит по жене с ума, все еще удивляется, как ему удалось заполучить ее, и рад, что О'Коннор умер. Джордан сенатора не убивал, но, похоже, рассматривает как одолжение, что кто-то это сделал.

– Думаешь, сенатор представлял для него угрозу?

– В точку, – сказал Фредди. – Джордан в курсе, что не он любовь всей жизни Натали.

– Отлично. Просто отлично. С ума сойти, как он похож на О'Коннора, да?

– Я бы сказал точная копия.

– Согласна. Хотелось, чтобы ты раскопал эти «другие отношения», на которые он ссылаясь. Посмотри, нет ли среди других мужчин, с которыми она встречалась, тех, что ушли безвременно, и заодно поищи, нет ли нераскрытых случаев, включающих оскпление. Возможно, сенатор не первый.

– Местные или по стране?

– Начни с местных, посмотри, что всплывет. Мне разрешили сверхурочные, нам обоим, так что добудь мне все, что сможешь найти на трех женщин, с которыми мы сегодня встречались. Не упusti ни одну даже самую незначительную деталь. Если у дам есть татуировки, я должна знать, какие и где.

– Тату на заду, – написал он, Сэм при этом хмыкнула. – Понял. Ты, в самом деле, уверена, что это женщина?

– Всеми фибрами души я чувую, что здесь любовный роман, который закончился неудачно.

– Или кто-то хочет, чтобы мы так думали.

– Не исключено, – согласилась Сэм.

– В свете того, что мы узнали сегодня, не исключено также, что могут быть и любовные отношения с мужчиной, которые пошли не по тому руслу.

– И то верно, – подтвердила она. – Ничего предсказуемого, как бы нам хотелось, верно?

– Именно.

– У тебя было несколько подружек.

- Ну и что? – настороженно спросил Фредди.
- Не обмениваешься впечатлениями по прошлым отношениям? Лицо напарника залилось краской.
- Зависит от того, насколько серьезно с новой девушкой. И спрашивает ли она.
- А не странно, что Натали Джордан никогда не рассказывала мужу про извращения, что они вытворяли с сенатором?
- Не знаю, Сэм. Тут можно ступить на опасную почву. Какой парень захочет знать, что его женщина проделывала такое со своим *бывшим*?
- Хм-м. Просто мне странно, что она даже не упоминала об этом. То есть, они ведь *женаты*. А ты видел его физиономию. Он понятия не имел, о чем я говорю.
- Ты делилась такой фигней с Питером?
- Плохой пример. Мы не были типичной супружеской парой.
- Прости, что копаюсь в прошлом, но наверно ты лучше ответишь на свои вопросы, чем я, учитывая, что я никогда не был женат.
- Да, полагаю. Но у меня был не такой брак, когда муж и жена делятся всем друг с другом.
- Так что на очереди? – спросил Фредди, которому хотелось сменить тему.
- Мне нужно вернуться в управление, написать отчет, куда мы продвинулись, и обсудить с начальством это дело с Джонсоном.
- Что будешь делать, если они приставят к тебе охрану?
- Если приставят, то на пару дней, не больше. И один из этих дней я буду в Чикаго, в другой уйдем на выходной, потому что нам нужна перезарядка, а потом понедельник и похороны сенатора. Со всей местной полицией и секретными службами, которые там будут, я не могу представить, чтобы меня не пустили на похороны. На меня могут давить со стороны, но я не упущу дело.
- Даже если тебе прикажут?
- Особенно если прикажут.
- Отлично.

Сев за свой стол, Сэм отпила содовой, открыла сообщение, которое прислал Гонзо, и увидела фотографию настоящего Томаса О'Коннора, тридцатишестилетнего мужчины, темноволосого, с темными глазами. Взяла на заметку спросить у Ника, не упоминал ли Джон, что у него есть кузен того же возраста. В любом случае мужчина на снимке не был мальчиком с фотографии, и теперь подтвердилось, что Грэхем и Лейн О'Конноры солгали Сэм. Но зачем? Почему они отрицали, что у них есть внук? Сэм не могла понять, но хотела докопаться до правды.

В желудке образовался болезненный спазм, когда она читала и перечитывала e-мэйл от секретарши шефа с напоминанием, что ей положено явиться к четверем. Взглянув на часы, Сэм увидела, что у нее осталось лишь несколько минут, чтобы поспеть вовремя. Она встала, но у приступа боли имелись свои планы. Схватившись за спинку стула, Сэм наклонила голову и несколько раз глубоко вздохнула, стараясь перетерпеть. По спине скатилась капля пота.

Никуда не годится. Несмотря на все попытки Сэм изо всех сил игнорировать боль, за последние несколько месяцев стало хуже. Рано или поздно придется что-то делать с этим «нервным желудком», возможно, даже отказаться от диетической содовой, как ей уже советовали. Но не сейчас. Еще не время. Когда острый приступ прошел, Сэм попробовала идти на трясущихся ногах и отправилась в кабинет шефа.

Нетвердой походкой она добралась до пункта назначения, но остановилась ненадолго перед дверью. Когда Фарнсуорт вызывает на ковер, то вызывает всерьез. Полукругом перед столом шефа сидели заместитель шефа Конклин, детектив капитан Малоун,

лейтенант Стал и помощник федерального прокурора Миллер. Сэм взглянула на туфли Миллер, увидела шпильки и убедилась, что это была Чарити, одна из тройни-близнецов, работавшей на федерального прокурора. Ни Фейт, ни Хоуп не носили туфли на высоких каблуках.

– Ну, – протянула Сэм, в ответ снова с уродливой мстительностью отозвался желудок. Решив сохранять спокойствие, Сэм, часто дыша, села на оставшийся стул. – Вы не предупредили, что у нас вечеринка, шеф. Я бы принесла закуски.

– Сержант, – сказал Фарнсуорт, его привлекательное лицо напряженно застыло, что отозвалось усилившейся болью в Сэм. – Прежде чем мы приступим к делу Джонсона, коротко обрисуйте, как продвигается расследование убийства О’Коннора.

Сложив руки на коленях, Сэм быстренько ввела их в курс дела, опустив детали насчет особых сексуальных appetитов сенатора: она решила по всей возможности не включать эти сведения в официальные записи, чтобы уберечь его родителей и семью.

– Прошло уже семьдесят два часа, а у нас нет подозреваемого? – возмутился Стал.

Сэм очень старалась не показать ему, что считает его ослом.

– У нас есть несколько персон, которыми мы интересуемся и активно изучаем. Вдобавок я думаю, что у сенатора есть сын, которого скрывали от широкой публики. Поэтому требую позволения завтра уехать в Чикаго для расследования этой ниточки.

– При чем тут это? – вновь возмутился Стал.

Чувствуя отвращение при виде трясущегося валика на животе и огромного двойного подбородка, когда Стал говорил, Сэм ответила:

– Если это правда, то отношения сенатора с матерью его сына очень даже могут иметь отношение к делу.

– Разрешаю командировку, – сказал Малоун, как высший по званию по отношению к молча дымившемуся Сталу.

– Спасибо, капитан, – поблагодарил Сэм.

– Вокруг рыщут федералы, – предупредил Фарнсуорт. – Я умудряюсь держать их подальше, но с каждым днем это все труднее.

– Понимаю. Мы продвигаемся так быстро, как можем.

– В вашем распоряжении все ресурсы, сержант, – напомнил шеф. – Используйте все, что вам нужно.

– Да, сэр. Спасибо.

– Теперь о другом. Мы задержали миссис Джонсон на семьдесят два часа.

– Вы ведь не собираетесь предъявить ей обвинение? – спросила Сэм.

– Помощник прокурора Миллер рассматривает предъявление обвинений.

– Если позволите, сэр, – сказала Сэм. – Хотя Дестини Джонсон никто по ошибке не назовет матерью года, я не сомневаюсь, что ее горе подлинное.

– Это не дает ей право угрожать жизни офицера полиции, – возразил Фарнсуорт.

– У нее веские причины злиться на сержанта Холланд и на департамент, – встрял Стал.

– Лейтенант, я нахожу вашу позицию неблагоприятной, – строго заметил Фарнсуорт – Можете вернуться к работе.

– Но...

Капитан Малоун указал большим пальцем на дверь.

Яростно взглянув на Сэм, Стал с натугой вытянул себя из кресла и поковылял к выходу. Когда за ним закрылась дверь, начальник обернулся к Сэм.

– Мы должны отнестись к ее угрозам серьезно, сержант. Вы крайне уязвимы на оперативной работе, поэтому до вторника, когда вы будете давать показания в суде, мы возьмем вас под наблюдение. Ограниченное дежурство, разрешение работать дома, никакой работы на выезде.

– Пока я собираюсь завтра в Чикаго, потом взять выходной в воскресенье, потом похороны сенатора, там не будет проблем.

– Насчет похорон... – кашлянул заместитель Конклин.

– Убеждена, что местные и федеральные службы безопасности, которые придут, чтобы охранять президента, уж с защитой какого-то мелкого сержанта справятся, – с уверенной улыбкой заметила Сэм.

– Придется оповестить секретные службы об угрозах и вашем запланированном присутствии на панихиде, – сказал Конклин. – Я об этом позабочусь.

– Буду признателен, – одобрил Фарнсуорт. Потом наклонился к Сэм: – Я хочу, чтобы вы отнеслись ко всему очень серьезно. У Джонсон много дружков, и все они – справедливо или нет – обвиняют вас в том, что случилось. Им плевать, что не вы выстрелили. Им достаточно, что вы отдали приказ.

– Да, сэр.

Поскольку она тоже обвиняла себя, то могла понять, с чего они так решили.

– Помощник прокурора Миллер, сержант в достаточной мере готова появиться на суде во вторник?

– Да, шеф. Мы несколько раз прошлись, и она ни разу не сбилась с первоначальной версии.

– Тогда возвращайтесь к работе, – позволил Фарнсуорт. – Спасибо, что уделили нам внимание.

– Никаких проблем. – Послав Сэм ободряющую улыбку, Чарити встала и вышла из комнаты.

– Если это все, то у меня еще появились ниточки, которые нужно связать, прежде чем закончится моя поездка, – сказала Сэм.

– Еще кое-что, – сказал, потянувшись за папкой на столе, Фарнсуорт.

Сэм изо всех сил игнорировала приступ боли, скрутивший живот.

– Сэр?

– На этой неделе я обедал с вашим отцом.

– Да, сэр, он говорил. Я знаю, отец благодарен, что вы его навещаете. – И добавила, обращаясь к другим: – Все вы.

– И знаю, что вы изо всех сил стараетесь не уронить честь семьи в нашем департаменте.

– Я не хочу и не жду, что со мной будут особо обращаться из-за того положения, которое было у отца до того, как его подстрелили.

Чуть улыбнувшись, Фарнсуорт ответил:

– Тем не менее, он любопытно попытался, получил ли я результаты экзамена на звание лейтенанта.

Этих слов было достаточно, чтобы уничтожить все попытки удержать боль в узде. Она пронзила Сэм, заставив задохнуться. Когда Сэм снова смогла заговорить, то произнесла:

– Я знаю, что отца и вас, как начальника, беспокоит, что я не смогла пройти экзамен в две предыдущие попытки.

– Я хотел бы знать, почему нигде в вашем персональном деле не упомянуто, что у вас дислексия. – Остолбенев, Сэм открыла рот, потом закрыла, когда просто не нашлась, что сказать. – Я провел кое-какие изыскания и обнаружил, что стандартные тесты – самые большие враги дислексии.

– Да, но...

– Дайте закончить, сержант. Должен отметить, эта информация для меня – облегчение. – Он показал на зама и капитана. – Для всех нас. Нам не давала покоя мысль, как лучший детектив не может сдать экзамен на звание, которое ей следовало уже давно иметь.

– Я... э...

– На этот раз вы прошли, – продолжил Фарнсуорт. – С грехом пополам, но прошли.

Сэм уставилась на шефа, думая, что ослышалась.

Он перебрал бумаги, пока не нашел ту, что искал.

– За единственным исключением в лице лейтенанта Стала, вы получили отличные рекомендации от старших офицеров, высокие оценки по вашим допросам и анализу. Также учтено, что вы получили степень по уголовному праву в Университете Джорджа Вашингтона. В итоге вы идеальный кандидат на повышение. – Он взглянул на нее. – Как шеф полиции, я рад сообщить вам, что вы будете включены в следующий список на звание лейтенанта.

– Но сэр, – заикаясь, возразила Сэм, – люди будут болтать. Поднимется вой, что это протекция.

– Вы прошли отбор. Единственная вещь – баллы по тесту, а никто, кроме сидящих в этой комнате, не знает, что они низкие.

– Зато я знаю, – тихо промолвила Сэм.

– Сержант, вы верите, что заработали звание лейтенанта?

– Если бы не верила, не стала бы экзамен сдавать, но...

– Тогда не следует больше возражать против повышения, которое вы заработали и заслужили. У вас будет под началом группа детективов в управлении.

Сэм поражено уставилась на него:

– Но это команда лейтенанта Стала.

– Его переводят во внутренние расследования.

В крысиную бригаду, подумала Сэм: желудок отдался мукой под сжатым кулаком, который она прижала к животу.

– Из-за этого назначения я приобрету сильного врага.

– Лейтенант Стал сейчас ходит по тонкому льду, – вмешался капитан Малоун. – Не думаю, что он причинит вам хлопот, а если и так, то будет иметь дело с нами. Позвольте поздравить вас, сержант, с честно заработанным и заслуженным званием. Жду, что мы с вами сработаемся на вашей новой должности.

– Спасибо, сэр, – поблагодарила Сэм, все еще потрясенная, пока пожимала руку капитану и Конклину.

– Присоединяюсь, – сказал заместитель, следуя за Малоуном. – Вы заработали.

– Спасибо, сэр.

Оставшись наедине с начальником, Сэм повернулась к нему.

– Ты оскорбишь меня, если спросишь, не потому ли это, что я твой шеф и дядя Джо, – пошутил Фарнсуорт. В голосе слышалось дружеское предупреждение.

– Я просто собиралась поблагодарить вас, – сказала Сэм с улыбкой, которая быстро увяла. – Будет ли дислексия подшита к моему делу?

– Она останется твоим личным секретом, при условии, если не станет влиять на твои способности делать эту работу.

– Не будет.

Фарнсуорт откинулся на спинку и внимательно посмотрел на Сэм.

– Должен спросить, как ты умудрилась получить две степени, сражаясь с дислексией.

– Повезло с профессорами, которые учили меня, но мне приходилось в два раза больше тратить времени, чем другим. Всегда застревала на стандартных тестах. Просто не могла сделать их в отведенное время.

– Могу лишь представить, как много тебе приходилось трудиться, чтобы компенсировать дислексию. Услышав о ней, только больше стал уважать тебя и твою работу. – Шеф встал, обошел большой стол и подал ей руку. – Поздравляю.

У Сэм перехватило горло, когда ее рука утонула в его больших ладонях.

– Спасибо, сэр. Постараюсь изо всех сил оправдать доверие.

– Не сомневаюсь. Дай знать, что нароешь в Чикаго.

– Хорошо, сэр. Спасибо вам еще раз. За все.

Закрыв за собой дверь, Сэм с трудом кивнула секретарше и бросилась в ближайший туалет. От облегчения, огромного облегчения, ее аж пошатывало. На десять минут она позволила себе разваливаться, потом собралась, вытерла лицо и высморкалась.

Глядя на отражение в зеркале, прошептала: «Лейтенант». Словно примеряя звание. На этот раз ее желудок обошелся без комментариев. Сэм приняла это за добрый знак, плеснула на лицо холодной воды и решила ради разнообразия уйти с работы вовремя. Отчет можно написать и послать из дома. К тому же ей нужно было сообщить новость единственному человеку в мире, который не меньше ее хотел, чтобы она стала лейтенантом Холланд.

Глава 19

Не успела Сэм окликнуть отца, как услышала скрип его катившегося кресла.

– Что это? Пришла вовремя домой?

Она подошла к отцу, положила руки ему на плечи и вздрогнула, ощутив острые кости там, где когда-то были сильные мускулы. Потрясенная этим открытием, наклонилась и поцеловала Скипа в лоб.

– Мне следовало бы рассердиться на тебя.

– За что?

– Не прикидывайся.

– В твоём личном деле нужно было бы упомянуть. С первого же дня. Я всегда это говорил.

– Незачем. Я не хотела, чтобы меня жалели или, наоборот, третировали. Ты знаешь, как я отношусь к дислексии.

– Ты так далеко шагнула только за счет своей непомерной гордости.

– И мой папочка собирается доставать меня все время?

– Я просто поведал твоему шефу то, чего он не знал. Что он с этим сделал или не сделал, решение только его.

– Нет, пап, это мне решать. Я не хочу, чтобы ты вмешивался в мою жизнь. Сколько раз я тебе повторяла.

– Я и так в достаточной мере наказан. Ну, ты собираешься поделиться со мной, как он поступил?

– Пострадай немного. Что на обед?

Скип последовал за дочерью в кухню.

– Как тебе не стыдно, Сэм.

– Ты снова вредничаешь с отцом? – спросила Селия.

– Уж поверь, он заслужил. О, боже, это *жаркое*?

– Конечно. Есть хочешь?

– Умираю с голоду. Только сейчас поняла. – Сэм сунула нос в кастрюлю и простонала: – Картофельное пюре? Боже, от одного запаха у меня уже растёт задница.

– Сейчас же прекрати, – предупредила Селия, накладывая еду. – Да за такую чудесную фигурку, как у тебя, я бы убила. Как прошёл день?

– В обычном хаосе.

– Ничего особенного? – спросил Скип. – Ничего не изменилось?

Сэм притворилась, что задумалась над чем-то важным.

– По правде сказать, нет. Мы с Фредди работали над делом, тянули за ниточки. Есть пара неплохих наметок, надо покопаться.

– Что решили с Джонсон? – поинтересовался Скип.

Прислушиваясь к каждому слову, Селия опытной рукой кормила его, а заодно и ела сама.

– Мне приказано «сидеть тихо» до дачи показаний во вторник.

– На что ты сказала?..

Сэм пожала плечами.

– Да пусть, мне-то что. Завтра мне нужно поехать в Чикаго, в воскресенье выходной, в понедельник похороны. Все должно быть в порядке.

– Должно быть, это еще не все. – Он сглотнул, прочистил горло и вперил жесткий взгляд голубых глаз в дочь. – Что-нибудь еще было на встрече с Фарнсуортом?

Решив, что уже достаточно его помучила, она сдалась:

– О, ты имеешь в виду насчет повышения? – Отец заворчал. – Поняла. – Сэм съела еще пюре и постаралась не думать о калориях. – Скоро вы сможете звать меня лейтенантом, шеф.

– Ох, – прошептал Скип. – Ну вот..

– О, это же прекрасно, Сэм! – Селия подскочила и обняла ее. – Просто здорово, правда, Скип?

Он не сводил глаз с дочери.

– Конечно. Иди-ка обними своего старика.

Ощувив боль, что ему приходится просить, и смущенная горячностью Селии, Сэм встала и, мужественно держась, обошла вокруг кресла. Склонив губы к уху отца, прошептала:

– Спасибо.

– За что?

Сэм выпрямилась и улыбнулась ему.

– Люблю тебя.

– Когда ты меня не мучаешь, я тебя тоже люблю.

Два часа спустя Сэм трудилась на ноутбуке над отчетом, описывая все сделанное за день. В дверь постучала Селия:

– Прости, что отвлекаю от работы, но я тут подумала, что тебе придется по вкусу теплый яблочный пирог. Он так быстро остывает.

– Скажи, что он без жира и калорий и не сможет найти мою задницу без дорожной карты, – простонала Сэм.

Посмеиваясь, Селия вручила ей тарелку.

– Клянусь, без всего перечисленного.

– Если не устроишься на работу медсестрой, подумай о карьере преступника. Лжешь и не краснеешь.

– Ты заставила своего отца сегодня тобой гордиться, Сэм. Вообще-то, он всегда гордился тобой, но так хотел для тебя повышения. Думаю, даже больше, чем ты сама.

– Не сомневаюсь. – Сэм подхватила пальцем верхушку взбитых сливок и отправила в рот. – Иногда я себя такой эгоисткой чувствую, когда он переживает.

Селия присела на край кровати.

– С чего? Ты же здесь с ним каждый день проводишь, несмотря на загруженность на работе.

– Может, как-то было бы лучше... для него... если бы выстрел стал роковым. Представить не могу, как он выдерживает вот такую жизнь, запертый в четырех комнатных, и изредка выбираясь куда-нибудь на вэне, что купил ему профсоюз. Но я не готова его потерять, Селия. Ни тогда, ни теперь. Каждый день благодарю Господа, что пуля не убила его. И как бы я ни ненавидела тот образ жизни, что ему приходится вести, я так благодарна, что папа все еще здесь.

– По-своему он принял эту жизнь и смирился.

– Хотелось бы мне, чтобы ты знала его, – вздохнула Сэм. – Прежде.

– Я знала, – с улыбкой призналась Селия, ее приятное лицо залилось румянцем, в глазах плескалось веселье.

– Ты никогда мне не говорила! Ни один из вас не сказал!

– Я познакомилась с ним в супермаркете за два года до его ранения. Помогла выбрать ему помидоры в продуктовой секции, он пригласил меня на кофе, что положило начало милой дружбе.

В Сэм тут же заговорил детектив, она сузила глаза.

– Только дружбе?

Засмеявшись, Селия сказала.

– Никогда не скажу.

– Вот поганцы! Как вам удалось морочить мне голову? И всем тоже?

– Ты не наблюдательна, – с самодовольным выражением ответила Селия. – Почему, как ты думаешь, я попросила, чтобы меня назначили к нему?

– Ты его любишь, – недоверчиво предположила Сэм.

– Очень. Вообще-то, мы говорили, что, возможно... поженимся.

Сэм разинула рот от удивления.

– Серьезно? Ты говорила, что он последнее время не в духе, его что-то беспокоит. Уж не поэтому ли?

– В том числе. Он ужасно расстроен, что случилось с тобой на деле Джонсона, и волнуется за твою безопасность, так же как за продвижение по службе, которое тебе причитается, по его мнению, давным-давно.

– Не хочу, чтобы он столько беспокоился за меня.

– Сэм, – улыбнулась Селия. – В тебе – его жизнь. Его сердце. Он очень любит твоих сестер и внуков, но ты...

– Я знаю. Всегда знала.

– И ты всегда старалась быть этого достойной.

Поразившись, Сэм уставилась на Селию.

– Ты ведь гораздо больше делаешь, чем просто работаешь сиделкой?

– Надеюсь, я не перешла границы.

– Конечно нет. Ты уже родная, Селия. Не знаю, что бы мы без тебя делали эти два года.

– Так ты не возражаешь, если я выйду за него замуж?

Сэм поставила тарелку и взяла Селию за руку.

– Если *ты* делаешь его счастливым и можешь внести немного радости в оставшееся ему время, я могу только поблагодарить тебя.

– Спасибо, – с засиявшими глазами сказала Селия. – Для него важно, для обоих нас, что ты одобришь.

– Полагаю, мне нужно подыскивать другое местечко, чтобы держать свой гардероб.

– Зачем?

– Вы, детишки, не захотите, чтобы я путалась под ногами.

– Отец хочет, чтобы ты осталась. Мы оба. Тебе незачем переезжать. Я займу одну из спален наверху. Мы все утрясем. Я и так здесь провожу большую часть времени. Не думаю, что многое поменяется.

– Для него это изменит все, Селия. У него будет причина продолжать бороться.

– Может, и так. Я тоже буду благословлять время, которое нам выпадает.

– Это он подзуживал тебя поговорить со мной?

– Он боялся, что ты расстроишься, поэтому я сама вызвалась.

– Можешь сказать ему, что я не просто согласна, я очень за него рада. За вас обоих.

– Это много значит, Сэм. Я так устала прятаться. Он самый замечательный мужчина из всех и самый лучший друг.

– В точку, – поддакнула та, улыбаясь Селии, которая встала и собралась уходить. – Спасибо за пирог.

– На здоровье. Не работай так много.

Оставшись одна, Сэм с трудом подавила порыв позвонить сестрам, чтобы поделиться сенсационной новостью, которая только что обрушилась ей на голову.

– Не мои новости – не мне говорить, – пробурчала она.

Уже когда Селия сообщала новость, Сэм поняла, что не стоило удивляться. Оглядываясь на прошлое, она вспомнила, что между отцом и преданной сиделкой всегда было что-то особенное. Их добродушное подшучивание, ласки мимоходом, которые Селия выказывала отцу, даже если он их не мог ощущать, подлинная привязанность.

Утешенная сообщением Селии, Сэм прикончила пирог и вернулась к отчету. Она дважды пробежалась по нему, прежде чем послать Фредди, который всегда проверял отчеты для нее, перед тем как она отправляла их начальству. Если он и удивлялся случайным ошибкам, странным фразам или корявым формулировкам, то никогда не говорил. Более того, всегда исправлял ошибки и возвращал без комментариев.

Может, пора ему рассказать, подумала Сэм. Дислексия накинута широкою сетью на каждый уголок ее жизни, и пока Сэм не поставили диагноз в шестом классе, она верила, что так глупа, как ее заставляли думать учителя, которые понятия не имели, что делать с ней и родителями, расстроенными ее менее чем звездными успехами в школе.

Объяснение причины уже кое-чему помогло, но каждодневная борьба, пришедшая наряду с диагнозом, временами просто выматывала.

Покончив с рапортом, Сэм наконец позволила себе погрезить о Нике. И тут словно открылись шлюзы: ее переполняли эмоции и желания, которым пришлось сопротивляться весь день. Она составила список вопросов, которые хотела пройти вместе с ним, поэтому у нее имелась веская причина вынуть визитку, врученную Ником. Это ведь будет деловой звонок? Нет ничего плохого в том, чтобы связаться с ним по строго официальному поводу. Если она при этом умирает, но хочет рассказать о своем повышении и намечавшейся женитьбе отца, то, что с того?

Несколько минут она туда-сюда вертела карточку между пальцами, пока в животе не начало ужасно болеть. Думая о деле и только о деле, Сэм набрала сотовый Ника.

Он ответил заспанным голосом.

– О, Боже, я тебя разбудила?

– Нет, нет. – Широкий зевочек разоблачил его. – Я надеялся, что ты позвонишь.

Решив придержиться строго дела, Сэм заявила:

– У меня несколько вопросов. По делу.

– Аа.

Она поморщилась, услышав прозвучавшее в единственном возгласе разочарование.

– Голос у тебя... ну не знаю... звучит как-то паршиво, что ли.

– День был паршивый, не считая самого начала с тобой.

Не говоря много, он умудрился сказать все. И Сэм знала: по телефону признаться, что ей нужно, не получится.

– Ты дома?

– Угу.

– Не возражаешь, если я заскочу? Только на минуту?

– А ты *дома*?

– В данный момент.

– Ты просто собираешься «заскочить» через весь Арлингтон? И только на минуту?

– Мне нужно с тобой поговорить, Ник. Мне нужно... черт, я даже толком не знаю, что мне нужно.

– Приезжай, я буду ждать. И... милая? Ты никогда, слышишь, *никогда* не должна спрашивать. Поняла?

Она растеклась в слезливую сбитую с толку лужицу, смеси из потребности и желания.

– Да, – умудрилась выдать Сэм. – Я буду. Скоро.

Сердце кувыркалось в груди. Сэм достала пистолет, значок и наручники. Причесалась, оделась за несколько минут и направилась к лестнице сообщить отцу, что собирается немного прогуляться. Селия сказала ей, что тот уже спит.

– Он сегодня вечером особенно устал. – Она помогла Сэм надеть пальто. – Будь осторожна, ладно?

– Всегда осторожна. – Поддавшись порыву, по дороге к входной двери Сэм наклонилась и поцеловала Селию в щеку. – Увидимся.

Ник включил для нее внешний свет. Казалось, простая вещь, но вызвала такое сильное чувство, словно вернулась домой, что Сэм еще несколько минут сидела, напоминая себе, зачем она здесь. А зачем – нет.

– Дело не в тебе, – шептала она. – Не сейчас. А дело в том, чтобы свершилось вездесудно для Джона О’Коннора. И ничего больше.

Однако когда Ник открыл дверь, выглядя таким... ну... потерянным – лучшее слово, которое она смогла подобрать, все стало неважным, кроме него.

– Ник.

Закрыв за собой дверь, она сбросила пальто на пол и потянулась к нему.

Так они стояли, обнявшись, прогоняя уютom холод, который Сэм принесла с собой.

Подняв руки к его лицу, она взглянула на Ника.

– Что с тобой?

Пожав плечами, он ответил.

– Все. – Прислонил лоб к ее лбу. – То я планировал каждую минуту дня, а теперь не знаю, что, черт возьми, делать с самим собой. И это дает слишком много времени для размышлений.

Даже после того, что узнала сегодня о Джоне О’Конноре, Сэм все еще могла чувствовать боль Ника от потери друга и босса. После его хладнокровного, отточенного поведения видеть его растрепанным в старой футболке с эмблемой Гарварда и поношенных спортивных брюках было странно. В какой-то момент этого долгого дня шок, очевидно, ушел, уступив место неприкрытому горю.

– Я рад, что ты пришла. – Он прижал ее к закрытой двери. – Я о тебе беспокоился. Это дерьмо в газете...

– Мы справляемся.

– Мне не по душе мысль, что тебе угрожают.

Он легко погладил ее щеку, отчего сердце у Сэм дрогнуло. Потом наклонился, обдав ее ароматом пряности и мыла.

– Ник, подожди...

Его рот твердо и настойчиво прижался к ее губам, лишив легкие воздуха и расплавив позвоночник. Если бы Ник не держал Сэм своим телом, она бы соскользнула на пол. Каким-то образом в ходе его маневров ее ноги оказались у него на бедрах, руками он обхватил ее груди, а языки сплелись – и все за каких-то полминуты.

Забыв все клятвы, что давала в машине, в тот момент, как увидела его искаженное горем лицо, Сэм запустила пальцы во влажные шелковистые волосы Ника и прижалась к его члену, натянувшему брюки. Потом двигались куда-то, падали. Она ойкнула и вцепилась в него, когда он опустил их на диван.

Срывая одежду, отчаянно пытаясь добраться до обнаженной кожи, до тесного объятия, до облегчения, они продирались сквозь слои ткани, пока ничего не осталось между ними, кроме неистового желания.

– Ты все такая же, как я помню. – Ник обвел языком ее соски, его руки, казалось, успевали сразу повсюду. – Высокая, гибкая и сильная... нежная во всех нужных местах. – Он с благоговением взирал на ее грудь, которая самой Сэм всегда казалось великоватой, но, похоже, ему нравилось то, что он видел.

Жажда пронзила ее, оставив после себя отчаяние, заставив задыхаться.

– Ник... – Она притянула его, вытянувшись рядом, желая больше каждого вдоха. –

Сейчас...

– Презерватив, – произнес он сквозь стиснутые зубы. – Погоди секунду.

Сэм удержала его.

– Я на таблетках. И мы проходим медкомиссию...

– Мы тоже.

Он скользнул рукой ей под плечи, второй подхватил под ягодицы, чтобы Сэм удобно было встретить его.

Сгорая от желания, она развела ноги, чтобы вобрать Ника.

Он пристально смотрел ей в глаза, когда вошел одним резким движением.

Она закричала: оргазм настиг ее, пронзил с бешеной силой. Такого у нее на памяти еще не было.

Ник застыл.

– О, боже, я сделал больно?

– Нет, *нет*. Не останавливайся. *Пожалуйста*.

На что уж тут жаловаться. Только бы смотреть на него, чувствовать его. В голове никаких мыслей, кроме только о Нике. Он начал двигаться, сначала медленно, потом все быстрее, как из последних сил, которые, казалось, опустошали его, тщательно сохранял самообладание. Сэм помнила их последний – и единственный – раз, как он кончил с ней, как потерялся, что, она подозревала, не часто позволял себе.

Крепко держа ее в объятиях, Ник входил и входил в нее, плоть встречала плоть, и этот звук – единственное, что слышала Сэм поверх грохота собственного сердцебиения.

Каждое движение она встречала с равным желанием и, когда он втянул сосок, закричала, достигнутая еще одним оргазмом, от которого Ник рассыпался вместе с ней.

Господи, – прошептал он, когда пришел в себя. – Боже правый. Я даже не предложил тебе что-нибудь выпить.

Сэм засмеялась и крепче сжала объятия, медленно перебирая его волосы, все еще влажные после душа.

– И какой из тебя после этого гостеприимный хозяин?

– Полагаю, дерьмовый, – сказал он, ловко переворачиваясь вместе с ней.

Растянувшись на нем во всю длину, все еще соединенная с ним, Сэм вдыхала теплый мужской запах и наслаждалась уютом сильных рук, крепко ее державших. Почти раздраженно пришлось признать, что у нее даже близко такого не бывало, разве что не считая той ночи, проведенной с ним много лет назад. Какой дурочкой надо было быть, предполагая, что разделенное с ним наслаждение возникнет с кем-нибудь еще. Сейчас она была достаточно опытной, взрослой, пресытившейся, чтобы понять это.

Впрочем, хотя женщина в ней продолжала содрогаться от последствий потрясений и ощущала еще большую дрожь желания, с испугом и отвращением проснулся в душе коп.

– Это была плохая идея, – пробормотала она в грудь Нику.

Он намотал ее локон на палец.

– Это как посмотреть. По-моему, это лучшая идея за все мои последние шесть лет.

Сэм изучающе посмотрела на него:

– Должно быть, в тебе говорит политик.

В замешательстве хмуря брови, он спросил:

– В смысле?

– Как ты всегда умеешь правильно подобрать слова.

Он взял ее лицо в ладони.

– Я не морочу тебе голову, Сэм.

От его милой искренности зануло сердце – от чего-то такого, чего Сэм не хотела признавать.

– Знаю.

Чувства, так переполнявшие ее, были внове, и она сделала то, что первым пришло в голову. Попыталась ускользнуть.

Ник сжал ее, как хрустальную вазу.

– Еще нет. – И так нежно коснулся губ своими, что у Сэм чуть не остановилось сердце. Подступили слезы, которые она отчаянно старалась сморгнуть. – Что такое? – Она затрясла головой. – Сэм.

Несмело встретившись с ним взглядом, она призналась:

– Мне понравилось. Знаю, не должно, из-за всего, что есть... но мне понравилось.

– Секс на диване?

– Угу. – Ей пришлось отвести взгляд. Все было уж чересчур. – Ты. Я. Мы.

– И мне тоже. – Ник нежно поцеловал ее. – Так это значит, что мы теперь вместе?

Страх пронзил ее. Она просто не готова понять всю значимость и принять последствия того, что произошло.

– Почему нужно вешать ярлыки? Почему не принять все как есть?

Еще одна вспышка боли, которую Сэм заметила на его лице, обеспокоила ее больше, чем следует.

– А что это было точно, Сэм? Я хочу от тебя больше, чем просто сексуальное партнерство.

– Прямо сейчас это все, что я могу тебе дать.

Он вздохнул.

– Полагаю, придется взять то, что дают. – Потом провел губами по ее шее, от чего Сэм задрожала. – Мы можем переместиться туда, где поудобнее. В другой комнате есть большая мягкая кровать.

Желудок вдруг пронзила боль, вернув к реальности и напомнив, почему Сэм понадобилось увидеть Ника.

– Нам нужно кое-что обсудить. Это касается расследования.

– Мы поговорим. Могу я сначала просто понаслаждаться еще несколько минут?

Поскольку, похоже, ему это было очень нужно, Сэм разрешила.

– Ладно.

Глава 20

Отвечая обещаниям, кровать оказалась большой и мягкой. Каким образом Ник умудрился затащить туда Сэм, та решила подумать позже, когда в мозгах прояснится. Как же было бы легко, так легко свернуться калачиком рядом с ним и заснуть мертвецким сном. Но сосущее в желудке ощущение послужило настойчивым напоминанием, что ей нужно с Ником поговорить.

– Что не так? – спросил он, когда умелой рукой растирал Сэм напряженную шею.

– Ничего, а что?

– То ты расслабилась, а сейчас опять вся как струна.

– Нам нужно поговорить.

– Да, я тебя слушаю.

– Не могу я работать копом в голом виде.

Засмеявшись он спросил:

– Так прописано в инструкциях?

– Если нет, то стоит прописать.

Приподнявшись и сев, Ник потянулся к кипе одежды, которую сложил в полуметре от кровати, нашел футболку, что была на нем, когда Сэм пришла, и помог ей одеться.

– Лучше?

Закутанная в футболку, источавшую его сексуальный мужской запах, она прильнула к груди Ника.

– Угу, кроме того, что ты еще голый.

– Я не коп. – Он взял ее руку и поднес к губам. – Рассказывай, Сэм.

На долю секунды ее пронзила тупая боль.

– Что с тобой? – встревожено спросил Ник. – Ты прямо мгновенно побледнела.

– Ничего. – Она попыталась глубоко вздохнуть и потерпела неудачу. – Просто нелады с желудком.

– Какие нелады?

– Беспокоит время от времени. Так, ничего.

– Ты его проверяла?

– Пару раз, - выдавила из себя Сэм.

– Милая, Боже, да у тебя серьезно болит! Чем я могу помочь?

– Дай вздохнуть, – сказала она, пока боль вцеплялась в нее когтями, отчего Сэм тошнило, и она покрывалась потом. – Прости.

– Не извиняйся. – Он прижал ее к себе, так и держал, нашептывая нежные утешающие слова, приносившие облегчение.

Она закрыла глаза, сосредоточилась на его голосе и поплыла по течению. Боль отступила, но после приступа – что самое худшее – Сэм чувствовала себя выжатой как лимон и растерянной.

– Прости.

– Я же сказал, не извиняйся. Тебе нужно с этим что-то делать. Возможно, у тебя язва или еще что. Я могу отвести тебя к моему другу. Он потрясающий врач.

– Кажется, болит, когда я понервничаю, что со мной частенько стало случаться.

– Ты нервничаешь от того, что тебе придется мне сказать?

Она наклонила голову и посмотрела в его карие глаза, которые пристально ее изучали.

– Выходит да.

Ник сел, подsunул под спину подушки и уютно прислонил Сэм к груди.

– Так давай с этим покончим.

– Копы не прижимаются.

– Сделай исключение.

– Думаю, я и так уже сделала несколько исключений, – сухо напомнила Сэм.

– Сделай еще одно.

Прежде чем вернется боль и напомнит, как против нее Сэм бессильна, она сделала еще одну решительную попытку.

– Мне нужно кое о чем тебя спросить. Наверное, ты расстроишься, а я это терпеть не могу, но придется.

– Ладно.

– Была ли вероятность, что Джон гей? Или, возможно, бисексуал?

Она почувствовала, как Ник напрягся, а потом так же быстро расслабился. И засмеялся. Искренне рассмеялся.

– Нет. Не просто нет, а ни единого *чертова шанса*.

– Откуда ты так уверен? Некоторые прячут это от друзей и семьи...

– Я бы знал. Уж поверь, я бы знал.

– Ты же не знал, что у него был сын.

И еще раз он мгновенно напрягся.

– И ты тоже не знаешь.

– Я почти уверена. Помнишь фотографию?

– И что?

– Его родители солгали. Его кузен Томас, сын Роберта О’Коннора, помнишь? Ему тридцать шесть, темные волосы, темные глаза. – Она села прямо, чтобы видеть лицо Ника.
– Конечно, ты должен был слышать, как Джон говорил о кузене своего возраста, верно?

Ник подумал.

– Не скажу, чтобы когда-то слышал. Может, они не были близки. Кажется, Грэхем с братом не очень общались.

– В любом случае, паренек на снимке – не кузен Джона. Мать сенатора солгала мне сегодня, а отец не опроверг. Ежемесячные выплаты – в течение двадцати лет – еженедельные звонки, его родителей я поймала на огромной лжи, поразительное сходство с сенатором... Не нужно быть детективом, чтобы все вместе сложить, Ник.

– Но почему... погоди. – Ник вдруг посерьезнел. – Один уикенд в месяц.

– Прости? – недоуменно спросила она.

– Он требовал один уикенд в месяц безоговорочно. Обычно третий по счету. Никогда не говорил, что делал с этим временем. Вообще-то, это было странно, сейчас до меня дошло.

– И ты только сейчас об этом упомянул? Какого черта, Ник?

– Прости. Просто это такая для нас была обыденная вещь, что я и не вспоминал об этом до сих пор.

– Готова поспорить, что если покопаюсь, то найду регулярные полеты в Чикаго.

Казалось, одним долгим выдохом воздух вышел из Ника.

– Почему он мне не сказал? Зачем он такое прятал от меня? От всех?

– Не знаю, но собираюсь завтра выяснить.

– Как?

– Одиннадцатичасовым рейсом.

– Она знает, что ты приедешь?

Сэм покачала головой.

– Элемент неожиданности. Не хочу дать ей время спрятать фотографии или отослать парня из города.

– Ты думаешь, это может иметь отношение к убийству?

– С уверенностью не могу сказать, пока не поговорю с матерью, но ведь по какой-то причине они скрывали тайну двадцать лет. Хочу знать почему.

– Несомненно, замешана политика.

– Что ты имеешь в виду?

– Сын-тинейджер с ребенком был бы политической помехой сенатору. Мне ли не знать. Как отпрыск родителей-тинейджеров, я могу удостовериться, какая это помеха в семье, которая с политикой даже не имела дела.

В душе Сэм отозвалась боль, прозвучавшая в его голосе.

– Грэхем О’Коннор захотел бы запрягать этот факт подальше в шкаф, – заключил Ник.

– Своего внука?

– Не думаю, что это имело бы значение. Имя О’Конноров не всегда было синонимом власти, как сейчас. В середине карьеры у него было несколько спорных кампаний. Если бы подгадали момент, это бы уничтожило отца Джона. Он действовал бы соответствующе.

– Ценой собственной семьи?

– Власть творит странные вещи с людьми, Сэм. Она может стать наркотиком. Однажды попробуешь – и трудно отказаться. Я всегда считал Грэхема добрым и любящим, хотя и требовательным отцом, но он человек, как и любой обычный мужчина с соседней улицы. И подвержен соблазну власти.

Ник замолк, словно еще что-то взвешивал.

– О чем ты думаешь?

– Да вот размышляю, как, учитывая, что ты определила у Джона наличие сына, ты одновременно думаешь, что он мог быть геем.

– Просто намек по ходу расследования. Ничего конкретного. Я же говорила, что мой инстинкт подсказывает: это была обиженная женщина, но потом Фредди разбил версию, указав на то, что с таким же успехом могли быть и любовные шашни с парнем, которые пошли не так.

Ник помотал головой.

– Не могу представить. Ничего такого, ничего за двадцать лет тесной дружбы, что позволило бы сомневаться в его ориентации, Сэм. Он волочился за каждой юбкой.

– Это и я поняла. Но он не первый парень, использующий женщин как прикрытие для настоящей жизни.

– Наверное.

– Ты расстроен. Прости.

Ник пожал плечами.

– Просто... вот думаешь, что знаешь кого-то, по-настоящему знаешь, и тут обнаруживаешь, что он имеет кучу секретов. У него был сын. *Ребенок*. И двадцать лет Джон не упоминал об этом близкому другу? Мягко говоря, разочаровывает.

И еще звучит как предательство, посочувствовала Сэм. Семья, которую он считал своей, – своей единственной – утаила такой важный факт от него.

Будто прочтя мысли Сэм, Ник спросил:

– Неужели они считали, что я кому-нибудь проболтаюсь?

– Не стоит принимать на свой счет. Ничего хорошего из этого не выйдет.

– А как мне принимать?

Обняв его рукой, она прижалась губами к теплой груди и ощутила сильное ровное сердцебиение.

– Прости, что сделала тебе больно. Мне самой плохо от этого.

Ник обхватил Сэм руками.

– Хорошо что я узнал это от тебя, так мне немного легче.

Приподняв ее подбородок, он запечатал ей рот поцелуем.

– Мне пора, – сказала Сэм, когда они выплыли на поверхность.

– Останься. Ночуй у меня. Ты мне нужна, Саманта. – Он покрывал нежными горячими поцелуями ее лицо и шею. – Ты нужна мне.

– Ты ведешь нечестную игру.

– Я не играю.

Что-то поднялось в душе. Не прежняя боль, а что-то теплое, нежное. Такая беспомощность Ника была в новинку, и от нее стало как-то хорошо. По-настоящему хорошо. Сэм позволила себе провести ладонью по широкой груди, погладить живот. Ниже. Найдя его твердым и готовым, она проследила губами путь, проложенный руками. Вздохи наслаждения Ника, его полная капитуляция подсказали, что ей удалось изгнать из его мыслей боль и горечь, от чего все плохое растаяло как дым, уступив место настоящим чувствам.

Следующий день они начали тем же, чем закончили день минувший.

Пока тело гудело от последних содроганий, Сэм прижалась губами к плечу Ника.

– Это выходит из-под контроля.

– Нам приходится наверстывать целых шесть потерянных лет.

Она задрожала, когда его губы прошлись по ее шее.

– Мне скоро нужно идти, – напомнила Сэм. – Нужно принять душ, переодеться и ехать в аэропорт.

– Я везу команду в Ричмонд прощаться с Джоном, – с глубоким вздохом сказал Ник.

– А лучше бы поехал с тобой.

– Мне бы хотелось, чтобы у тебя была возможность. – Она погладила его по щеке и полюбиовалась щетиной, которую нашла очень сексуальной. И повторила ласку губами. – Я забыла тебе сообщить новости.

– Какие?

– Меня повысили до лейтенанта.

Его лицо просияло от удовольствия.

– Потрясающе, Сэм! Поздравляю.

– Официально еще неделю не объявят. – Секунду она думала, сказать ли ему, как это случилось, но решила опустить подробности. – И папочка женится на сиделке.

– Ух ты. Тебе она нравится?

– Да. Очень.

– А где твоя мать?

– Она живет во Флориде с парнем, с которым замутила, когда я еще училась в старших классах. Они сбежали на следующий день после моего выпускного. Это чуть не убило папу. Он и понятия не имел.

– Ого. Паршивая ситуация. Мне жаль.

– Да, полагаю, я должна быть благодарна, что мать была рядом, пока я училась в школе, однако не похоже, что она торчала здесь ради меня или еще чего-то.

– Я видел свою мать три раза, когда учился в старших классах.

Сэм отругала себя за невнимательность.

– Прости. Я не собиралась жаловаться.

Он пожал плечами.

– Что было, то было.

– По крайней мере, у тебя была бабушка.

– Да, настоящий подарок, – с горьким смешком заметил Ник.

Заинтригованная, Сэм сместилась, чтобы увидеть его лицо.

– Она к тебе плохо относилась?

– Она делала, что могла, однако всегда давала понять, что я ей обуза, не даю попутешествовать и отдохнуть на пенсии. – Он помолчал, глядя на свои пальцы. – Когда мне было десять, я услышал, как она разговаривала с отцом, своим сыном. Сказала, что достаточно сделала, и теперь пора ему взять на себя ответственность, что он уже взрослый, и почему бы ему самому не позаботиться о своем ребенке. Он пообещал, и я так обрадовался, решив, что ну вот наконец-то уеду с ним.

Ее желудок отозвался, переживая за десятилетнего мальчика.

– И что?

– Я его увидел снова только через год.

– Ник... мне так жаль.

– Он посылал деньги, довольно, чтобы заплатить за хоккей, который я любил. Всю энергию я вкладывал в спорт и в учебу. Закончил с академической стипендией в Гарвард и там тоже играл в хоккей. Это была отдушина.

Слушая Ника, Сэм хотелось дать ему все, чего он был лишен в детстве, она желала это иметь, чтобы было что отдать.

– В любом случае, – сказал он, ероша волосы, – когда-нибудь, надеюсь, у меня будет собственная семья, и все это уже не будет иметь значения.

Ну вот, подумала Сэм, сигнал к уходу. Она села и потянулась за одеждой в изножье кровати.

– Только семь. У тебя еще есть время. – Его рука соскользнула с ее плеча на бедро. – Могу приготовить тебя завтрак.

– Спасибо, но мне нужно успеть заскочить домой принять душ, переодеться, отметить в управлении, – отозвалась Сэм, просунув руки в блузку и надевая ее через голову.

Воздуха и пространства, подумала она, и речь не о музее. *Вот что мне требуется. Немного воздуха и пространства, и какой-то перспективы. Отдаленности.*

Покачивая на указательном пальце бюстгальтером, Ник сложил полные губы в сексуальную усмешку.

– Ничего не забыла?

Сэм вырвала у него вещицу и сунула в карман брюк.

Засмеявшись, Ник откинулся на гору подушек.

Она ощущала на себе его жаркий взгляд, ныряя в ванную комнату. Появившись через несколько минут, обнаружила, что он встал с постели и надел домашние брюки, в которых был накануне вечером. Брюки висели низко на бедрах, а грудь... Скорее, просилась на обложку любовного романа, чем прятаться под накрахмаленными рубашками и шелковыми галстуками. Какая трагедия. Воистину потеря образца красивой, нет, *великолепной*, мужской груди.

– Ты таращишься.

– А ты знойный. Seriously. Просто знойный.

– Ну, хм, спасибо, наверное.

Увидев, что сбила его с толку, Сэм развеселилась, пока не вспомнила, что наметила соблюдать дистанцию. Вдруг наступила утренняя неловкость, заткнув ей рот и лишив уверенности, пока Сэм натягивала джемпер.

– Удачи тебе с командой. Сегодня. В Ричмонде.

– Спасибо. – Он взял ее за руку и поднес ту к губам. – Ты расскажешь, что будет в Чикаго?

– Если смогу. Самое большее, что могу обещать.

– Это все, что я прошу. – Отпустив руку, он погладил Сэм по щеке. – Когда я тебя увижу?

Не успела она осознать, как слова сами вылетели, словно рот работал на автопилоте.

– Завтра есть одно дело. Семейный обед у папы. Если хочешь, приходи. – И чуть не заикаясь, добавила: – Я пойму, если ты не захочешь, нас так много...

Ник прервал поток слов, прижав к ее губам палец.

– Когда?

– Обед в три. – Щеки запылали от смущения. – Но если захочешь прийти пораньше, мы можем погулять. Зайти на рынок. Если хочешь.

– Хочу. – Он обнял ее за пояс и прижал к себе. – Действительно хочу.

К тому времени Сэм следовало быть готовой к тому, как ослабели ноги, когда Ник ее целовал по-особенному собственнически, однако ни его язык, ни тяжесть ладоней на ее ягодицах, когда он тесно прижимал ее к твердому свидетельству желания... ничего, черт возьми, не могло ее к этому приготовить.

– Итак, значит ли это, что мы вместе? – спросил Ник. – Я имею в виду, ты просишь меня заняться хозяйством.

Дразнящая усмешка Ника не возместила серьезный взгляд его глаз.

Положив руки ему на грудь, Сэм умудрилась отстраниться. У двери спальни замешкалась и повернулась к Нику.

– Я перешагнула все границы, какие только можно, Ник.

– Знаю, – с болью во взгляде сказал он.

– Если работа потребует, я, не колеблясь, шагну обратно.

– Иного я и не жду.

Удовлетворившись, что он понял, Сэм кивнула, улыбнулась ему и ушла.

Он проводил ее до последней ступеньки лестницы.

– Сэм?

Она задержалась у открытой двери.

– Да?

Обхватив ее лицо ладонями, он наказал:

– Мягкой посадки. – Сэм поморщилась. – Что?
– Ненавижу летать. Ненавижу страстно. Я пытаюсь не думать об этом.
Он уперся в ее лоб своим лбом.
– Просто закрой глаза и попытайся не думать об этом.
– Ага, точно, – закатывая глаза, согласилась она. – Ладно, мне нужно идти.
– Хорошо, отпускаю тебя. – Только не двинулся с места. Тянул время. – Будь осторожна. Эти угрозы от Джонсон... Береги себя. – Ник поцеловал ее. – Пожалуйста.
– Я всегда осторожна.
– Знаешь что?
– Что?
Губы еще раз прижались в поцелуе, от которого помешалось в голове.
– Ты сама чертовски знойная.
Сэм дала себе последнюю минуту, чтобы погрузиться в поцелуй.
С явным большим неохотой Ник, наконец, ее отпустил.

Глава 21

Ник стоял и смотрел, как она идет к машине. Черт возьми, от изящной фигуры, длинных ног и стремительной походки этой женщины у него не пересыхало во рту. И член не приходил в полную боевую готовность. Ник признавал, что они ходят по тонкому льду, по пути, ведущему Сэм к грандиозному моральному конфликту, да Ник только благодарил судьбу, давшую им второй шанс. Несмотря на нежелание Сэм признавать, что у них настоящие отношения, он не собирался в этот раз облажаться.

Ей давно пора было уехать, а она присела у бордюра. Ник подумал, не говорит ли она по телефону? Повернув голову, чтобы можно было лучше рассмотреть ее лицо, заметил, что оно напряглось от расстройств. Он распахнул дверь, услышал безошибочный щелчок разряженного автомобильного аккумулятора и махнул Сэм, чтобы шла обратно.

В гневе та хлопнула дверцей и, развернувшись, пошла по тротуару обратно к дому Ника. Она уже была на полдороге, когда машина взорвалась.

Взрыв оказался такой силы, что разнес внешнюю створку двери и отбросил Ника на пол. Он ударился головой о плитку, но превозмог туман в голове, чтобы не потерять сознание и прийти на помощь Сэм.

Босой, без рубашки, в панике – он пробиравался по стеклу, зовя Сэм. Тихий район превратился в бедлам. Ник слышал крики людей и вдыхал едкий дым от горящей машины.

– Сэм! Сэм!

Из пореза на лбу текла кровь. Ник смахнул ее и стал спускаться с крыльца, не обращая внимания на больно впивающиеся в ступни осколки.

– *Саманта!*

Сходя с ума, он осматривал маленький дворик, улицу, соседние дворы.

Тут его внимание привлек раздавшийся из кустов позади него стон.

– Сэм! – Ник бросился к кучке зелени, олицетворявшей его сад, и хватило самообладания понять, что миниатюрные вечнозеленые растения, посаженные собственноручно прошлым летом, похоже, спасли ей жизнь. – Сэм, Сэм, посмотри на меня! – Под отдаленное завывание сирен Ник бережно повернул ее голову. Кроме царапины на лбу и ошеломленного блеска в глазах, он не заметил никаких явных повреждений.

– Кровь, – прошептала Сэм. – У тебя кровь.

– Я в порядке. – Он выбирал веточки из ее волос, смахивал грязь со щек. – Тебе больно? Где? – И с облегчением переводя дух, баюкал Сэм. – Милая. Боже.

Сидя в кустах с ней на руках, он то и дело смахивал льющуюся из пореза на лбу кровь. Но крепко держал Сэм и шептал нежные слова, пока она не смогла унять дрожь.

– Нужно позвонить. В управление. Докладить.

– Наверняка уже кто-то набрал 911. Просто лежи спокойно, пока мы тебя не сдадим медикам.

– У меня звенит в ушах.

– У меня тоже. Больше ничего не болит?

– Грудь болит. – Ее трясло. – Боже, Ник. О Господи.

Схватившись за живот, она завертелась в его руках.

Он крепче обнял.

– Ш-ш-ш, милая. – Кажется, кровь у него стала, наконец, течь медленнее. – Дыши.

Глубже дыши.

К ним подошел арлингтонский полицейский.

– Как вы, народ, в порядке?

– Я при исполнении. – Сэм показала ему значок, вытащив из порванного кармана. – Детектив-сержант Холланд. Городская полиция.

– Вы ранены, сержант?

– Вроде нет, но взорвалась моя машина. Мне нужно связаться с начальством.

– Я позвоню. – И коп вручил Нику одеяло: тот забыл, что одет только в домашние брюки, теперь порванные. – И пришлю парамедиков.

– Спасибо, офицер...

– Северсон.

– Спасибо, – повторно поблагодарила Сэм. Когда они остались одни, она посмотрела на Ника: – Прости.

– За что, черт возьми?

– За то, что это случилось у твоего дома. – Она всхлипнула и вытерла нос. – Никогда не думала, что и взаправду попытаются убить меня. Не представляла, что им хватит духу.

– Не смей передо мной извиняться, Саманта. Пострадала здесь ты.

– У тебя окна разбиты. У соседей тоже.

– Черт с ними. Это просто стекло. Можно заменить. А вот тебя... – Голос сорвался от волнения. Прильнув губами к ее макушке, он глубоко и судорожно вздохнул. – Ты незаменима. Мне надо было раньше понять. А у меня шесть лет на это ушло.

– Ник, – сбивчиво сказала она. – Мне полагается собраться и начать работать, но это все...

Сэм остановила взгляд на пожарных, тушивших то, что осталось от машины.

– С тобой больше ничего не случится. Я не позволю.

Все еще трясясь, она улыбнулась, повернулась к нему и смахнула засыхающую кровь с его брови.

– Ну и как ты собираешься это сделать?

– Глаз с тебя не спущу.

– Ник...

– Сержант Холланд? – обратился офицер Северсон. – Вас ждут парамедики.

– Мы еще не закончили, – сказала она Нику, махая медикам. – Поговорим об этом позже.

– Обязательно поговорим.

На удивление, травмы Ника оказались серьезней, чем у Сэм. Ему потребовалось наложить пять швов над левой бровью и швы на правой ноге после того, как врач вытащил несколько осколков стекла. Вдобавок Ник получил легкую контузию и слабую гипотермию за час, проведенный в полуодетом виде на холоде.

Сэм отделалась лишь шишкой на голове и ужасным синяком на груди, которой встретилась с кустами. Когда до Сэм стало доходить, чем все могло бы кончиться, то ее затрясло по-настоящему. И тогда она решила, что лучше пока об этом не думать. Она стояла рядом с Ником, глядя, как пластический хирург накладывает швы ему на лоб, и каждый раз, когда иголка протыкала плоть, колени у Сэм подгибались. Ничего не пугало ее так сильно, как иголки, - даже самолеты.

Телевидение освещало публичное прощание с Джоном в Ричмонде со специальным репортажем о посещении гроба семьей О'Конноров за день до этого. Ник приклеился к репортажу, а Сэм не отрывала взгляда от иголки.

- У тебя останется шрам, - прошептала она.

- Ни в коем случае, - возразил врач. - Будет как новенький.

- Черт, - усмехнулся Ник. - А я-то надеялся на клевый шрамище.

- Не смешно, - оборвала его Сэм.

- Эй. - Он сжал ей ладонь. - Почему бы тебе не подождать снаружи? Ты бледна как привидение.

- Уж лучше я здесь подожду в компании с иголками, чем встречу с тем, что ждет меня снаружи.

- С чем это?

- Я слышала, прибыли лейтенант и капитан, да и вездесущая пресса. Во всех новостях раструбят, что я провела с тобой ночь.

- Мы справимся, милая.

- Справляться буду я. Ты не говори ничего, понял?

- Я не позволю, чтобы тебя ставили к стенке за то, во что мы вляпались вместе.

- Ты *штатский*. И не сможешь мне, если будешь пытаться выиграть за меня сражения, Ник. Пообещай, что будешь сдерживать желание вмешаться.

- Или что?

- Пошлю Фредди, чтобы бросил тебя за решетку, пока не уляжется пыль.

- Ты не посмеешь.

- Уверен? - Она наклонилась к его разбитому лицу, но не слишком близко к игле. - А ты испытай меня.

- Я бы на вашем месте послушал леди, если не хотите еще заработать швы, - улыбнулся врач.

- Эта *леди* прискорбно заблуждается, если считает, что может командовать мной, как одним из своих арестантов, - заявил Ник, не отводя взгляда от Сэм.

- *Ой-ой-ой*, - протянула та. - Послушайте, как он плюет на приказы *полицейского*. - Сунув руку сзади за пояс, она достала наручники, защелкнула на Нике и, не успев он и глазом моргнуть, приковала к поручню кровати.

- *Что за черт?* - Он потянул за наручники, закладывая по металлическому стержню. - *Проклятье, Сэм!*

- Эй, не дергайтесь, если не хотите, чтобы иголка воткнулась вам в мозги, - предупредил врач.

- Я вернусь за ним, как только переговорю со своими боссами, - обратилась к доктору Сэм. - Пока не давайте ему шуметь.

- Да, мэм, - пообещал врач, похоже, проникнувшийся благоговением к ее нахальству.

- Ты за это заплатишь, Саманта, - прорычал Ник.

Сэм поцеловала его в неповрежденную часть лба.

- Скоро буду. - И уже через плечо добавила: - Веди себя хорошо.

Уже на выходе бешеное клецанье наручников заставило ее улыбнуться.

«Будет знать, как спорить со мной».

Улыбка поблекла, когда она различила гневный рык лейтенанта Стала в приемной и, осознав, что все еще без бюстгальтера, запахнула порванное пальто и скрестила на груди руки.

Стал указал ей на пустой угол. Маллоун последовал за ними.

– Сержант, – начал Стал. – Хотелось бы получить объяснение, что вы делали в доме важного свидетеля ночью.

– Да, сэр, лейтенант, я в порядке. Спасибо, что поинтересовались.

– Как насчет того, чтобы добавить выговор за несоблюдение субординации в растущий список ваших проблем? – набросился в свою очередь Стал.

– Лейтенант, – вмешался Маллоун с явным предупреждением в голосе. А Сэм спросил: – У вас сильные травмы?

– Нет, сэр. Шишка на голове, синяки на груди.

– А у вашего компаньона?

Сэм перечислила травмы Ника.

– Кто-нибудь еще пострадал?

– *Нет.* Улица пустовала. К счастью, был уикенд. – Да уж, к счастью, думала Сэм, чувствуя, как ее пробирает дрожь, когда до нее дошло, как им с Ником повезло. – Саперы что-нибудь обнаружили в машине?

– Они сейчас работают. Наши люди бодаются с Арлингтоном. Шеф висел на телефоне, уговаривая их шефа дать нам свободу действия на их территории, когда я уходил.

– Простите, что причинила все эти хлопоты, сэр.

– Только не начинайте, иначе я рассержусь.

– Что вы делали с Каппуано? – спросил Стал.

На этот раз Малоун не стал ее выручать. Более того, он внимательно уставился на нее широко распахнув глаза, что по ее опыту означало, что он не пропускает ни слова.

– Мы друзья, – сбивчиво ответила она. – Встречались на вечеринке шесть лет назад. До убийства сенатора мы с ним не общались. Каппуано помогает прояснять любые запутанные ситуации и оказывает активную поддержку в расследовании, насколько можно ждать от штатского. Сэр.

– Я отстраняю вас от дела О’Коннора, незамедлительно, – раздуваясь от собственной важности, заявил Стал.

– Но...

– Не спешите, лейтенант, – возразил Малоун.

– Это мое требование, капитан, – запыхтел Стал. – Она *мой* детектив.

– А я *ваш* капитан.

Малоун проигнорировал Стала, повернувшись к тому спиной.

Мерзкий взгляд, который Стал направил на Сэм, женщину более робкого десятка вогнал бы в слезы. К счастью, Сэм была не из таких. Она все свое внимание сосредоточила на куда более разумном капитане.

– Сержант, я расстроен, что вы приняли неправильное решение, связавшись со свидетелем, – произнес Малоун.

– В точности... – брызгая слюной, попытался вмешаться Стал.

– Лейтенант, – одернул его капитан. – Возвращайтесь к бригаде. – Когда Стал не двинулся с места, Малоун добавил подчеркнуто: – *Сейчас же.*

Бросив напоследок ненавидящий взгляд на Сэм, Стал выкатился из «скорой помощи».

– Как я уже сказал, – продолжил Малоун, – вы приняли плохое решение, связавшись со свидетелем, но больше двенадцати лет вы находились в моем подчинении. И у меня никогда не было претензий к вашим поступкам. Я знаю вас, Холланд. Знаю, как вы думаете, как действуете, и у меня было много случаев за эти годы убедиться в ваших высоких моральных стандартах. Так что, видимо, вы связались со свидетелем в разгар расследования только по серьезным причинам.

Наверно, Сэм проглотила язык и могла только открывать рот как рыба.

– Сэр? – выдавила она.

– Вы влюбились в этого парня? Каппуано?
– Я... э... я...
– Сержант, это простой вопрос. Да или нет.
– Это же нелепо. Конечно, я его не люблю, – оправдываясь, сказала Сэм, однако слова прозвучали фальшиво даже для нее. И для капитана явно тоже.
Удовлетворено кивнув, он снова пристально и долго изучал ее.
– Оправдаю вас за недостаточностью улик. Смею предположить, что вы ничего не натворили, чтобы скомпрометировать расследование, и когда заявляли, что Каппуано оказывал вам бесценную помощь, вы были полностью со мной откровенны.
– Да, сэр.
– В таком случае сейчас вам не стоит комментировать прессе свои отношения с ним. Мы позволим средствам массовой информации самим подавать материал. Я об этом позабочусь. – Он сел и пригласил ее присесть рядом в кресло. – Что касается бомбы...
– Если вы снимите меня с дела, вам придется забрать мой значок.
– Сержант, ни к чему выставлять ультиматумы. У вас огромный стресс.
– Да, а к завтрашнему утру все в городе будут знать, с кем я сплю. И узнают, что имела в виду Дестини Джонсон, когда грозила расчитаться со мной за то, что случилось с ее сыном. Узнают, что сегодня я не ближе к подозреваемому в деле О’Коннора, чем в день убийства. Все это узнают люди, а потом услышат, что мой собственный начальник не доверяет мне, чтобы закончить это дело. И что тогда мне останется?
– Вы награжденный офицер. Скоро станете лейтенантом. Это просто неудача. Для всех нас.
– Поверх другой неудачи. Вы хотите, чтобы я возглавила группу детективов. Да у меня ни грамма авторитета не останется, если вы заберете у меня это дело.
– Под вопросом ваша безопасность. На вас напали уже раз. Могут напасть снова.
– В следующий раз я буду готова. Я прокололась сейчас, потому что не восприняла ее угрозы серьезно. Больше такого не повторится.
– Я поговорю с шефом. Он арестовал тупую корову. Сейчас Джонсон допрашивают Гонзо и Арнольд. Поскольку она со вчерашнего дня под замком, то прикидывается, что ничего не знает о бомбе.
Белый как мел и встревоженный в комнату ворвался Фредди.
– О, слава Богу, – воскликнул он, увидев беседующую с Малоуном Сэм. – Спасибо, Господи.
– Если начнешь лезть с объятиями, переведу тебя в патрульные, – пригрозила ему Сэм.
Фредди, кинувшийся было ее обнять, остановился на полдороге, согнулся в поясе и схватился за колени.
– Услышал по радио, – судорожно выдохнув, сказал он. – До гребаных чертиков испугался.
– Он сквернословит, – обратилась к Малоуну Сэм. – На него это находит в исключительных случаях. Я польщена, такой чести удостоилась.
Фредди поднял голову и стрельнул в напарницу взглядом.
– Ты чуть не взлетела на воздух. Прости, если мне не смешно.
– Да со мной все в порядке, Круз, – успокоила его Сэм, тронутая заботой. – Можешь расслабиться.
– Что предпринимается? – спросил он Малоуна, глаза горели от гнева и эмоций. – Что я могу сделать?
– Гонзо допрашивает Джонсон, - сообщила ему Сэм.
– Я тут думал по пути сюда, - все еще тяжело дыша, сказал Фредди. – Что если это не Джонсон?
– Что вы имеете в виду? – спросил капитан.
Фредди выпрямился.

– Дестини ведь вчера выдала это дерьмо в газете?

Сэм с капитаном кивнули.

– Так может, кто-то хочет облить грязью расследование? А какой самый быстрый способ? – Не успели они ответить, как он сказал за них: – Убрать с дороги сержанта Холланд и весь гнев департамента направить на Джонсон. Разыграно как по нотам. О’Коннор уходит на задний план. Сенатор он или нет, но нет важнее приоритета, чем мертвый коп.

– Интересная версия, детектив, – явно впечатленный одобрил Малоун.

Сэм преисполнилась гордости. Парень неплохо соображает. Очень, очень неплохо.

– Вы так думаете? – полный юношеского энтузиазма, обрадовался Фредди.

– Звучит солидно, Круз, – подтвердила Сэм. – Хорошая мысль. – Она подумала секунду и решила: – Я хочу, чтобы ты поехал в Чикаго и поговорил с Патрицией Дональдсон. Мне нужно знать, нет ли у нее сына от Джона О’Коннора. Мне требуется вся история. Скажи, что пусть или признается, или мы получим ордер на ДНК. Не возвращайся, пока не вытащишь все подробности отношений с сенатором. Он ездил туда каждый третий уикенд в месяце. Я должна знать, что за шуры-муры он с ней крутил. И как. Понял?

– Без тебя? – Он снова побледнел.

– Бомба повредила твои маленькие колесики, детектив. – Сэм поморщилась от боли в груди, вставая. – Смотайся в Чикаго. – Она схватила его за лацканы неизменного плаща, притянула к себе его лицо. – Если хоть волосок упадет с твоей башки, я тебя прикончу. Понял?

– Мэм. – Он сглотнул с трудом. – Да, мэм.

Сэм вытащила из сумки билет.

– Лети одиннадцатичасовым рейсом и возвращайся побыстрее. К вечеру доложишь.

– Следите за своей спиной, – добавил Малоун. – Если они не спускают глаз с сержанта Холланд, то следят и за вами.

– Да, сэр.

Ослепительно улыбаясь, Фредди еще секунду промедлил.

– Что ты, черт возьми, стоишь столбом и улыбаешься как болван? – спросила Сэм.

– Уже иду. Я вас не подведу. Позвоню, как только нарою что-нибудь.

– *Вперед!*

Когда за Фредди закрылась дверь, Сэм посмотрела на капитана.

– Боже, неужели я была когда-то такой же зеленой?

– Никогда, – не колеблясь, ответил тот. – Ты пришла с чувством достоинства капитана. Почему, как думаете, все эти годы я оглядывался через плечо?

Смущенная комплиментом, Сэм уставилась на шефа:

– Простите, если подвела вас.

– Наверно, ваш друг уже думает, куда вы подевались. Почему бы вам не вернуться и не проверить, как он там? Я подброшу вас обоих, как только он освободится.

Сэм схватила его за руку:

– Не дайте снять меня с дела О’Коннора, капитан. Не дайте.

– Сделаю все, что смогу.

Глава 22

Сэм прошла по длинному коридору, задержалась прямо перед комнатой, где был Ник: там прислонилась к стене и собралась с духом. Она не переставала думать о том, что сказал Малоун. Неужели она влюбилась в Ника? И поэтому позволила их отношениям так далеко зайти, хотя знала, что нельзя этого делать, что вляпывается тем самым в дерьмовые

неприятности? Может, она его всегда любила? С самого первого раза, когда они встретились?

С тихим стоном она запрокинула пульсирующую от боли голову. Сэм не любила Питера, но поняла это слишком поздно. Когда Ник не позвонил после той ночи – или Сэм так думала – она впала в тяжкое уныние. Питер пришел на помощь, предоставил плечо, чтобы выплакаться на нем, и дружеское участие. Как же оказалось легко, чересчур легко, как потом стало ясно, воспользоваться всем этим.

А сейчас в довершение всего, что она уже знала о бывшем, оказалось, что он перехватил звонки Ника, пока притворялся утешителем, чем доказал, что еще большая задница, чем считала Сэм. Он украл у нее больше четырех лет жизни. Понизил ее самооценку, привел к тому, что она стала сомневаться в себе, украл ее самоуважение и подорвал доверие к самой себе.

Умная женщина остереглась бы, чтобы не совершить еще одну ошибку после того вранья, которым ее потчевал бывший муж. Опытная женщина не спешила бы в отношениях с Ником, дала бы себе время убедиться, что все идет так, как надо. Лязг металла о металл напомнил Сэм, что придется иметь дело с очень рассерженным мужчиной, и она решила, что, очевидно, не такая умная, как всегда считала.

Нацепив широкую улыбку, Сэм вошла в комнату: от напряжения опять свело живот.

– Отлично! Вы все закончили.

Чуть ли не дымясь от гнева, Ник потребовал:

– Сними эти штуковины, Сэм. Сейчас же.

– С удовольствием. – Она вытащила ключи из кармана и помахала ими у него перед носом. – Но прежде всего, проясним одну вещь. Мне нужно, чтобы ты держался подальше от моей работы. Соглашайся, и я тебя освобожу.

– Откуда ты знаешь, что я не собираюсь *уйти* от тебя, когда ты меня освободишь?

От этого вопроса, к удивлению Сэм, ее пронзил ужас.

– Ну, полагаю, ты так не поступишь, – заявила она с большей бравадой, чем чувствовала.

– Освободи меня. Сейчас же.

– Только если согласишься.

– Я ни на что не соглашусь, пока прикован к кровати. Если хочешь освободить меня и поговорить, как взрослые люди, что ж, хорошо.

Она долго изучала его взбешенное красивое лицо.

– Ты ужасно сексуальный, когда злишься.

И, наклонившись, поцеловала повязку над левым глазом.

Кажется, поцелуй усмирил Ника, но только как-то не совсем.

– Прости, что пришлось тебя приковать. – Когда на лице Ника промелькнуло скептическое выражение, Сэм добавила: – Прости. Но ты понятия не имеешь, как трудно женщине в нашей профессии или дочери павшего героя. Какой-то парень на белом коне, примчавшийся спасать меня, будто я не могу сама уладить свои дела, – последнее, что мне нужно. И так большую часть времени я только и жду, что у меня все полетит к чертям.

– Как сегодня?

– Это шутка? – недоверчиво спросила она. – Ты шутишь насчет бомбы?

– Прости, – раскаиваясь, извинился Ник, – трудно было удержаться. Отсюда отнюдь не следует, что я считаю это забавным. Даже наоборот. – Свободной рукой он поймал пальцы Сэм и поднес к губам. – Сними наручники. Обещаю тебя не убивать.

Понимая, что большего ей не добиться, и приободренная таким нежным жестом, Сэм отомкнула наручники.

Ник устроил целое театральное представление, целую минуту потирая запястья, прежде чем встать и взять джинсы с джемпером.

Все еще не определив, насколько разозлился ее парень, Сэм держалась подальше от кровати, пока он одевался. Поморщилась от вспышки боли, исказившей его лицо, когда

Ник надевал на поврежденную ногу старые кроссовки, которые принесли копы из разрушенного дома.

– Хм, капитан Малоун собирается подвезти нас... ну... полагаю, до моего дома, если не возражаешь.

– Не возражаю, – раздраженным тоном ответил Ник.

Проглотив застрявший в горле комок, Сэм добавила:

– Я буду признательна, если ты не станешь с ним обсуждать случившееся.

– Что? Что моя подруга или секс-партнерша, или кем ты там себя считаешь, чуть не взлетела на воздух у моего дома? Мне не следует об этом упоминать?

Сэм потеряла глаза, в которые от переутомления как песок насыпали. После почти бессонной ночи с Ником она рассчитывала поспать пару часов в самолете, если нервы позволят.

– Прошу, сделай это ради меня. Он куда спокойнее, чем я ожидала, отнесся к тому, что я связалась с тобой. Будет только лучше, если ты будешь держаться в стороне.

Ник обошел кровать и припер Сэм спиной к стене.

– Ты хочешь, чтобы я держался в стороне?

– Хм, да, будет лучше.

Только положив руки ему на грудь, Сэм удержала Ника, чтобы он не прижал ее к стенке как следует.

– Давай проясним одну вещь, Саманта. Я всю свою карьеру был парнем за спиной другого парня, и меня это устраивало. Но если ты хоть секунду подумаешь, то поймешь, что в личной жизни я поеду на переднем сидении и никогда не стану твоей комнатной собачкой на поводке.

Вообще-то, ей следовало оскорбиться на это замечание, но она до абсурда возбудилась. Сэм обняла Ника за шею и притянула, чтобы поцеловать и заставить забыть все, сведя с ума.

Ник обнял ее за талию и тесно прижал к себе.

– Я не хочу комнатную собачку, – наконец, обретя дыхание, сообщила она. – Я не об этом тебя прошу.

– А кем просишь быть?

– Нам что, нужно выяснять это прямо сейчас? И так уже паршиво, что весь город в курсе, что мы спим вместе.

– Дело сделано, они уже знают, – прокомментировал Ник с горьким смешком, который ударил по ее и так разболтанным нервам.

– Тебе легко говорить. Не твоя работа на кону.

– Да, не моя. Я потерял свою работу, когда мой босс дал себя убить, если помнишь.

– Я не хочу... не хочу с тобой пререкаться, когда есть дела поважнее.

– Видишь, что ты только что сказала? У нас есть дела поважнее. Просто озвучила мои мысли.

Она хорошенько изучила пол, прежде чем осмелилась посмотреть Нику в глаза.

– Я не привыкла говорить «мы».

Он засмеялся, похоже, гнев его улетучился.

– А ты думаешь, я привык? Для меня это тоже в новинку, милая.

– Я сожалею, что мы вынуждены выйти на публику прежде, чем оказались к этому готовы.

– Что-то мне подсказывает, что ничего у нас тобой не будет легко и просто. Мы можем с таким же успехом попытаться к этому привыкнуть. По крайней мере, ты теперь говоришь о нас «мы». Уже прогресс.

Сделав вид, что не слышит, Сэм спросила:

– Так ты будешь вести себя спокойно с капитаном?

– Я буду спокоен.

Глядя Нику пристально в глаза, Сэм поцеловала его.

– Когда ты злишься, то просто суперсексуальный.

– Вот как?

Ей нравилось, как он смущается, когда слышит от нее подобную чепуху.

– Угу.

Погладив его по щеке, Сэм пошла к двери.

– Саманта? – она обернулась. – Ты должна мне двадцать шесть минут в наручниках, и я собираюсь получить этот должок.

Черт его возьми! Когда все ее внимание нужно сосредоточить на капитане и на том, что ждет ее дома, Сэм могла думать только о наручниках и двадцати шести минутах, отданных на милость Ника. По всему телу побежали мурашки от предвкушения.

Она получила в награду чертовски плотоядную усмешку, подсказавшую, что Ник точно знает: он выбил Сэм из колеи.

– Ты такая суперсексуальная, когда злишься, – прошептал он, заработав еще один бешеный взгляд. И попытался взять ее за руки, но она отдернула их и сунула в карманы, где наткнулась на наручники и бюстгальтер. Голова раскалывалась, и Сэм стало казаться, что та сейчас взорвется. Когда они дошли до зала ожидания, желудок тошнотворно и резко опустился, от чего Сэм задохнулась от боли.

– Что такое? – взволновался Ник, взяв ее за руки и останавливая.

– Желудок.

– Почему бы не показаться врачу, раз уж мы здесь?

Она отобрала у него руку.

– Да проверялась я.

– Снова нужно проверить, – настаивал Ник, поглаживая ей руки.

– Уже лучше. – Сэм уклонилась от его объятий. – Никаких нежностей при капитане и ком-либо еще.

– Ты мне не приказываешь, если помнишь.

– Ник...

– Сэм.

Что-то прорывав от бессилия, она, широко шагая, решительно прошла впереди него в приемную.

Капитан Малоун отложил «Таймс», который пролистывал, и встал.

– Готовы?

– Да, сэр. Это Ник. Ник Каппуано. – Не глядя на Ника, Сэм показала на него и добавила: – Капитан Малоун.

Пока желудок Сэм в очередной раз бунтовал, мужчины, меряя друг друга взглядами, пожимали руки и вполголоса проговаривали: «Рад познакомиться».

– От лица департамента приношу извинения за травму и причиненный вашему дому ущерб, – сказал Малоун.

– Вы не виноваты, – заверил Ник. – Однако мне хотелось бы знать, какие принимаются меры, чтобы найти того, кто пытался убить Сэм.

Которая вытаращилась на него, открыв рот. Это так он намеревался остаться в стороне?

– Давайте увезем вас двоих отсюда и поговорим по дороге. – Капитан махнул рукой, и появились двое патрульных. – Снаружи нам дышит в задницу пресса, поэтому офицеры Батлер и О'Брайен выведут вас через главный вход наверху. Я возьму машину и встречу вас там.

– Спасибо, сэр, – поблагодарила Сэм. И набросилась на Ника, как только капитан очутился вне зоны слышимости: – Вот так ты стоишь в стороне и сохраняешь спокойствие?

– А что? Он знает, что мы спим вместе. Не буду ли я выглядеть гадом, если даже не спрошу? Ты хочешь, чтобы он подумал, что я гад? Не лучше ли для тебя, чтобы он был обо мне хорошего мнения? Пусть увидит, почему ты рисковала, связавшись со мной.

– *Aaaaaa!*

Сэм зашагала за полицейскими, притворившись, что не слышит, как Ник посмеивается позади нее.

К тому времени, как они остановились у отцовского дома на Капитолийском холме, Ник успел стать лучшим другом капитана. Они сошлись во мнениях по поводу безопасности Сэм, разделив также страсть к футбольной команде «Редскинс», политике и импортному пиву. Если бы Сэм не была уже на грани тошноты, то сейчас бы ее точно стошнило.

Сэм подозревала, что они используют болтовню, чтобы замаскировать скрытое напряжение, что не отпускало их, пока они думали о том, что могло бы случиться утром, и ошеломляющее множество свалившихся на них последствий, с которыми предстояло бороться. Лишь по этой причине она решила не убивать Ника за то, что не послушался ее.

Живот напомнил о себе, когда она увидела припаркованную на Девятой улице машину шефа. Без всякого сомнения, ее начальник с отцом вместе строили планы, как бы ее где-нибудь запереть, пока она не пройдет освидетельствование.

Когда они подъезжали к дому, Сэм взглянула на капитана Малоуна:

– Э, сэр, не дадите ли нам секунду?

– Конечно, буду ждать вас внутри.

Когда капитан вошел в дом, Ник повернулся к ней:

– Знаю, что ты собираешься сказать, но я просто старался поддержать разговор...

Она поднялась на цыпочки и наградила его поцелуем. Изумившись, Ник спросил:

– Это еще за что?

– Просто захотелось.

– Ты нарочно хочешь выбить у меня почву из-под ног?

– Не нарочно, но если работает...

– Я так понимаю, меня ждет еще одна головомойка и солидная.

Сэм улыбнулась.

– Я просто хочу тебе сказать, что у папы чувствует только правая рука, поэтому когда я вас познакомлю... – Она пожала плечами. – Если захочешь пожать ему руку, для него это что-то значит. И для меня тоже.

Ник обнял ее, притянул к себе и поцеловал в макушку.

– Спасибо, что сказала.

– Он будет рвать и метать по поводу бомбы, поэтому может и не заметить тебя. Не обижайся.

– Не буду.

– Надеюсь, ты не весь шарм израсходовал на капитана, – пошутила Сэм, потирая живот, – потому что папа из тех, кого нужно брать в расчет. Ты ведь понимаешь?

– Конечно. Все будет хорошо, милая. Не беспокойся, а то опять проснется желудок.

– Чтобы полюбоваться на сцену? – весело посмотрела на Ника Сэм.

– Ага. Давай-ка покончим со всем, пока ты не довела себя до ручки.

– Может, уже слишком поздно, – пробормотала, глубоко вздохнув напоследок, Сэм, повела Ника по пандусу к двери и вошла в комнату, набитую копами.

На нее тут же накинута Селия, намочив слезами всю щеку.

– *Боже мой, Сэм!* – Отступив назад и ошупав Сэм сверху до низу, словно проверяя, в целости ли та и сохранности, Селия спросила: – Ты цела?

– Да все нормально. – Сэм повернулась вокруг себя. – Видишь? Все на месте и ничего не отвалилось.

Селия подняла бровь:

– Ты мне соврала, сказав, что собираешься поработать.

Под суровым взглядом будущей мачехи Сэм скорчилась:

– Ну, да, я делаю это время от времени. То есть вру. Для тебя это будет проблемой?

Селия бросила выразительный взгляд через плечо Сэм на Ника и улыбнулась:

– Если он тому причиной, то, полагаю, я тебя прощу. На сей раз.

Сэм представила ей Ника и, когда уже нельзя было откладывать ни секундой дольше, встретила с другого конца комнаты суровый взгляд отца. Прошла к нему и наклонилась, целуя в щеку.

– Извини, что заставила тебя беспокоиться.

– Я беспокоился еще три часа назад, но мы об этом поговорим позже. Кого это ты с собой привела?

Зная, что отец уже полностью посвящен в то, кто такой Ник, она кивнула в его сторону:

– Папа, это Ник Каппуано.

Действуя согласно инструкции, Ник пожал Скипу правую руку:

– Рад познакомиться с вами, заместитель начальника полиции Холланд.

– Каков льстец. Вижу, кое-кто хорошо вас натаскал, как обращаться со стариком.

– Понятия не имею, о чем вы говорите, сэр.

В глазах Скипа плескалось веселье.

– Утренние подарочки? – спросил он, показывая на повязку над глазом Ника.

– Задело, но жить буду.

Сэм представила Каппуано шефу Фарнсуорту.

– Детектив Хиггинс, мэм, – представился Сэм другой коп. – Отдел саперов.

– Я видела вас на месте, – подтвердила та, хотя ей и не верилось, что он детектив. С песочными волосами, подстриженными ровно над гладким как у младенца лицом, он выглядел едва ли старше новичка, только что выпущенного из академии. – Что вы нашли?

– Два ВУ в вашей машине. – Специально для Ника и Селии добавил: – Взрывные устройства – одно на зажигании, второе запасное. Только одно сработало. Взорвись оба, мы бы с вами здесь не разговаривали.

Сэм с трудом сглотнула и не стала возражать, когда Ник положил руку ей на поясницу.

– Это еще не все, – продолжил Хиггинс. – Когда мы прошлись по машинам, которые были поблизости, то нашли еще два, прикрепленных к черному «БМВ». – Ник и Сэм раскрыли рты. – Зарегистрированного на вас, мистер Каппуано.

Словно все кости вдруг превратились в желе, Сэм осела на диван.

– Почему? – прошептала она. – Почему они выбрали его своей целью?

– Когда вы вошли, мы как раз это обсуждали, – сообщил шеф Фарнсуорт. – Если замешаны Джонсоны и их подельники, то лучшая версия, по-моему, «вы забрали мое, я заберу ваше». Чистейшая и простейшая месть. Джонсоны хотят твоей смерти или наказания. Как они узнали бы машину Каппуано?

– Я в ней ездила, – призналась Сэм. – Недавно. И у меня несколько раз возникало чувство, что кто-то за мной следит.

– Детектив Круз предположил связь, скорее, с делом О’Коннора, чем с Джонсоном, – вмешался Малоун. – Стоит приглядеться, особенно потому что заодно выбрали целью Каппуано.

Фарнсуорт повернулся к Нику:

– Вам известно что-нибудь, что могло связывать сенатора с террористами или терроризмом?

– Он бывал в Комитете национальной безопасности, работая в основном над законом об иммиграции, но его коротко проинструктировали об антитеррористических инициативах. Нас обоих.

– Хотелось бы разобрать по косточкам закон, который он проводил, – заметила Сэм. – Возможно, я что-то в этом проворонила. Я думала на брошенных любовниц, но они обычно не подбрасывают бомбы.

– Да, – согласился Малоун. – Они, скорее, стремятся отрезать члены.

– Вот поэтому я сосредоточила внимание на личной жизни. – Сэм встала и заходила по комнате. – Мы обнаружили череду недавних любовниц, некоторые жаловались на его, э, пристрастия. – Она послала сочувственный взгляд Нику, поскольку он слышал об этом впервые. – Но, возможно, Круз прав. Может, эта «Лорена Боббит» хочет сбить нас с толку.

– Ему *отрезали член*? – вскрикнул Хиггинс, покрываясь бледностью.

– Эту деталь мы ухитрились скрыть от прессы, – выразительно глядя на детектива, сказал Фарнсуорт.

– Да, сэр. – Хиггинс встал, чтобы откланяться. – Мне лучше вернуться в лабораторию.

Сэм закатила глаза:

– Возвращайтесь в свою нору, Хиггинс, и оставьте грязную работу тем, кто в поле.

– Это по вашей части. Я пошлю вам данные, когда они у меня появятся, но могу сказать, что действовали грубо, и вы счастливо отделались, сержант. Вам чертовски повезло.

– Да, – согласилась Сэм. – Я в курсе.

Она проводила его взглядом до выхода, повернулась и увидела, что все мужчины уставились на нее.

Явно почуяв приближение большой битвы, Селия ретировалась в кухню.

– Прежде чем все вы наброситесь, – сказала Сэм. – Хочу кое-что сказать. Пожалуйста, послушайте и не прерывайте.

Когда они молча согласились, она прижала кулак к болевшему желудку и секунду смотрела каждому в глаза – папе, своему герою и опоре, шефу Фарнсуорту, лучшему другу и уважаемому вожаку, капитану Малоуну, боссу и наставнику, и Нику, быстро ставшему самым важным для нее человеком. Все они заботились о ней. В этом она не сомневалась, как не сомневалась и в том, что они не остановятся ни перед чем, чтобы защитить ее.

– Уверена, что вы двое уже состряпали план, как бы засунуть меня в безопасное место на неделю, – обратилась Сэм к отцу и начальнику, – но этого не будет. – Не успели они выразить протест, как она подняла руку и остановила их: – Я буду работать над делом, пока его не закрою, и не собираюсь позволять какой-то шпане или террористам, или кто там подложил бомбу в наши с Ником машины, убрать меня с улицы. Пусть они не думают, что у них какая-то власть надо мной, я собаку съела на этой работе, и вы это знаете. – Помолчав, она снова посмотрела в глаза каждому. – Я знаю, вы беспокоитесь. Но если хоть немного заботитесь обо мне, то не станете просить меня стать трусихой. Не стану отрицать, эта бомба меня чертовски напугала. – Сэм посмотрела на Ника. – Когда я увидела твое окровавленное лицо, у меня чуть сердце не остановилось. Поэтому я хочу их достать. Даже если нет других причин, кроме того вреда, что они причинили тебе, уже это для меня недопустимо. – Жесткое выражение на лице Ника смягчилось, улыбка, засиявшая в его глазах, наполнила сердце Сэм чувствами, прежде ей неизвестными. Обращаясь к шефу, она заявила: – Дайте мне работать. Я буду действовать со всей предосторожностью. Буду изучать версии здесь и оставаться как можно ближе к дому, но прятаться я не буду. Смею утверждать, что любой из вас скорее не ушел бы с линии огня, чем сбежал бы от подонка, который думает, что может выкинуть нас, как вчерашний мусор.

Наступила минута полнейшей тишины, в течение которой Сэм заметила, что Фарнсуорт и Малоун смотрят на ее отца, и поняла, что они ждут от него подсказки.

– Я бы хотел видеть этот закон об иммиграции, – наконец промолвил Скип. Он посмотрел на Ника. – Я помешан на политике, у меня для этого куча времени. Я мог бы что-нибудь нарыть полезное.

– Я достану его для вас. – Ник глянул на часы и встал. – Моя команда должна уже возвратиться из Ричмонда, разрешите мне позвонить. Какой формат документа вы предпочитаете?

– Лучше факс. Мы можем получить его прямо на читающее устройство. Так я смогу просматривать сразу по две страницы за раз.

Скип продиктовал номер и последовал за Ником в кухню.

– Я поеду в лабораторию, чтобы поторопить их обработать данные по бумеру, – натягивая плащ, сообщил Малоун.

Сэм осталась наедине с шефом.

– Я знаю, что вы хотите сказать.

– Разве?

Она сникла под гневным взглядом и, торопливо выговаривая слова, произнесла:

– Простите, что солгала вам насчет Ника. Но я так боялась, что вы снимите меня с дела, а после дела Джонсона мне *необходима* эта работа. Вы же знаете. Я пыталась побороть то, что между нами происходило, но он всегда был рядом, попадался на каждом шагу, и я... Почему вы улыбаетесь?

– Знаешь, ты сейчас ведешь себя в точности, как в двенадцать лет. – Он сделал к ней шаг и перестал улыбаться. – Но если вы когда-нибудь, *хоть когда-нибудь*, сержант, солжете мне хоть раз, я собственноручно отберу ваш значок. Все ясно?

– Совершенно, – ответила она, с трудом сглотнув. – Сэр.

– Закончи дело и быстро. Не хочу еще одной дурной славы ни для тебя, ни для департамента.

– Да, сэр.

Он крикнул «до свидания» Скипу и Селии, прежде чем надел пальто.

– Шеф? Спасибо за то, что поняли, почему я так поступила.

– Я бы сделал то же самое на твоём месте. Вообще-то, твой отец предсказывал твою маленькую речь почти до последнего слова. Мы были готовы.

– О, черт, – запыхтела Сэм. – Я-то думала, что справляюсь с вами, а выходит, справились со мной?

– Тебе нужно вставать с утра пораньше, чтобы опередить пару таких старых задубелых ветеранов, как мы. По правде сказать, мы бы разочаровались, поступи ты по-другому. Ты вся в отца, Холланд.

– Спасибо, сэр. Для меня это самый лучший комплимент.

– Знаю. – Шеф посмотрел в сторону кухни. – Подумай о том, что будет с ним, если что-нибудь с тобой случится. Для него же будет конец всему. Подумай хорошенько.

– Да, сэр, – прошептала Сэм, глядя, как тот спускается по пандусу.

Глава 23

Ник разговаривал снаружи по телефону, а Сэм пошла в кухню, где Скип читал текст закона.

Она наклонилась и поцеловала отца в щеку.

– Спасибо за помощь. Противное чувство, что я совсем упустила из вида этот пункт.

– Не сказал бы, что ты упустила. Только потому, что потребовались еще кое-какие детали, не значит, что ты движешься не в том направлении.

– Что ж, верно.

– Кажется, хороший парнишка.

– Кто? Хиггинс?
– Нет, – усмехнулся Скип. – Ник.
– Ну да. – Сэм еще не была готова обсуждать с ним эту тему. – Эй, я слышала, ты умеешь скрывать секреты.

– Я же общаюсь только с тобой, какие тут могут быть секреты? – Сэм задрала бровь, опускаясь на стул. – А-а. Ты про Селию.

– Угу, – подтвердила Сэм, веселясь при виде слабого румянца, выступившего на щеках отца.

– Ну, вообще-то, я собирался тебе сказать.

– Не считая того, что слишком трусил и послал ее со мной поговорить.

– Что-то вроде того.

Сэм засмеялась.

– Я рада за вас.

– Вот как?

Его облегчение было почти комичным, как и смущение.

– Конечно. Она удивительная. Что бы мы без нее делали последние два года?

– Без шуток? Одно не могу понять, зачем она хочет этот хомут на шею?

И он красноречиво обвел взглядом свое недвижимое тело, инвалидное кресло.

– Селия любит тебя. Думаю, все просто.

– Она не ради дома или пенсии здесь, если ты сомневаешься.

– Мне и в голову не приходило.

– Наверняка приходило, потому что я обучал тебя быть циничной, как сам.

– Может, мелькало на секунду, но слушая, как Селия о тебе говорит... она не притворяется.

– И я так считаю, – с видимым недоверием сказал отец. – Вообще-то, она хочет подписать какую-нибудь бумагу, по которой ни на что не претендует в случае...

– Вот поэтому-то ей следует что-нибудь да получить.

– Считаешь? И я так думаю. Тебя с сестричками не обидит, если ей достанется часть?

Сэм встала, положила руки отцу на плечи и наклонилась, глядя ему в лицо:

– Я хочу только, чтобы ты был с нами как можно дольше, столько, сколько ты сам хочешь оставаться.

– Ты не забудешь? О нашей сделке?

Сэм подумала о пузырьке с таблетками, который прятала в ящике депозитного сейфа.

– Нет.

– Ты все еще готова? Когда придет время...

Борясь с болью в желудке и сердце, она постаралась, чтобы не дрогнул голос, когда произнесла:

– Если придет время.

Скип облегченно выдохнул.

– Хорошо. Ладно. Давай вернемся к делу. Я отчитаюсь, если вдруг что обнаружу, сержант, или следует говорить «лейтенант»?

– Рано еще. – Сэм поцеловала отца в лоб. – Спасибо за помощь.

– Мне в удовольствие.

И она видела, что так и есть. Скип казался более жизнерадостным, оживленным в этот момент впервые за долгое время. Ей стоило давным-давно посвящать отца в свои дела более основательно, и Сэм поклялась в будущем исправиться. Его ум остер как всегда, и если, давая пищу уму отца, она дает ему повод бороться, то надо этим воспользоваться и извлечь несомненную выгоду.

Ник закончил разговор с Кристиной, сунул одолженный у Сэм телефон в карман и, прислонившись к перилам на крыльце, стал обшаривать взглядом улицу в оба конца. Одни дома были выкрашены в разные яркие цвета, другие имели кирпичные или каменные фронтоны. Дорожки из красного кирпича спускались и обходили корни деревьев. Черные кованые ворота придавали налет высшего класса району Капитолийского холма.

Следит ли кто-то за ними прямо сейчас? Надеюсь еще раз выстрелить в Сэм? Или в него? От этой мысли мороз пробежал по коже, пока Ник мысленно перебирал наступившие в жизни неожиданные изменения. Утро прошлой субботы он провел в офисе, потом играл в баскетбол в спортзале. Выпил пива с парнями после игры и в одиночестве пошел домой.

И вот неделю спустя Джон мертв, Ник влюблен в Саманту Холланд, и кто-то пытался их обоих убить. Все сомнения, что он любит ее, испарились во время нескончаемой секунды, когда бежал по битому стеклу к Сэм после взрыва бомбы. Нику достаточно было представить возвращение в пустое существование, что представляла из себя его жизнь без нее, чтобы убедиться окончательно в своей любви к Сэм.

За три дома по Девятой улице его внимание привлекла табличка «Продается», позвякивавшая напротив какого-то кирпичного особняка. Скрежещущий звук напомнил Нику о городах-призраках в вестернах. Еще раз холодок пробежал по спине, пока Ник долгим взглядом охватывал пустынную улицу.

– Что ты здесь стоишь на холоде? – спросила Сэм, выходя к нему на крыльцо.

– Да так, ничего. – Он протянул ей руку. – Где твоё пальто?

– Ты со мной поделишься. – Она обхватила его за пояс и нырнула к нему под пальто.

– М-м-м. Как тепло. – Прижимая ее крепче, Ник удивлялся, как он выжил, как существовал без нее все эти годы после первой встречи. Он закрыл глаза и прижался щекой к светлой макушке. – О чем ты думаешь?

Ник не мог ей сказать, что любит. Не сейчас. Не в самом разгаре расследования убийства и хаоса, и когда она не готова это услышать. Позже, решил он. Еще будет время. Совершенно точно будет.

– Смело ты сегодня себя повела, дав им знать, что не собираешься бросать расследование.

– Да ладно. Они явно предугадали, что я скажу, и приготовились. – Сэм посмотрела на него снизу вверх. – Я просто обналичила очень хорошую репутацию и безупречные моральные принципы, которые заработала за двенадцать лет в полиции, чтобы ввести тебя в мою жизнь. – Скромно улыбнувшись, она добавила: – Надеюсь, ты это оценишь.

Осознав, какой огромный шаг делала Сэм, Ник взял ее лицо в ладони и поцеловал.

– Я оценю. Обещаю.

– Я пошутила.

– А я нет.

Сэм притянула Ника к себе и страстным поцелуем лишила его воздуха.

– Сэм, – задыхаясь, произнес он, уткнувшись лицом в нежную шею. – Боже.

– Что? Что такое?

– Когда думаю, что могло бы случиться... – Ник поднял голову, заглянул в ее сияющие голубые глаза и возблагодарил судьбу. Как же сильно возблагодарил. – Знаю, что все еще так внове, но мысль потерять тебя... снова... Не хочу тебя терять.

– И не потеряешь. Со мной ничего не случится.

– Тебя могут подстрелить прямо сейчас. Мы сейчас представляем прекрасную мишень.

Сэм обхватила ладонями его лицо:

– Не делай так. Если собираешься со мной связаться...

– Если?

Она улыбнулась.

– Время от времени мне *достаётся*. И в ситуации опасные попадаю – не так как сегодня – однако, всякое случается. Не позволяй страху управлять тобой. Такая жизнь не для тебя. Да и не по мне.

Сэм запнулась, словно еще что-то хотела добавить.

– Что? – Ник ощутил ее напряжение раньше, чем встревожился сам. – Милая. Что?

– Когда я была замужем, – сбивчиво начала Сэм, – Питер просто был заиклен на моей безопасности, где я да что, моих расследованиях. Просто нездоровое отношение. А поскольку у нас были и другие проблемы, это только усугубляло и так плохие отношения. Меня просто душило.

– Я слышу тебя и понимаю. На самом деле. И буду стараться изо всех сил не перекрывать тебе кислород, однако и ты дай мне время приспособиться, ладно? Ну не привык я, что на моем дворе чуть не взрывают женщину, которая мне небезразлична. Мне нужно какое-то время смириться с опасностью, связанной с твоей работой.

– Справедливо.

Ник обвел большим пальцем глубокие темные круги у Сэм под глазами и запечатлел нежный поцелуй на ее лбу.

– Ты вымоталась. Как думаешь, не могла бы ты чуток поспать?

– Полагаю, что могла бы попытаться, но голова сейчас не на месте. Хочу позже здесь со всеми посоветоваться, когда вернется Фредди, чтобы заново по всему пробежаться. Мы что-то пропустили. Знаю, что пропустили.

– Никому лучше не будет, если ты вгонишь себя в гроб. Как насчет того, чтобы подремать для перезарядки батарейки?

Сэм засветилась лукавой улыбкой, которую Ник так полюбил.

– Только если ты ко мне присоединишься.

– *Здесь?* В доме у твоего папочки?

– Он тебя не застрелит.

– Это не смешно. Он может попросту меня прикончить. Без труда.

– Я была замужем, Ник. Отец знает, что я спала с мужчиной.

– Не со мной.

– Готова поспорить, он не думает, что мы с тобой всю ночь печеньки пекли.

– Это мы и делали. Если он поинтересуется, мы именно *этим* и занимались. Пекли печенюшки всю ночь напролет.

Смеясь, Сэм взяла его за руку и потащила в дом.

– Мы собираемся завалиться ненадолго, – сообщила она Селии. – К вечеру должен вернуться Фредди. Если мы отключимся, разбудишь нас, когда он появится?

– Конечно, дорогая. Может, вы двое что-то перекусите?

– Не думаю, что смогу еще что-нибудь в себя впихнуть, – погладила себя по животу Сэм.

– Я тоже, – заверил Ник. – Но все равно спасибо. – Он заглянул в кухню, где еще сидел Скип, поглощенный чтением закона об иммиграции. – Если вы забудете упомянуть шефу Холланду, что я наверху, то будет здорово. Буду в долгу.

Селия засмеялась и махнула им, чтобы шли наверх.

– Подумаю, что смогу сделать.

Чувствуя себя подростком, прокрадывающимся в комнату девочки, – чего никогда не делал в прошлом, – Ник последовал по лестнице за Сэм.

Она закрыла дверь в спальне и стянула свитер.

Ник поморщился при виде синяков на груди Сэм. Если бы у него не перехватывало дух, то смог бы насладиться, наблюдая за раздеванием.

– Я соглашался на сон. Но не подписывался на стриптиз.

– Ты же хочешь, чтобы я поспала?

– Угу.

Она высвободилась из джинсов и трусиков и подошла к Нику: во взгляде сквозила настойчивость.

– Голой мне спится лучше.

Ник отступил на шаг и натолкнулся на стену.

– Он узнает. Будь у меня малышка-дочь, вроде тебя, я бы поставил в ее спальню «жучки», чтобы быть уверенным, что парни, вроде меня, туда не проникнут. – Не решаясь отвести взгляд от ее лица, добавил: – Когда Скип узнает, что я наверху с его дочкой – его красивой, сексуальной, голой дочкой – то позовет своих приятелей-копов. И они утащат меня в темный переулок и повыдергивают мне руки и ноги, а потом бросят то, что осталось, в Потомак.

Смеясь, Сэм запустила руки ему под джемпер, задрала вверх и сняла через голову, по ходу дела захватив Ника, беззащитного, враспloch, потерявшись носом о его соски. От всего этого Ник напрягся, как струна.

– С таким воображением тебе стоит податься в писатели.

Ник безвольно держал руки по швам. Может, если он не оставит на ней отпечатков, удастся уйти живым.

– Ты и вправду думаешь, что сможешь мне сопротивляться? – спросила Сэм, осыпая поцелуями Ника от подбородка до ключицы и при этом прижимаясь к нему грудью.

– От этого зависит моя жизнь.

Губы заскользили по его груди к животу.

– Все эти крутые разговоры прежде... - Сэм расстегнула ему джинсы, стянула вниз и встала на колени. – Наверное, я все-таки сделаю из тебя свою комнатную собачку.

Чувствуя, к чему все идет, Ник попытался уклониться.

Одним резким движением, которое и напугало, и возбудило его, она пригвоздила его к стене.

– Сэм... *пожалуйста*. Думал, что нравлюсь тебе, – застонал Ник, сжимая кулаки, когда ее жаркий рот сомкнулся вокруг него.

– Нравишься, – шептала она, совершая круги языком, доводя Ника до головокружения. – Точно нравишься.

Между его лопаток катились капельки пота, собираясь в струйку.

– Твой отец *узнает* и *убьет* меня.

Она еще исхитрялась смеяться, пока ласкала его. Настойчиво и упорно ласкала.

– Боже. – Ник тяжело дышал, едва выдерживая жар ее рта. – Сэм, милая, иди сюда.

– Так ты готов сейчас заняться делом?

– Угу. - Он помог ей встать, поднял и вошел в нее одним плавным движением. – Черт, мы ведь живем лишь раз?

Сэм ахнула от толчка.

– Все в порядке? – спросил он.

Она обхватила его руками, Ник чуть застонал, когда Сэм задела шишку у него на затылке.

– Да, – выдохнула. – Не останавливайся.

Если ему суждено быть задушенным, то пусть это будет между впечатляющих грудей Саманты Холланд, пахнущих жасмином и ванилью. Нежно поцеловав синяк, Ник направился вместе с Сэм, осторожно, поскольку вокруг лодыжек все еще болтались джинсы, к кровати и опустил на нее свою женщину.

– Ник.

– Что, милая?

– Быстро. – Она вцепилась в него. – Хочу быстро.

Сердце Ника вздрогнуло, и пришлось закусить губу, чтобы прямо здесь не кончить. Помня, что Сэм любит пошуметь, он запечатал ей губами рот, пока давал в полной мере то, что она желала. Было ли что-то лучше этого? Нет, никогда. Во веки веков. Крутая и мужественная в работе, здесь, с ним, она была сама женственность – теплая, нежная,

благоухающая женщина. Ее стон прокатился по ней эхом и проник в Ника в то мгновение, когда она кончила.

Он заглушил ее крики, или, по крайней мере, надеялся, что заглушил, перед тем, как последний раз резко войти и дать себе волю.

Глава 24

Фредди долго стоял перед двухэтажным домом Патриции Дональдсон, пытаясь представить, как задать ей все необходимые вопросы, но зная, что потребуются много времени, чтобы преодолеть тошноту, которая находит на него, когда приходится спрашивать людей об их частной жизни – особенно касательно постели.

Возможно, будь у него своя сексуальная жизнь, он так бы не смущался, когда вынужденно спрашивал, что делают люди в своих спальнях. Его растили христианином, к религии Фредди относился серьезно и хранил себя для будущей жены. Вот так он и дожил до двадцати девяти лет девственником и этим фактом не делился ни с кем, дабы его не осмеяли коллеги.

У него побывало много подружек, и в дело свиданий свою лепту он внес, но до конца не дошел ни разу. Последнее время Фредди слишком много думал над тем, что упускал. И не имея на горизонте ближайших планов жениться, размышлял, сколько он еще сможет выдержать.

С тех пор как они допрашивали ту персональную тренершу, Элин Сведсен, его с упорной одержимостью посещали фантазии о ней. То, как она намекала на непристойности, которые проделывала с сенатором О'Коннором... Фредди все бы отдал за одну ночь с ней. Может быть, когда они закроют дело, он продается за персональную тренировку иного сорта.

А между тем ему нужно войти в этот дом и спросить Патрицию Дональдсон, не был ли сенатор отцом ее сына, продолжала ли она сексуальные отношения с Джоном О'Коннором, и если да, какой секс у них был. От мысли, что придется всем этим интересоваться у женщины, которую он увидит впервые, Фредди становилось плохо.

Простои тут хоть всю ночь, все равно никогда не станешь полностью готов к неизбежному. А поскольку Сэм ждет, что он добудет информацию, Фредди вылез из арендованной машины и направился по выложенной плитам дорожке. Глубоко вздохнув, чтобы успокоить нервы, он позвонил в дверь. В доме отозвался колокольчик. Детектив ждал целую минуту, пока дверь не открыла хрупкая с виду блондинка. Голубые глаза покраснели, на хорошеньком лице отражалась усталость. Фредди был готов заложить значок, если эта женщина не потеряла недавно того, кого любила.

– Патриция Дональдсон?

– Да?

– Простите, что беспокою, мэм. Я детектив Фредди Круз, Городская полиция Вашингтона.

Он показал жетон.

Она взяла значок, изучила и вернула назад.

– Вы насчет Джона.

– Да, мэм. Хотелось бы знать, могу ли я попросить вас уделить мне несколько минут?

Слабо махнув, она отступила, приглашая в дом.

Фредди прошел за ней в уютную гостиную, заметив фотографии красивого белокурого мальчика по всему дому. Интерьер явно оформлял профессиональный дизайнер, сохраняя теплую уютную атмосферу.

Сев напротив хозяйки дома, Фредди спросил:

– Вы были знакомы с сенатором Джоном О'Коннором?

– Мы много лет были друзьями, – тихо ответила она.

– Сожалею о вашей потере.

Ее воспаленные глаза наполнились слезами.

– Спасибо. – Она смахнула влагу со щек.

– Вы были просто друзьями?

– Да, – не колеблясь, ответила она.

Фредди потянулся к фотографии на краю стола.

– Ваш сын?

– Да.

– Красивый мальчик.

– Спасибо.

– Не могу удержаться, чтобы не заметить его поразительное сходство с сенатором.

Она пожала плечами:

– Может, чуть-чуть.

Фредди вернул снимок на место.

– Ваш сын дома?

– Он поехал делать задание для школы. Он студент первокурсник в колледже Лойолы.

Облегченно узнав, что парня дома нет, Фредди стал действовать настойчивей.

– В ходе расследования мы узнали о регулярных месячных выплатах вам сенатора О’Коннора в течение двадцати лет. – Даже зная эти факты наизусть, Фредди сверился с блокнотом. – Три тысячи долларов, чеком, первого числа каждого месяца.

Ее рука чуть заметно дрожала, когда Патриция потянулась к золотому медальону, который носила на шее.

– Ну и что?

– Вы не могли бы сказать, почему он выплачивал вам эти деньги?

– Это был подарок.

– Весьма крупный подарок – тридцать шесть тысяч в год, в сумме больше семисот тысяч долларов за двадцать лет.

– Он был щедрым человеком.

– Мисс Дональдсон, я понимаю, что вам сейчас трудно, но если вы были его другом...

– *Я была его лучшим другом*, – воскликнула она, сжав кулак и приложив к груди. – Он был моим.

– В таком случае наверняка вы хотите найти того, кто убил его.

– Конечно хочу. Просто я не понимаю, что вы от меня хотите.

– Мне нужно, чтобы вы подтвердили, что ваш сын Томас – сын сенатора О’Коннора.

– Разве, детектив? – тихо осведомилась она. – Вам действительно нужно, чтобы я подтвердила?

Такая легкая капитуляция взволновала Фредди. Он ожидал, что придется повозиться.

– Я буду признателен, если вы расскажете о своих отношениях с сенатором, со дня встречи и до его смерти.

Долгое время она молчала, словно принимала решение, потом начала говорить так тихо, что Фредди с трудом мог разобрать.

– Мы переехали в Лисбург перед восьмым классом. Я встретила его в первый день в школе. Он был приветлив, когда никто еще не признавал меня, но таков был Джон. Гостеприимно встретить новенькую, чтобы она почувствовала, что ей рады – это в его духе.

Она ударилась в воспоминания и, казалось, забыла о присутствии Фредди.

Он записывал, зная, что Сэм потребует каждую деталь.

– Мы подружились, вопреки всему подружились.

– Почему вопреки всему?

– Его отец был сенатор, мультимиллионер. Мой же работал на почте. Мы были из разных миров. Но Джон меньше всех, кого я знала, придавал значение статусу. Его не волновало положение отца, что, конечно, приводило того в бешенство. Со временем наша дружба переросла в любовь. Его родители никогда не жаловали меня, никогда не приглашали к себе домой. Джон переживал по этому поводу, но разлучить таким образом нас не могли. Он был любовью всей моей жизни, детектив, и он меня тоже любил. Мы знали это еще в пятнадцать лет. Можете себе представить?

– Нет, мэм. – Фредди не мог представить и в двадцать девять. – Не могу.

– Нас переполняли чувства к друг другу, мы решили быть вместе навсегда, несмотря ни на что. – Она смотрела на свои колени, нервозно ломая пальцы. – Мне было шестнадцать, когда я забеременела. Мои родители были потрясены, его же пребывали в гневе. У его отца была в самом разгаре какая-то мерзкая кампания по переизбранию, и их заботило, чтобы не разразился скандал. Они предложили мне сотню тысяч долларов, чтобы я сделала аборт.

Фредди сохранял выражение лица нейтральным.

– Я отказалась даже слышать об этом. Тешила себя иллюзией, что мы с Джоном найдем способ быть вместе и растить нашего ребенка. Я и понятия не имела, что могут люди, облеченные властью, и как далеко способны зайти, чтобы добиться того, чего хотят. Через неделю отца перевели в почтовое отделение Иллинойса.

– Что на это сказал Джон?

– Что он мог сказать? Он только собирался пойти в последний класс средней школы. И был у родителей под каблуком.

– Джон видел малыша?

Она кивнула.

– Он с родителями приезжал в тот день, когда родился Томас. Сенатор возмущался как сто чертей, что я назвала его Томас Джон О’Коннор, но О’Конноры увезли от меня Джона, разлучили нас, хотя они не могли отказать моему сыну в имени его отца. Моя уступчивость тоже имела предел. Мы часто говорили по телефону, как улучали минуту. Строили вместе планы на будущее. – Лежавшие на коленях руки дрожали. – Когда он окончил школу, отец устроил ему интернатуру в Конгрессе на лето, а потом родители препроводили его в Гарвуд. И мы встретились снова только через год.

– К тому времени Джон повзрослел. Почему же не перестал подчиняться родителям?

– Они контролировали деньги, детектив, те самые деньги, которые сенатор использовал, чтобы платить сыну, когда тот учился в колледже. Джон делал то, что говорил ему отец.

– А после колледжа?

– Отец грозился отречься от него, если он женится на мне, дескать, потому что тогда люди узнают об «этом ребенке», как Грэхем называл внука, и разразится скандал. – Ее голос стал тусклым, тон безжизненным. – Как бы Джон ни любил меня и Томаса, он бы не смог жить, порвав с отцом. – Патриция наклонилась вперед. – Не поймите меня неправильно, детектив. Я ненавидела Грэхема О’Коннора за то, что он не признавал меня, не признавал Томаса, а больше всего за то, чего он лишил Джона. Но тот любил отца и, более того, уважал, несмотря на все, что Грэхем сделал нам. Джон был хорошим человеком, лучшим из тех, кого я знала, но именно поэтому он не мог отвернуться от отца. Просто не мог. Я приняла это много лет назад и научилась довольствоваться тем, что имела.

– И что именно?

– Один уикенд в месяц мы были семьей, семьей на всю катушку. Джон стал великолепным отцом Томасу. Когда он отсутствовал, то всегда был доступен сыну, и они говорили почти каждый день. Сына повергла в горе смерть отца.

– Никто не интересовался сходством с сенатором в свете того, что Томас носит его имя?

– Нет, - ответила она. – Удивительно, но нам удалось этого избежать. О’Конноры умудрились похоронить нас здесь, на Среднем Западе. Во время выборной компании и первые месяцы Джон пропадал в офисе, мы отнеслись к этому спокойно и часто не виделись друг с другом. Когда внимание ослабло, то снова возобновили встречи. Пресса так никогда и не разнюхала ничего про нас.

– Мне непонятно, почему он посылал вам ежемесячно деньги, а не давал итоговую сумму. У его родителей имелись деньги, он сам стал богатым человеком, когда продал компанию.

– Он заботился о нас, но ему нравилось посылать ежемесячные выплаты. Говорил, что так чувствует связь с Томасом и мной.

– Заранее прошу прощения, что сейчас кое о чем вас спрошу... Но мне нужно знать, где спал сенатор, когда бывал здесь.

Ее глаза гневно вспыхнули.

– А где, по-вашему, он спал?

– У него бывали другие женщины?

Фредди было неприятно, что его вопрос явно оскорблял ее.

– Да, – скрипнув зубами, ответила Патриция. – Но мой сын этого не знает, и я бы предпочла, чтобы так и осталось.

– Вас это не беспокоило? Что у него были другие женщины?

– Конечно, беспокоило, но я не ждала, что он будет придерживаться celibата остальные двадцать семь дней в месяце.

– Вы обсуждали других женщин в его жизни?

– Нет, никогда.

– Даже когда он три года был с Натали?

– У него была своя жизнь, у меня своя, – резко ответила она. – Один уикенд в месяц мы принадлежали друг другу.

– Вы были когда-нибудь замужем?

Она засмеялась.

– Как вы себе это представляете? Куда бы я засунула мужа в каждый третий уикенд, когда меня навещал давний любовник?

– Так, значит, нет?

– Я никогда не была замужем.

– Когда сенатор бывал здесь, – сказал Фредди, стараясь не запнуться, – у вас были сексуальные отношения?

– Я не понимаю, какое это имеет отношение к делу.

– Имеет, и я прошу ответить на вопрос.

– Да, я спала с ним! Так часто, как могла! Вы довольны?

– Было ли что-нибудь, э, необычное у вас в сексе?

Она встала.

– Все, достаточно. Я не позволю вам явиться в мой дом и унижать самые важные отношения в моей жизни.

Фредди остался сидеть, давая ей осознанное преимущество, когда бросил последнюю бомбу.

– Он когда-нибудь принуждал вас к грубому или анальному сексу?

Она изумленно уставилась на него.

– Я хочу, чтобы вы ушли. Прямо сейчас.

– Простите, мэм, но вы можете ответить на вопрос прямо здесь или мне придется увезти вас в Вашингтон и там подвергнуть допросу. Выбирайте.

Подбоченившись, она метала глазами молнии.

– Джон О’Коннор всегда обращался со мной как джентльмен. Любой женщине стоит иметь такого нежного и ласкового возлюбленного. А теперь, если это все, я хочу, чтобы вы покинули мой дом.

- Вы приедете на похороны в Вашингтон?
- Поскольку ни один О’Коннор теперь не занимает кабинет, я не вижу причины больше прятаться. Мы собираемся поехать. Сегодня звонил адвокат Джона и сообщил, что нам нужно присутствовать на чтении завещания, которое состоится через день после похорон. Наверняка это привело в жуткое волнение Грэхема и Лейн.
- Они когда-нибудь поддерживали связь с Томасом?
- Никогда со дня его рождения.
- Пресса набросится на вас как стервятники.
- Фредди понравилось, как мужественно Патриция задрала подбородок.
- Джон страдал от того, что не мог признать своего сына. По меньшей мере, это я смогу для него исправить сейчас.
- Еще раз сожалею о вашей потере, мисс Дональдсон, и простите, если мои вопросы оскорбили вас.
- Она пожалала плечами, отменяя его извинения.
- Если это поможет расследованию, то, полагаю, оно стоило того.
- Вы сильно помогли.
- Уже в дверях Патриция сказала:
- Детектив, поймайте преступника, который сделал это с Джоном. – Глаза снова наполнились слезами. – Пожалуйста.
- Сделаем все, что в наших силах.

Глава 25

В вестибюле «Уотергейта» буйствовала толпа, но когда появился Ник, люди замолчали, расступаясь и давая ему дорогу к лифту. Он узнавал некоторые лица – его дедушка, отец, учитель физики в седьмом классе мистер Пачеко, соседка Люси Дженкинс и Грэхем О’Коннор. Почему он здесь? Сегодня голосование, и у Джона не будет времени для одной из их регулярных встреч за ланчем.

Ник попытался втолковать Грэхему, что Джон занят, но тот не слушал. Он только улыбался, словно ему было известно то, чего не знал Ник. Позади него стояла... Сэм? Сэм Холланд? Она не ответила на его звонки, но это было уйму времени тому назад. Он всегда хотел увидеться с ней снова. Ник потянулся к Сэм, стараясь дотронуться.

Она улыбнулась и ускользнула.

– Нет! Только не снова. Вернись. Сэм!

Сестра Джона, Лизбет, закричала и вцепилась в Ника. Лицо ее покраснело и опухло.

– Джону больно! Помоги ему, Ник. Помоги ему!

Ник подбежал к лифту, стал бешено нажимать кнопку, но двери не открывались. Он бился в них до синяков, наконец, бросился по лестнице, пробежал шесть пролетов. Хватая ртом воздух, ворвался в коридор. Из квартиры Джона выскочила женщина с окровавленным ножом. Лицо ее закрывал вязаный шарф.

– Джон!

Ник вбежал в квартиру.

– Привет, Кэппи, - сказал появившийся из спальни Джон. Из открытой раны на шее текла кровь. – Что случилось?

– Джон... - Ник прижал руки к его шее, пытаясь остановить кровь. Как мог друг потерять столько крови и оставаться в сознании? – Помогите! Кто-нибудь помогите!

– Все нормально, Кэппи. – Джон положил руку на плечо Ника. – Все будет хорошо.

Ник поднял взгляд и увидел, что лицо Джона превращается в голый череп. И закричал.

– Ник, - позвала Сэм. – Проснись. Милый, проснись.

Голова гудела, во рту пересохло, в глазах словно песок насыпали.

– Что?

Сэм убрала волосы Нику со лба и поцеловала в щеку.

– Тебе что-то снилось.

Он прижал ладонь к бешено бьющемуся сердцу.

– Джон приснился. Еще живой. Столько крови. Я пытался ее остановить. – Горло сжалось, Ник закрыл глаза. – И не мог.

Сэм прижалась к нему теснее, взъерошила волосы.

– Ты бы не смог остановить, – прошептала она.

– Ту ерунду, что я узнал о нем... с тех пор, как все случилось... Все это неважно. Он был моим другом.

– Да. – Сэм прижалась губами к его лбу. – Это ничего не изменит.

– Он был мне ближе брата, которого у меня не было никогда. У нас был свой... язык. Только наш. Команда только головой качала, когда мы разговаривали. Они понятия не имели, о чем мы говорим. А мы продолжали болтать. Вечно им пользовались.

Сэм крепче обняла Ника.

– Я скучаю по нему, – шептал он. – Как же я по нему скучаю. Просто в голове не укладывается, что больше никогда его не увижу.

– Мне жаль, хотелось бы найти слова.

– Ты и так помогаешь.

Он поднял голову и посмотрел ей в глаза. Сэм наклонилась, чтобы поцеловать его.

– Хочу достать ту сволочь, что сотворила это, ради его родителей и семьи. Но больше всего ради тебя.

– Я немного склонен на время выбиваться из колеи.

– Это нормально.

Ник приложил ладонь к мерзкому синяку на ее груди.

– Трудное время для нас строить отношения. Ты ведь это понимаешь?

– Самое худшее из всех времен.

– Поэтому само собой разумеется, мы способны справиться со всем чем угодно, если сможем сейчас это пережить.

– Поживем – увидим. – Сэм улыбнулась и погладила его по щеке. – Мне нужно вернуться к работе.

– Знаю. Ты поспала?

– Как сурок. Вот уж не думала.

– Тебе нужен сон. Нам обоим. – Ник еще раз наклонился и поцеловал Сэм. – Ты или твой папа будете возражать, если я останусь здесь, пока все не утрясется?

– Нет, мне нравится, что ты здесь, а его на самом деле это не заботит, несмотря на то, что, возможно, он будет надоедать.

– Мне нужно рано или поздно съездить домой, взять одежду и убедиться, что ассоциация домовладельцев позаботилась, чтобы вставили окна.

– Мы это уладим. – Сэм встала и потянулась. – Я собираюсь в душ. Не хочешь ко мне присоединиться?

– Прекрасная идея, но не хочу искушать судьбу. Лучше после тебя.

– Трусишка.

– Угу.

Она засмеялась, надевая халат, и от этого смеха в душе Ника потеплело. С удивлением он понял, что Сэм подняла ему настроение, когда не исчезли еще тошнотворные картины из ночного кошмара. Она ушла в ванную, а Ник сел, обхватив голову. Сотрясение, которое назвали легким, сильно давало о себе знать. Что бы там ни вкололи Нику, когда зашивали порез над глазом, действие наркоза кончилось, оставив тупую пульсирующую боль.

Теперь он чувствовал, что глупо было срываться на Сэм, но, похоже, она не придавала этому значения. Делить с кем-то взлеты и падения - к этому можно даже привыкнуть, если этот кто-то – она.

Ник встал и застонал, когда запротестовала поврежденная нога. Натянул джинсы и внимательно осмотрел беспорядок в комнате. Сэм превращала пространство в хаос, что вступало в прямой конфликт с любовью Ника к порядку. Начав со сваленной на полу одежды, он стал разгребать беспорядок. Комната уже вполне годилась для жилья, когда спустя четверть часа из ванной появилась Сэм.

У нее глаза полезли на лоб.

– Похоже, ты просто ничего не можешь с собой поделаться?

– Просто чуть прибрался. Подумаешь.

– Я же теперь ничего не найду!

– Ты и до этого ничего не смогла бы найти.

– Я *точно* знала, где что лежит.

– Ничего подобного, – усмехнулся Ник. – Ты неряха, Саманта. – Он сгреб в кулак полотенце, в которое она обернулась, притянул Сэм к себе и поцеловал. – Сексуальная, обалденная, но все-таки неряха.

Надувшись, она попыталась освободиться.

– Только потому, что я не помешанная на порядке задница, не значит, что я неряха.

– Помешанный? Я оскорблен. – После еще одного крепкого поцелуя, Ник отпустил ее, чтобы она смогла одеться. – Да, будет та еще проблема, когда станем жить вместе.

– *Жить* вместе? – воскликнула Сэм, потрясенная словами. – Откуда, *черт возьми*, это взялось?

– Не веди себя так, словно эта идея омерзительна.

Сэм сунула длинные ноги в джинсы.

– Мы даже еще неделю не провели вместе. То есть... кончай.

Не желая, чтобы она видела, как обидела его такой категоричностью, Ник отвернулся от Сэм и стал смотреть в окно. Внутри бурлило, что он хотел бы сказать ей, доводы и обоснованные аргументы, которые она явно не готова услышать. Пока он таращился в темноту, то краем глаза заметил какую-то тень на другой стороне улицы.

Присмотревшись повнимательней, Ник понял, что кто-то наблюдает за домом. Не обращая внимания на боль в ноге и барабанную дробь в голове, Ник бросился к двери и слетел по ступеням.

Сэм кричала ему вслед.

Вылетев за дверь и вниз по пандусу, Ник чуть не попал под машину, когда бежал по улице. Пронзительный гудок напугал его, лишь на мгновение отвлекая внимание от тени, но только и всего.

– Разуй глаза, придурок! – вопил в окно водитель.

К тому времени, как Ник обрел равновесие, тень давно исчезла.

– *Черт!* Твою мать!

– Что ты вытворяешь? – кричала с крыльца Сэм.

– Кто-то там был, – ответил Ник, выпуская белые облачка пара в морозный воздух. – Я его видел. Он наблюдал за домом.

– Поэтому ты и выскочил как ненормальный, не говоря уже о том, что полуголый?

– А что прикажешь делать в таком случае?

Сэм подбоченилась. Ник уже знал, что означает эта поза: Саманта серьезно разозлилась.

– Ну, не знаю. Может, сообщить *копу*, который с тобой в одной комнате?

Ник захромал к пандусу и начал подниматься туда, где она ждала его.

– Я не подумал. У меня одна только мысль была – схватить гада.

– И что ты собирался с ним делать, когда бы схватил?

Поежившись под яростным взглядом ее голубых глаз, Ник пожал плечами:

– Разобрался бы как-нибудь.

– Вот в точности так *штатские* дают себя убивать сотнями каждый год, воображая, что могут взять закон в свои руки.

– Мне не нужно, чтобы ты читала мне лекции или продолжала использовать слово «штатский», словно разновидность саранчи.

– Саранча куда разумней себя ведет, чем ты только что.

– Я чуть не поймал его.

– Ты чуть не попал под машину!

Дымя от возмущения, они готовы были вцепиться друг в друга.

– Э, простите, но я того, вернулся, – раздался с тротуара голос Фредди. – Ты сказала, что мне следует явиться сюда и... м-м-м..

– Поднимайся, - сказала Сэм, не отрывая взгляда от Ника. – Входи. Я скоро буду.

– Понял, босс, – сказал Фредди, приветливо улыбаясь Нику, который пошел с ними. – Рад видеть вас снова, мистер Каппуано.

– Взаимно, – откликнулся Ник, все еще не сводя глаз с Сэм. – И можешь звать меня Ник.

– Тебе следовало сказать мне, что ты увидел, – упрекнула Сэм, когда за Фредди закрылась дверь. – Если бы сказал, я бы позвонила куда надо и, возможно, мы его сцапали. Вместо того ты стал изображать Рэмбо, что ни к чему не привело.

Ник задумался.

– Может, ты и права.

– *Может?* Правда? Ух ты, спасибо большое.

– Я сожалею, ладно? – Он растерянно провел пятерней по волосам. – Просто среагировал. Так застрели меня за то, что хочу поймать того, кто преследует тебя.

– А с чего ты решил, что это не *тебя* преследуют?

– Потому что я куда скучнее, чем ты.

– Ты не скучный. Глупый изредка, но только не скучный.

– Спасибо на добром слове.

– Ты хорошо его разглядел?

Ник помотал головой.

– Ничего кроме тени, но эта тень определенно наблюдала за домом.

– Если снова увидишь, *скажи мне*. – Сэм зажала волосы на его груди и потянула так сильно, что Ник встал на цыпочки и на глазах выступили слезы. – Не смей рисковать собой, как сейчас. *Понял меня?*

– Понял, – сквозь стиснутые зубы ответил он. Сэма отпустила его, и Ник потер грудную клетку. – Я позволю такому дерьму сойти тебе с рук, потому что меня учили, что бить женщину – невоспитанно, даже если она заслужила.

– Да неужто? – огрызнулась Сэм, возвращаясь в дом, где их ждали Скип, Селия и Фредди.

Острый взгляд Скипа задержался на голой груди Ника и босых ногах.

– Э, я собираюсь пойти надеть рубашку, – направляясь к лестнице, сказал тот.

– Да уж, идея неплохая, - заметил Скип.

– Оставь его в покое, папа, - вмешалась Сэм. – Он и так убежден, что ты собираешься его убить.

– Тоже неплохая идея. С чего бы мне не собираться?

– *Пап...*

– Успокойся и дай немного поиздеваться над мальчиком. Мне так редко последнее время удается повеселиться.

Фредди заухмылялся.

– Чему ты улыбаешься, Круз?

Улыбка пропала.

– Ничему, мэм. Ничему.

– Полагаю, ты здесь не просто, чтобы пожить кормежкой. Что добыл для меня?
– Остальные едут из управления, – сообщил Фредди. – Хочешь, чтобы я дождался и коротко посвятил всех сразу?

– Изложи основные факты.

К тому времени, как он закончил, Сэм уже протоптала тропинку в ковре гостиной.

– В самолете по дороге домой я размышлял, что другие женщины, с которыми он встречался, были заменой тому, чего он не мог иметь. Все они походят на нее, и хоть я не мозгоправ, но, возможно, он кидался в развращенный секс с ними от разочарования, что не мог быть с единственной, с кем хотел.

– Наверное, поэтому он взбесился, когда Натали нажала на него насчет женитьбы. По-своему, какими-то окольными путями, он чувствовал себя уже женатым, даже если не сохранял верность. Я имею в виду, как он женился бы на ком-то, когда она была недоступна и растила ребенка у черта на куличиках?

По лестнице спускался Ник с влажными после душа волосами.

– Ты все слышал? – спросила Сэм, встревоженная его побледневшим лицом и тусклым взглядом.

– Достаточно, чтобы уловить суть.

– Мне жаль, – сказала она, удивившись, когда он отмахнулся от ее выражения участия.

– Не жалею меня. Делай свою работу. Найди, кто сделал это.

– Ладно, – согласилась она, понимая, что Ник воспринял сногшибательную новость самым лучшим из известных ему способов.

Сэм повернулась к Фредди, но тут ее прервали: распахнулась передняя дверь и в дом хлынули детективы, нагруженные холодными закусками, упаковками пива, содовой и охапками чипсов. По дороге на кухню, где они разгружались от еды, каждый задерживался и пожимал руку Скипу.

– Что это такое, черт возьми? – обратилась Сэм к Гонзо.

– Пытаются помочь тебе, всем нам, – ответил Гонзо, блестя глазами цвета шоколада.

– У всех выходной. Дай нам какую-нибудь работу.

Тронутая до глубины души, Сэм сказала:

– Спасибо.

– Сегодня вывесили список лейтенантов. Поздравляю.

– Ты туда тоже скоро попадешь, – сказала Сэм, испытывая муки совести из-за того, как попала в этот список. Гонзо стал детективом на два года позже ее, поэтому, по крайней мере, ему она дорогу не перебежала. – Точно-точно.

Он пожал плечами:

– Поглядим.

– Там кто-то торчал снаружи. – Сэм указала на дверь. – Ник увидел, как он наблюдал за домом. Кинулся на мою защиту и спугнул парня.

– Я позвоню, чтобы установили снаружи охрану.

– Если бы дело было только во мне, я бы возражала. Но здесь папа и Селия...

– Ни слова больше. Мы все сделаем. – Гонзо бросил взгляд на Ника: – Итак, ты и свидетель?

Сэм поморщилась.

– Не начинай.

Привлекательное лицо Гонзо осветила вспышка веселья.

– Я-то ничего не имею против, а вот другие... Ты должна знать.

– Будем надеяться, мельница слухов перемелет все своим чередом и история умрет естественной смертью, когда кто-нибудь еще опростоволосится.

– Не раньше, чем ты огребешь серьезные неприятности.

– Справлюсь как-нибудь.

– Сэм? – позвал Ник. – Почему бы тебе не пойти поесть?

– Ему нравится меня кормить, – прошептала она Гонзо.

– В этом нет ничего плохого.

Полчаса спустя, когда все насытились, Сэм позвала коллег в гостиную:

– Давайте вернемся к работе.

– Прежде чем приступим, – Фредди поднял бутылку колы и отсалютовал Сэм, – тост в честь моего напарника будущего лейтенанта Холланд.

Пока будущий лейтенант Холланд сверлила его взглядом, рисуя картины медленной красочной смерти, комната огласилась аплодисментами и свистом. Сэм оглянулась на отца: тот смотрел на нее сияющим от волнения взглядом.

Он кивнул одобрительно и с удовольствием – большим удовольствием, чем она видела на его лице последние два года.

– Ладно, – сказала Сэм, прерывая веселье, прежде чем парни забыли, что работают над убийством. – Спасибо за еду, поздравления и помощь. Я признательна за все. Перед тем как мы продолжим, мне нужно спросить: никто не возражает, что Ник здесь присутствует? Он очень помогал нам в расследовании...

– Оказывал неопределимую помощь, – добавил Фредди.

Сэм благодарно улыбнулась напарнику.

– Если кому-нибудь неудобно...

– Для меня нет проблем, – сказал Гонзо.

Другие выразили согласие нестройным хором.

Сэм облегченно выдохнула, осознав, что задержала дыхание, и повернулась к Фредди:

– В таком случае, Круз, давай послушаем, что ты выяснил в Чикаго.

– Хорошо, босс.

Глава 26

– Как ты и попросила, я еще покопался в подружках, – заявил Фредди, сверяясь с блокнотом. – Татуировок или необычного пирсинга у Тары Давенпорт нет. Люди, с которыми она была в ночь убийства, подтвердили ее историю, а записи видеокamеры показали, что Тара появилась домой в 10.18 и вышла утром в 9.33. Здоровый мускулистый амбал, Джимми Чен, с которым у Элин Сведсен было свидание, подтвердил, что они ужинали вместе и на пару часов заскочили в танцевальный клуб. Чен подвез ее домой после двух. Дом охраняется минимально, видеокamеры отсутствуют, поэтому у меня нет подтверждения, что она провела дома остаток ночи. У нее татуировка на левой груди – сердце, пронзенное стрелой – и в сосках пирсинг.

– Даже знать не хочу, как ты это обнаружил, – заявила Сэм, сопровождаемая смешками других детективов.

– Уж точно не тем способом, который бы предпочел.

– Действуй, Круз! – разразился хохотом детектив Арнолд.

– О, наш мальчик растет, – сказал Гонзо, смахивая притворные слезы.

– Отстань, Гонзо.

В отличие от коллег, Сэм подавила желание засмеяться.

– Так, что еще?

– Ты мне не говорила, – продолжил Фредди, – но я покопал поглубже Натали Джордан. Ее девичья фамилия Сент-Клер, случайно обнаружил. Выяснилось, что в колледже, пятнадцать лет назад, наша девочка Натали потеряла бойфренда при подозрительных обстоятельствах в пожаре на Мауи.

– Неужели?

Как только кусочки стали вставать на место, кровь вскипела в жилах Сэм. Правильно ли кусочки складываются, она скоро выяснит.

– Они с сенатором расстались за несколько лет до того, как он был убит, – заметил Скип. – Вряд ли есть связь.

– Верно, – согласилась Сэм. – Посвяти-ка нас в подробности пожара, Круз.

– Брэд Фостер, двадцать один год, погиб в подозрительном пожаре во время двухнедельных каникул на Мауи, которые проводил с Натали Сент-Клер.

– Две недели на Мауи для парочки детишек из колледжа? – присвистнул Гонзо.

– Очевидно, у семьи Фостера куча денег. У родителей был пляжный домик. Из отчетов, которые я нашел в газетах, следует, что Натали вышла на утреннюю прогулку, пока отсутствовала, дом загорелся. Полиция подозревала поджог, но доказать не могла. У Натали было шаткое алиби. Они к ней присматривались, но так и не смогли ни в чем обвинить.

– Хорошая работа, Круз, – похвалила Сэм. – Завтра мы поговорим с миссис Джордан еще раз.

– Следует добавить, что я не нашел нераскрытых случаев членовредительства в Дистрикте, Вирджинии или Мэриленде, – сообщил Фредди. – Могу расширить поиск, если ты думаешь, что это стоит того.

– Отложи пока. Гонзо, что у тебя по коттеджу О'Коннора?

– Ничего, кроме нескольких дополнительных улик по ребенку, Томасу, – открытки, письма, рисунки, когда он был поменьше, – но вы уже все добыли.

– Что по закону об иммиграции, папа?

Скип изложил тонкости закона.

– Много страстей с обеих сторон этого творения. Там есть те, кто чувствует, что держать открытыми наши границы для нуждающихся людей – это то, для чего предназначена страна – «дай мне твой усталый, бедный, собравшийся народ...» - Когда он встретил пустые взгляды, добавил: – Эмма Лазарус? Поэма, которую выгравировали на Статуе Свободы? Вы что, в школу не ходили? – Закатив глаза, продолжил: - Другая сторона утверждает, что иммигранты истощают систему, что благотворительность должна начинаться со своего дома, а мы не можем толком позаботиться о людях, которые уже здесь живут.

– Убийство сенатора похоронило бы закон? – спросила Ника Сэм.

– Совершенно точно. Мы намечали провести его одним голосованием. Сенат до января на парламентских каникулах. В зависимости от того, кого прочтат на место Джона, и поддержит ли этот человек закон, нам, возможно, повезет, и его выставят на голосование в следующем году. Однако в любом случае сторонникам придется начинать все сначала, чтобы заручиться голосами. Даже месяц промедления – достаточный срок в политике, чтобы изменить мнение людей.

– Таким образом, если кто-то собирался остановить закон, то убийство сенатора играло на руку, – сказала Сэм.

– Наверняка задержит на неопределенный срок. Провести закон через комитет и вынести на голосование – непростой процесс. Целый год уходит на написание, переписывание, согласование, встречи с различными лоббистами и заинтересованными группами, дополнительное согласование. Непросто все.

Слушая его, Сэм совершенно по-новому оценила, как смерть Джона повлияла на профессиональную жизнь Ника. Неудача в прохождении закона об иммиграции поневоле стала горьким поражением помимо личной трагедии.

– В таком случае, его убийство, похоже, случилось как нельзя вовремя.

– Кому-то его победа поперек горла, ты имеешь в виду, – сказал Фредди.

– Что прямиком приводит нас к его братцу Терри, – заключила Сэм.

Ник потряс головой.

– Говори, – предложила Сэм.

– Я уже сказал прежде – Терри не хватило бы духа убить брата. Он мальчик-переросток, пытающийся жить в мире мужчин. Дело требует планирования и дальновидности. Терри же способен только запланировать, в какой бар завалиться ближайшим вечером.

– И все же, – возразила Сэм, – у него есть мотив, возможность, ключ, и старший братец не может предоставить алиби. Я хочу привести его завтра утром на формальный допрос.

– А нельзя подождать до похорон? – спросил Ник, глядя умоляющими карими глазами.

– Нет, к сожалению. Мне хотелось освободить О’Конноров от лишнего горя, но в ту минуту, когда они солгали мне насчет Томаса, они потеряли право на такую любезность. Вообще-то, я могу призвать их к ответу за учинение препятствий правосудию.

– Но ты не будешь, – сухо заметил Ник.

– Я еще не решила.

– Я заметил, что Терри так и не закончил назначенную судом школу вождения после управления автомобилем в пьяном виде, – встрял Фредди.

Сэм улыбнулась и обратилась к Гонзо и Арнолду:

– Доставите утром Терри О’Коннора? Пока он будет гостить у нас, мы еще раз поговорим с ним об алиби. Согласуйте с округом Лаудун.

– Можно сделать, – пообещал Арнолд.

– Вы идете по ложному следу, – сказал Ник, от разочарования его чуть не затрясло.

– Возьмем на заметку. – У остальных Сэм спросила: – Что у нас есть по взрыву?

Хиггинс снабдил их тщательным анализом четырех грубо сработанных самодельных бомб, которые обнаружили в машинах Ника и Сэм.

– Нашли частичный отпечаток на одном из устройств в машине мистера Каппуано и теперь прогоняем его через базу, – сообщил он, имея в виду автоматическую систему распознавания отпечатков.

– Мы поработали с родственниками Джонсон и большинством их знакомых, – доложила детектив Джинни Макбрайд. – В большинстве случаев они не выказывали сочувствия по поводу того, что вы чуть не взлетели на воздух, но твердо стояли на своем, что не имеют к этому отношения. – И с недовольным выражением добавила: – А кое-кто сетовал, что сам не додумался до этого.

– Здорово, – пробормотал Ник.

– Мы не нашли ни одной улики, что реальный заказ исходил от Джонсонов, – сказала Макбрайд.

– А должны бы, – заметила Сэм. – После шести месяцев работы с ними под прикрытием могу сказать, что ничего не случается без приказов одного из них.

– Согласна, – подтвердила Макбрайд.

Сэм запустила пальцы в волосы, которые оставила распущенными, как любил Ник.

– У меня в голове вертится куча всякого дерьма, поэтому я хочу пройтись с самого начала, если никто не возражает.

Когда все согласно закивали, она начала с того, как Ник нашел тело сенатора в его квартире.

– Он убит накануне голосования, которое утвердило бы его позиции в Сенате прохождением закона по актуальной проблеме. Убийство, по крайней мере с виду, носит личный характер, по всем признакам свидетельствует о неудачных любовных делах. Однако, как отметил детектив Круз, членовредительство не должно нас уводить в сторону, заставляя рассматривать версию только личного плана. Помните, не было никакого взлома или признаков борьбы, что приводит нас к мысли, что убийца был знаком сенатору, с кем ему было комфортно, он не удивился при виде убийцы.

– И тот, кто имел один из ключей, которые хозяин раздавал направо-налево, – напомнил Фредди.

– Да. Мы допросили трех бывших любовниц, узнали, что он имел несколько увлечений и внебрачного сына, которого семья прятала от публики двадцать лет. Выяснилось, исходя из всех обстоятельств, что мать сына была любовью всей его жизни и по какой-то причине единственная, которая не испытывала на себе его порочные пристрастия. Кажется обоснованным, что смена сенатором женщин и заикленность на порно впрямую результат препятствия, стоявшего на пути самых важных сексуальных отношений в его жизни. Потому что этим отношениям не дали расцвести в полную меру или пойти естественным путем, поставили его в такие психологические условия, что ему пришлось прилагать невероятные усилия, чтобы скрыть все даже от близких ему людей. – Сэм посмотрела на Ника, который уставился в стену невидящим взглядом.

– Отношения сенатора с родителями усложнились, когда еще тинейджером его подружка забеременела и в результате родился ребенок. Когда Джон достиг совершеннолетия, отец пригрозил отречься от него, если он женится на Патриции Дональдсон или признает сына. Если верить мисс Дональдсон, защита политической карьеры и репутации для Грэхема О’Коннора была важнее, чем собственный внук. – Она посмотрела на Фредди, чтобы он подтвердил. Тот кивнул, и она продолжила: – В ту же ночь, когда нашел тело сенатора, мистер Каппуано подал заявление о проникновении в его квартиру неизвестного, которое расследовала Арлингтонская полиция. Добавим угрозы Дестини Джонсон во вчерашних газетах и сегодняшние бомбы. Это все? – Она обратилась к Фредди: – Я ничего не забыла?

– Стенхауз.

– Верно. Неприятный политический соперник О’Конноров. Мотивом могло быть заблокировать законопроект и уничтожить заодно успех Джона, сына человека, к которому Стенхауз питает ненависть.

– Но он бы не смог проникнуть в квартиру О’Коннора, – возразил Фредди. – Или, по крайней мере, у него не было ключа.

– Что ставит его в конец списка, но все еще не исключает из подозреваемых, – сказала Сэм. – Человек в его положении, наверно, добыл бы ключ, если бы очень захотел. Как все это связано? Какое отношение имеет мертвый сенатор к проникновению в квартиру его начальника команды? Если мы исключим Джонсон, то как тут вписываются бомбы?

– Может, они ни при чем, – сказал Слип.

Все воззрились на него.

Сэм нахмурила брови.

– Что ты имеешь в виду, папа?

– Вернись назад во времени. Что еще случилось на этой неделе? – Прежде чем Сэм смогла ответить, продолжил: – В ходе расследования ты разожгла старое пламя. – Он взглянул на Ника. – Кого этим могла вывести из себя?

– Мы оба люди свободные, так что, кроме начальства, мне не на кого подумать, – сказала она, удивляясь, куда клонит отец.

– Ты уверена? – А тут вдруг Сэм точно поняла, о чем он говорит или, точнее, о ком. – Питер, – ахнула она. – О Боже. – Прижав кулак к желудку, она села: ноги вдруг подкосились.

В комнате воцарилось молчание. Ее скандальный развод со всеми его запретительными судебными ордерами и обвинениями в психических пытках и моральном давлении вряд ли был секретом для присутствующих.

Ник сел рядом, и Сэм даже не возразила, когда он обнял ее за плечи.

– Он был снаружи дома, – прошептала Сэм. – Это был он. Он следил за нами тем вечером, после того, как мы ели пиццу. Я почувствовала *что-то*, но отбросила, списав на нервы. Бьюсь об заклад, он был у твоего дома тоже.

– Что ему там было нужно?

– Первое правило боя, – тихо сказала она. – Знай своего врага.

Ник повернулся к Скипу:

– Что предпримем?

Скип перевел разгневанный взгляд на Гонзо:

– Позвони Малоуну. Доложи и потом возьми Гибсона.

– Да, сэр.

Гонзо сделал знак Арнолду, своему напарнику, и они направились к выходу.

– Я с вами, – следуя за ними, предупредил Фредди.

Сэм встала и схватила с вешалки на двери пальто.

– Мне нужно на воздух.

И бросилась за дверь. Ник не отставал от нее.

Она увернулась от его попытки обнять ее.

– Просто дай мне побыть одной, ладно?

– Черта с два. – Он еще ближе притянул ее и крепко обнял. – Не отталкивай меня,

Саманта.

– Он *следил* за нами! Он был в твоём доме! Из-за *меня*!

– Ты тут ни при чем. Не воспринимай так.

– Как же я могу иначе? Он просто одержимый.

Вдруг ее осенила еще одна мысль.

– Что?

– Бомбы, – прошептала она. Это предположение казалось столь чудовищным и ужасным, что почти невероятным.

– Ты же не думаешь...

Сэм всмотрелась в Ника.

– Что он скорее убьет меня, чем потерпит рядом с тобой? Да, думаю, и коли он не мог достать меня, то следующий шаг – избавиться от тебя – был бы самым лучшим выходом.

– Боже.

– Я рассказала ему о тебе все после той ночи, что мы провели с тобой. Когда ты не позвонил, я рассказала ему о том, что у меня такого в жизни не было, как у нас с тобой. Я считала его другом. – Глубоким судорожным вздохом Сэм подавила боль, скрутившую внутренности. – Он это запомнил. Знал, что ты представляешь собой настоящую угрозу. Первейшую опасность с тех пор, как мы с ним расстались.

– Он настолько ревнив, чтобы захотеть убить нас обоих?

– Дестини Джонсон вручила ему идеальную возможность своими выступлениями во вчерашней газете. – Вся картина в целом сложилась с такой четкостью, что только удивительно, как раньше Сэм пропустила это. – Если бы все получилось, копы обвинили бы ее с друзьями. Никто бы на него не подумал. Так все легко. – Боль пожирала ее внутри, делая больной и слабой.

– Он смог бы узнать, как сделать бомбу?

– В наши дни в Интернете можно найти инструкции к чему угодно. Хиггинс сказал, что бомбы смонтированы грубо. Наверно нам повезло, что Питер сделал их как попало.

– Тебе больно.

– Просто нужно дышать, – задыхаясь, заверила Сэм.

Ник отпустил ее.

– Что я могу сделать? Ты меня пугаешь, Сэм.

Обхватив руками живот, она подняла на него взгляд.

– Я втянула тебя в этот кошмар.

– Да я там и хочу быть... с той ночи, как встретил тебя. И если прежде тебя доберусь до твоего бывшего, то точно дам ему понять, что какой бы длинный крюк он нас ни заставил сделать, мы все равно нашли дорогу друг к другу. – Ник поцеловал ее, сначала нежно, потом со все возрастающей страстью, она ответила тем же. – Несмотря на все его усилия, мы вернулись друг к другу, и теперь ничто не свернет нас с пути. Ничто и никто.

– Особенно жалкая парочка бомб, – со слабой улыбкой вторила Сэм.
– Точно. – Ник улыбнулся в ответ. – Как живот?
– Лучше, – ответила она, с удивлением поняв, что так и есть.
– Надо что-то с этим делать. Как только это дело закончится, ты пойдешь к моему другу – доктору Гарри.

– Ты, что ли, под конвоем меня поведешь?
– Узнаешь, если не пойдешь по доброй воле.

Сердце как молотом билось в груди, когда Сэм пристально изучала Ника.

– Знаешь, есть кое-какие вещи... насчет меня... которые мне нужно тебе сказать, тебе следует кое-что знать, прежде чем ты что-то решишь.

Взяв в ладони ее лицо, он всмотрелся в нее: все чувства отражались в его глазах.

– Ничего, что бы ты ни сказала, не заставит меня отказаться от тебя. Ничего.

– Ты ведь не знаешь...

Он прижался губами к ее рту, проглотив остаток слов, мыслей, дыхания и разума. А когда поцелуями добился покорности Сэм, сказал:

– Я узнаю.

– Но...

– Я люблю тебя, Саманта, полюбил с первого взгляда, еще когда увидел идущую сквозь толпу на той вечеринке, и любил все эти годы. Ты вернулась ко мне – и это самое лучшее, что случилось в моей жизни. Поэтому ничего, слышишь, ничего, что бы ты там ни сказала, не заставит меня изменить решение и отказаться от тебя и моих намерений.

Сэм редко лишалась дара речи, но когда смотрела в его прекрасное честное лицо, лицо, о котором грезила во время своего несчастного брака, то просто не могла подобрать слов.

И не отрывая от нее взгляда, он поцеловал ее снова так нежно и нетребовательно, что у Сэм подкосились колени.

– Позже, – сказал Ник. – У нас вся жизнь впереди, обещаю.

Глава 27

Чтобы поехать в Арлингтон, они одолжили машину у Селии. После сумасшедшего дня район возвращался к своей обычной жизни. СМИ, слава богу, переключились на другие новости. Окна в доме Ника вставили, но в прихожей и в спальне на втором этаже под ногами хрустели разбитые стекла.

– Мне целый год придется убирать осколки, – пошутил Ник, пытаясь разрядить обстановку, поскольку чувствовал напряжение, исходящее от Сэм.

– Мне жаль.

– Не ходи здесь, Саманта.

Он побросал джинсы, белье, футболки и носки в спортивную сумку. Для похорон в понедельник упаковал темный костюм, рубашку и галстук в пакет и закинул в сумку туфли. В ванной сгреб, что было нужно, как можно быстрее, не желая, чтобы Сэм оставалась здесь дольше необходимого после того, что случилось накануне.

Он сказал, что любит ее. Просто выпалил, потому что подумал, что именно это ей нужно было услышать в тот момент. Ник говорил себе: неважно, что она ничего в ответ не сказала. Скажет. Со временем. А если нет? Что, если ее закружило в безумстве расследования, и он неправильно ее понял? Нет. Невозможно. Не может быть возможным.

– Ник?

– Что, милая?

– Ты просто затих. О чем задумался?

Он прочистил горло, убирая из голоса эмоции и страх.

- Интересно, найдут ли они Питера.
- Они позвонят. Знают, что он мой, когда его притащат.
- Ты собираешься встретиться с ним лицом к лицу?
- Я собираюсь поджарить его.
- Почему бы тебе не уступить эту честь кому-нибудь другому? Почему именно ты?
- Потому что должна.
- Разве?

Сэм пожала плечами:

- Ага.
- Что, если я попрошу тебя не вмешиваться?
- Не надо.
- Это имеет значение? Если бы я попросил?

– Имеет. И я бы прислушалась, и это выбило бы меня из колеи. Я на сто процентов хочу встретиться с этой жалкой пародией на человека. Поэтому не навешивай на меня тяжкий груз. Не поступай так со мной.

- Так вот что я для тебя? Груз?
- Что, черт возьми, произошло между моим домом и твоим?

Ник закрыл молнию на сумке.

- Ничего. Ни черта.

Она схватила его за руку и повернула к себе лицом.

- Ты бесишься, что я ничего не сказала в ответ?

– О чем ты говоришь? – с болью в сердце притворился он непонимающим.

– Ты знаешь. – Тон смягчился, когда она подняла руку к его лицу. – Все такое безумное: расследование, мой психопат-бывший, твоя потеря друга и ситуация с работой, мой больной желудок... даже долбаные каникулы обрушились на меня. После того, через что я прошла с Питером, я изменилась. Стала более осторожной. Хотя с тобой я не была осмотрительной, и это меня пугает. – Она засмеялась. – Вообще-то, ужасно пугает.

- Тебе нечего меня бояться.

– Знаю, но в прошлом я так сильно обожглась. Мне нужно время, когда в голове не будет полсотни других вещей, чтобы переосмыслить все, что случилось за последнюю неделю. Прямо сейчас я не могу. Но если это поможет, признаюсь, что иду туда, куда и ты.

– Мне не мешало бы знать это. – Он взял ее за руки и поднес их к губам. – Пообещаешь одну вещь?

- Если смогу.

– Проведешь со мной здесь канун Рождества? Неважно, что случится в следующие дни, ты оставишь эту единственную ночь для меня?

- Обычно мы собираемся у сестры...
- Мы сможем заняться, чем ты хочешь, в Рождество.
- Ладно.
- Обещаешь?

– Обещаю. – Сэм поднялась на цыпочки и поцеловала Ника. – Не могу поверить, что в среду Рождество, а я никому не купила подарки. А ты?

– В моем списке не так уж много народу. Обычно я дарю что-нибудь Кристине, О'Коннора, отцовым близнецам, Джону...

- Прости. Не подумала. В смысле о твоей семейной ситуации.
- Не заморачивайся.

Он выключил свет и повел ее вниз по лестнице.

Сэм стояла в гостиной, сунув руки в карманы пальто.

- Что ты говорил раньше насчет того, что нам жить вместе?
- Слишком скоро, я понимаю.
- Хочу вот что сказать. Знаешь, если мы дойдем до этого, то я не смогу тут жить.

Слишком далеко от работы и папы.

– Ладно.
– Так просто?
– Это же только дом.
– Когда ты собираешься превратиться в придурка?
– Прямо сейчас в любую минуту. Я имел в виду, что уже им стал.
Зазвонил ее сотовый, и Сэм вытащила его из кармана.
– Это Фредди. – И включила громкую связь, чтобы Ник мог слышать.
– Что у вас?
– Его и след простыл, но мы нашли провода, пластик и удобрения, валялись прямо на столе. Гонзо требует ордер на полный обыск, а мы сейчас просто ждем.
Сэм села.
– Я надеялась, что не он. Я ведь и вправду надеялась...
– Прости. Мы разослали на него ориентировку. Все копы в городе ищут его. Мы его возьмем, Сэм.
– Спасибо. Еду домой. Нужно поспать. Встретимся в управлении в восемь.
– Буду. Ты в порядке?
– В полном. Бывали и лучшие дни, но все нормально. Увидимся утром.
Ник кинул сумку и пакет с одеждой у двери и сел рядом с Сэм на диван.
– Я так надеялась, что он просто следит за мной, а бомбы мы не сможем связать с ним. Не хотела думать на него.
Ник обнял Сэм и притянул к себе.
– Знаю, милая.
– Завтра в газетах все будет обо мне – взрыв, наши с тобой отношения, бывший муж-психопат. Заново вспомнят о Джонсонах, о нераскрытом случае с папой. – Сэм потеряла лицо. – Терпеть не могу, когда мне перебивают косточки. Последнее время это происходит чересчур часто.
– Ты устала, – сказал Ник, целуя ее в бровь. – Хочешь, поспим сегодня здесь?
– Лучше быть поближе к дому, пока мы не поймем Питера. Он знает, что папа – моя ахиллесова пята.
Ник встал и помог ей подняться.
Она удивила его, когда обняла.
– Можем мы просто постоять так еще минуту?
Он поцеловал вспухший синяк у нее на лбу.
– Так долго, как ты захочешь.
Несколько минут спустя их прервал стук в дверь.
– Интересно, кто это в такое время? – Ник распахнул дверь и оторопело нашел на пороге Натали Джордан. – Натали? Что вы здесь делаете?
Он бы подумал, что она даже не знает, где его адрес.
– Могу я на минуту войти? – спросила она, глядя покрасневшими глазами.
Ник обернулся на Сэм, та кивнула. Он показал Натали на гостиную.
– Я надеялась, что вы здесь будете, – обратилась к Сэм Натали. Лицо ее покрылось пятнами, словно она несколько часов плакала.
– Что я могу для вас сделать? – спросила Сэм.
– Нельзя ли стакан воды? – попросила Натали у Ника.
Тот встретился глазами с Сэм.
– Конечно. – Когда он вернулся с водой, Натали сидела на диване и сосредоточенно рассматривала сложенные на коленях руки. – Вот, – сказал Ник, вручая ей стакан.
– Спасибо.
– Время уже позднее, Натали, – напомнил Ник. – Почему бы вам не рассказать, зачем вы здесь?
– Это так невероятно, – тихо начала она. – Я все еще не могу поверить...

– Миссис Джордан, мы не сможем вам помочь, если не будем знать, о чем вы говорите, - заявила Сэм.

Глядя на них снизу потерянным взглядом, Натали произнесла:

– Ноэль. Я думаю, он...

– Что Ноэль? – спросил Ник, сердце вдруг сильно забилося. Ему хотелось взять Натали за плечи и трясти изо всех сил. – Что он натворил?

– Возможно, он убил Джона.

– С чего вы решили? – спросила Сэм.

Ник заметил, что она ведет себя, как коп, все признаки прежнего беспокойства из-за Питера испарились.

– Он стал вести себя странно, исчезать в неурочное время, играть в молчанку. С виду очень сердился, но не объяснял почему.

– Когда я вас раньше допрашивала, вы ничего такого не упоминали.

– Тогда я еще не сложила два и два.

– Расскажите, что вы такое сложили, по-вашему.

– Той ночью, – сбивчиво начала Натали, – в ночь, когда убили Джона, мы легли спать, но в середине ночи я проснулась и увидела, что Ноэля нет.

– Вы об этом не говорили.

– Он мой муж, детектив. – Глаза Натали наполнились слезами. – Я поверить не могла, что такое возможно. Не хотела даже думать.

– Так что изменилось? – спросил Ник. – Почему вы пришли?

– Вы были другом Джона, – пояснила Натали Нику. – Я решила, что вы хотели бы найти того, кто его убил.

– Разумеется, хочу! Но я хочу знать правду!

– И я тоже! Я его любила! Вы же знаете. Ноэль ревновал к нему. Я даже имени Джона не могла упомянуть, чтобы муж не сорвался.

– Так вы думаете, он сорвался до такой степени, что захотел убить сенатора? – спросила Сэм.

– Мы видели Джона за пару дней до его смерти. На коктейльной вечеринке, которую устраивали вирджинские демократы в доме Ричарда Мэннинга. – Натали смахнула слезы со щек. – Джон подошел ко мне, обнял по-дружески и поцеловал. Мы долго болтали, просто делились новостями о своем житье-бытье. Ничего такого. Но когда в какой-то момент я отвела в сторону взгляд, увидела, что на нас смотрит Ноэль. Казалось, он готов был убить нас обоих на месте.

– Почему же вы не упоминали об этом? – спросила Сэм.

– Я не хотела в это верить.

– Вы все еще не сказали, почему изменили решение.

– Я его спросила. – Трясущейся рукой она поправила растрепавшиеся волосы. – Прямо. «Ты убил Джона?» Конечно, он все отрицал, но я ему не поверила. – Натали обратилась к Нику: – Я не знала, что делать, поэтому пришла сюда, надеясь, что вы сможете связаться с детективом Холланд.

– У вас есть безопасное место, куда пойти? – поинтересовалась Сэм.

Натали кивнула:

– Дом родителей в Спрингфилде.

– Дайте мне какое-то время разобраться, – предложила Сэм.

– Он влиятельный человек, - напомнила Натали. – Вам никогда не прижать его.

– Если он в этом замешан, я найду способ призвать его к ответу, – заверила Сэм.

Натали встала.

– Простите, что так бесцеремонно вторглась. Я слышала, что у вас случилось. Рада, что вы серьезно не пострадали.

Они проводили ее до двери.

– Завтра хочу все это отразить в отчете. – Сэм вытащила блокнот из заднего кармана.
– Дайте адрес ваших родителей и телефонный номер, по которому я могу вас найти.

Натали продиктовала.

– Спасибо, что выслушали. – И, повернувшись к Нику, добавила: – Знаю, что вы меня никогда особо не любили...

– Это здесь ни при чем.

– Все-таки спасибо.

Они смотрели, как она идет к машине.

– Дерьмо собачье, – выругался Ник, сверля взглядом отъезжающую машину. – Ни на минуту ей не поверил.

– Чему ты не веришь? Что ревнивый муж не мог убить человека, которого жена не переставала любить? Это самый хороший мотив из тех, что я слышала до сих пор.

– Я знаю Ноэля Джордана. Он на такое не способен. Если хочешь знать мое мнение, вот она способна. Легко могу представить, как она приходит в бешенство и убивает Джона за то, что он недостаточно ее любит. После того как мы сегодня узнали, что ее бойфренд погиб в пожаре при подозрительных обстоятельствах, ты тоже веришь в такую возможность.

– Если бы она убила, зачем ей приходиться и искать детектива, который занимается расследованием? Подумай, Ник.

– Почему ты не спросила, что случилось с тем ее парнем на Гавайях?

– Не хочу пока это упоминать. Она будет думать, что мы об этом не знаем, поэтому сотрудничать будет более охотно.

– Мне она не нравится. И никогда не нравилась. И что бы ты там ни говорила, она лжет. Она будет делать все, чтобы добиться осуществления своих намерений, даже если для этого нужно толкнуть мужа под автобус.

Сэм посмотрела на часы:

– Интересно, Ноэль уже лег спать?

– Ты действительно собираешься копаться в этой куче дерьма, что она тебе скормила?

– Конечно. Вдруг это прорыв, который мы ждем.

Закрыв дверь за собой, Ник проводил Сэм.

– Ты даром потеряешь время.

– Это мое время.

– Почти полночь.

– Я в курсе, который час. Если ты хочешь остаться, я поеду сама.

– Ты никуда не поедешь одна, пока твой бывший выискивает повторный шанс тебя прикончить.

– Мне твоя защита не требуется, я сама могу о себе позаботиться.

Ник молча усадил ее в машину и через несколько минут уже выезжал на магистраль Джорджа Вашингтона, направляясь в Александрию.

– Ты что, в самом деле, думаешь, что я могу остаться дома и спокойно лечь спать, зная, что ты где-то один на один встречаешься с потенциальным убийцей, когда твой бывший поджидает в засаде?

– Я была и в более сложных переделках.

– То было раньше.

– Раньше чего?

– До меня.

– Я не из тех женщин, которые находят поступки альфа-самцов сексуальными. Скорее, наоборот.

– Смирись.

Они ехали по Белл-Хейвен в гробовом молчании. Сэм не заговаривала, пока они не подъехали в темному дому. Она вытащила пистолет и значок из сумочки и сунула в карман пальто.

– Подожди здесь.

Словно не слыша, Ник вылез из машины и пошел вместе с Сэм.

– Я сказала, подожди!

– Ты не пойдешь одна. Или со мной, или я звоню в полицию. – Он вытащил мобильник. – Что предпочтешь?

Они вели молчаливую битву характеров, пока наконец Сэм не сказала:

– Только ни слова. Слышишь? Ни одного гребаного словечка. – Резко развернулась и решительно промаршировала по ступеням, чтобы позвонить в дверь.

Трель далеко разнеслась по большому дому. Они подождали пару минут, прежде чем наверху зажегся свет. Сквозь узорчатые окошки рядом с дверью Сэм наблюдала, как Ноэль спускается с лестницы.

Он выглянул в окно, прежде чем открыть дверь.

– Сержант Холланд?

Моргая, Ноэль уставился на Ника.

– Да, – ответила Сэм. – Простите за поздний визит. – И скупой добавила: – Полагаю, вы знакомы с Ником Каппуано.

– Конечно. Входите. – Белокурые волосы Ноэля стояли дыбом. В футболке с картинкой гонок и фланелевых пижамных брюках он с трудом походил на второго по рангу юриста в министерстве юстиции, которого Сэм встретила накануне.

Мужчины пожали руки, и Ноэль пригласил визитеров в дом.

– Чем могу быть полезен?

– Ваша жена дома? – спросила Сэм.

Доброжелательное выражение испарилось.

– Вылетела в гневе отсюда после ссоры. Должно быть, у родителей.

– Такое часто случается? – поинтересовалась Сэм. – Вспышки гнева?

– Не впервые, но, вообще-то, только в последнее время. Поверить не могу, в чем она меня обвиняет! Она решила, что я *убил* Джона О’Коннора. Можете себе представить?

– Из ревности и прежде убивали.

– Вижу, она поделилась с вами своими подозрениями. – Ноэль запустил в волосы пятерню. – Что вы хотите, детектив?

– Почему вы сказали, что были на собрании «Старших братьев, старших сестер» в ночь, когда убили Джона?

– Потому что так стояло в расписании в моем ежедневнике.

– В ежедневнике неделей ранее.

Казалось, Ноэль был поражен.

– Секретарь сообщил мне. – Он задумался на секунду. – Знаете, вы правы. Это было две недели назад. Очень сожалею. Заработался последнюю неделю, все перепуталось, и дома тоже...

– Что дома? – спросил Ник.

Сэм сурово взглянула на него.

– Я тут задаю вопросы. – Повернувшись к Ноэлю, спросила: – У вас с женой обострились отношения?

– Более чем обычно, с тех пор как мы встретились с Джоном пару недель назад на благотворительном вечере. Натали знает, как я отношусь к тому, что она разговаривает и флиртует с ним на публике, и что учинила? Выставила напоказ свою «дружбу» прямо у меня на глазах – все вокруг только и говорили, что о них двоих. Как вы думаете, что я чувствовал?

– Унижение? – подсказал Ник.

– Тихо, я сказала! – шикнула Сэм.

Ноэль с ироничным смешком взглянул на Ника, разозлившего ее.

– Полагаю, вы понимаете, о чем я, – обратился к Нику Ноэль.

Они последовали за ним в гостиную, где он налил себе выпивку из хрустального графина.

Сэм помотала головой, когда Ноэль и им предложил выпить.

– Не возражаю, – согласился Ник, заработав от нее негодующий взгляд.

– Вы ревновали к Джону? – спросила Сэм, озабоченная, как бы увести допрос из атмосферы клуба старых приятелей.

Ноэль вручил Нику стакан и сел на диван.

– Меня тошнило от него. Тошнило, когда я слышал о нем, когда натыкался на него.

Тошнило, что я был для нее утешительным призом.

– Почему вы прошлый раз ничего мне не сказали? – спросила Сэм.

Покачивая янтарный напиток в стакане, Ноэль взглянул на нее.

– Потому что люблю свою жену. – Он улыбнулся, но улыбка не достигла его глаз. – Жалкое зрелище, не находите? Она не принимает в расчет ни меня, ни мои чувства, а я все-таки ее люблю.

– Вас тошнило до такой степени, что вы убили сенатора, мистер Джордан?

– Нет! Конечно нет. Я его не убивал.

– Утром мне хотелось бы проверить вас на детекторе лжи, – заявила Сэм.

– Прекрасно. Мне нечего скрывать.

– Натали сообщила, что проснувшись в середине ночи, когда убили Джона, не нашла вас в постели.

– Я пошел на пробежку. Я так делаю, когда мне не спится.

– Думаете, Натали продолжала встречаться с Джоном после вашей женитьбы?

– Мы довольно часто сталкивались с ним, я уже говорил.

– Я не имею в виду на публике.

Сэм наблюдала, как до него доходил смысл.

– Уж не предполагаете ли вы...

– Я ничего не предполагаю. Я спрашиваю.

– Если бы она встречалась с ним, я бы точно знал.

Ноэль сделал большой глоток виски, и Сэм заметила, что рука его немного дрожит.

– Думаете, есть шанс, что она его убила?

– Мне бы хотелось сказать, что никоим образом, но если честно, я теперь уже не знаю, на что она способна. Я думал, что знаю ее. Могу сказать только, что Натали совершенно обезумела с тех пор, как мы услышали о его смерти. Не сомневаюсь, что она больше расстроилась, чем если бы услышала о том, что убили меня. А ведь я ее муж.

– Вы знаете о ее друге, который погиб на Гавайях?

Ноэль кивнул:

– О Бреде. Она очень переживала, уж точно.

Сэм встала.

– Простите, что побеспокоили вас, но признательна за откровенность. Я пришлю утром кого-нибудь по поводу детектора лжи.

Уже у дверей Ноэль сказал:

– Я его не убивал, сержант. Но не скажу, что сильно расстроен, что кто-то это сделал.

– Знаю, что ты до смерти хочешь мне сказать, – заявила Сэм, когда они пересекали Четырнадцатую улицу по дороге на Капитолийский холм.

– Мне приказано молчать.

– Я не хочу с тобой ссориться, Ник. Это последнее, что мне сейчас нужно.

- И я не хочу. Но ты просишь слишком много, когда ждешь, что я не буду о тебе беспокоиться. Он пытался *тебя взорвать*.
- Мы оба сегодня на грани, – заметила Сэм, дотрагиваясь до его руки. – Я на самом деле хочу знать твое впечатление от Ноэля.
- Так мое мнение идет в расчет?
- Да!
- Засмеявшись, он сплел ее пальцы со своими.
- И сразу же Сэм почувствовала себя лучше.
- Ноэль этого не делал, – сказал Ник, – но он не уверен на сто процентов, что его жена не убийца.
- Я тоже так думаю.
- А еще я говорил, что она нечто. Она хотела Джона, он ее отверг, и она так и не смогла пережить.
- Тогда почему сейчас? Что ее взбесило?
- Может, она не хотела видеть его победителем.
- Да с какой стати ее это заботит? Я снова возвращаюсь ко времени накануне голосования. *Почему сейчас?*
- Не понимаю, каким образом закон влияет на Натали, – поделился Ник.
- Возможно, закон не имеет отношения к убийству вообще.
- Вериться с трудом.
- Ага, – уставившись в окно, подтвердила Сэм. – Мне тоже.

Глава 28

Сэм металась и вертелась. Ей снились Питер, Квентин Джонсон, Натали Джордан. Сэм вздрогнула и проснулась. В кои-то веки она не забыла сон. Сердце неслось вскачь. Посмотрев на прикроватные часы, Сэм отметила, что три часа ночи. И Ника нет в кровати. Взгляд метнулся через темную комнату, и она увидела своего мужчину у окна: льющийся с улицы свет обрисовывал высокую фигуру.

Секунду Сэм любовалась на мускулистую спину Ника, потом вспомнила, как он сказал ей о любви, и ее наполнило теплое чувство довольства и защищенности, что было ново. Потом вспомнила, как спорила с ним по поводу Ноэля и Натали, и в животе заныло. Высокие взлеты и сокрушительные падения – те причины, из-за которых она держалась в стороне от мужчин со времен разрыва с Питером, который и в мире сроду не был таким воспитанным, как Ник во время ссоры. Даже когда они спорили, Сэм не сомневалась ни на минуту, что он любит ее. И это совершенно отличало его от Питера.

Она встала и подошла к Нику. Обняв его сзади, прижалась губами к спине.

– Что ты здесь делаешь?

Он накрыл ей руки ладонями.

– Не мог уснуть.

– Он не такой глупец, чтобы вернуться. Теперь он в курсе, что мы его ищем.

– Думаю, что я мог бы убить его, если бы добрался. На самом деле, смог бы. Не только из-за подложенных бомб, но и за все эти годы. Годы, что мы потеряли.

– Он не стоит бессонницы, Ник. – Сэм повернула его к себе лицом. Ее пронзило желание, когда он обнял ее и обласкал страстным взглядом, в котором читалась потребность. Закинув руки ему на шею, Сэм ахнула, когда он поднял ее и понес обратно в кровать. – Думала, ты на меня злишься.

– Ага, – подтвердил он, уютно прижав ее к себе и натянув стеганое одеяло. – Попытайся уснуть.

Она лениво провела пальцем от груди к его животу и улыбнулась, когда по нему пробежала дрожь от ее прикосновения.

– *Поспи*, Саманта.

– А что, если я не *хочу*, Ник? – спросила она, водя пальцем вокруг возбужденного члена.

– Я сплю, – преувеличенно зевнув, заявил Ник. – И я все еще злюсь на тебя. – Засмеявшись, она прихватила зубами его сосок. – *Ой!* Больно же!

– Зато ты больше не спишь, – с победной улыбкой заявила Сэм, пролагая дорожку из поцелуев по животу Ника, продолжая его ласкать.

Он запустил пальцы ей в волосы.

– Ты снова будешь утром усталой.

– Ну, пусть уж лучше повод будет достойный.

Она села сверху и стала дразнить, прижимаясь жаркой влажной плотью к твердому члену, слегка впиваясь ногтями в сильную грудь.

Ник выгнул спину, ища ее.

– Может, ты прав, – остановившись, вдруг сказала она. – Нам стоит поспать.

Зарывав, Ник подался вперед и резко вошел, от чего Сэм задохнулась.

– М-м-м, – вздохнула она, закрыв глаза и блаженно запрокинув голову. – Хорошо... если ты настаиваешь.

– Требую. Сон сильно переоценивают. – Ник потянул ее вниз и расплавил ей губы поцелуем, играя и соблазняя языком.

Когда ей понадобилось вздохнуть, Сэм прервала поцелуй и задвигалась с рассчитанной медлительностью, поднявшись, пока они едва не разъединились, и потом снова глубоко вобрала его. Судя по резкому вдоху, Нику понравилось. Чрезвычайно. Поэтому она остановилась.

– Ты все еще злишься на меня?

– Да. – Взяв ее за бедра, он попытался управлять ритмом, но она не поддавалась. – Сэм... – с закрытыми глазами простонал он, подбородок его напрягся. – Милая... – Переборов ее, он удерживал Сэм на месте и врывался в нее снова и снова. – Кончи для меня.

Она подняла бедра, но оргазм ускользал.

– *Не могу*, – простонала она.

Не разрывая связи, он перевернулся и задвигался сильнее, быстрее, так, по ее словам, ей больше нравилось, прихватив ртом сосок и поглаживая языком, лаская.

Сэм вскрикнула, достигая ускользавшего оргазма.

Выкрикнув ее имя, вслед кончил и Ник.

Ее пальцы выводил узоры на его влажной спине.

– Тебе не обязательно это делать.

Он поднял голову и в молочных сумерках взглянул ей в глаза:

– Делать что?

– Ждать меня.

Щеки горели от смущения, и она благословила темноту. Ник поцеловал ее.

– Я всегда буду тебя ждать.

– Не всегда выходит.

– Со мной получится, если только ты не притворяешься.

Она укусила его за плечо.

– Я не притворяюсь!

– Знаю, – согласился Ник и перекатился на свою сторону, прихватив Сэм с собой.

– Раньше была такая проблема.

– Сейчас проблемы нет.

Погладив его по щеке, она прижалась губами к его шее и вдохнула теплый мужской запах, по которому уже соскучилась.

- Наверное, все зависит от человека, даже когда он злиться на тебя.
 - Особенно когда он злиться на тебя. – Его пальцы ласкали ее бедро, вызывая новую дрожь желаний. – Хочешь получить еще один?
 - Такого не бывает.
- Он перевернул ее на спину и принялся целовать сверху до низу.
- Милая, *обожаю*, когда мне бросают вызов.

Сэм совершала утренний ритуал с куда большим энтузиазмом, чем следовало. Многочисленные оргазмы дают многократный эффект. Кто бы знал? Бросив напоследок взгляд на спавшего на животе Ника, она спустилась вниз, сильно захотев выпить содовой. Пока первый благословенный глоток бодрил ее, Сэм осознала, что у нее нет способа добраться до управления.

Тихо рассмеявшись, позвонила Фредди, чтобы он подвез ее на работу. Поскольку отец еще спал, она решила подождать напарника на крыльце. Изучая тихую улицу, Сэм размышляла, не прячется ли где Питер, ловя новую возможность. Коллеги скажут, если его найдут, потому Сэм знала, что, возможно, он наблюдает за ней.

- Давай, тронь меня, ублюдок. Во второй раз ты меня голыми руками не возьмешь.

Пока она пила неспешно содовую, из-за угла вырулил с громким выхлопом побитый «мустанг» Фредди.

– Не хватало, чтобы он разбудил всю округу, – проворчала Сэм. Фредди подкатил к дому и высунулся, открыв дверцу с пассажирского сидения. – Мне нужна прививка от столбняка, чтобы рискнуть поехать на этом драндулете?

- Что там говорят о разборчивых попрошайках?

Сэм сражалась с ремнем безопасности.

- Подаю заявку на новый транспорт.

- Я позабочусь об этом для вас, босс.

Он предложил ей пончик из коробки, которую держал на коленях.

С хмурым видом Сэм взяла его и повернулась, чтобы видеть напарника.

- Ты провел хорошую работу по этому делу, Круз. Чертовски хорошую.

Его лицо просияло от удовольствия.

- Спасибо. Знаешь, вчера даже уснуть не мог, сказалось напряжение.

- Угу.

Она покраснела, вспомнив, как поработала над своим напряжением ночью.

– Я тут раздумывал, может, есть какая-нибудь связь, помимо сексуальной, между сенатором и одним из наших подозреваемых.

- Какого рода связь?

- Бытовая: повар, поставщик, уборщица, садовник.

- Возможно. Что ты собираешься с этим делать?

– Думаю, тут есть, куда копать. Что, если один из них узнал правду о Томасе и разболтал тому, кого это привело в ярость?

- Стоит покопаться.

- Думаешь?

- Когда уже ты станешь полагаться на себя и свои инстинкты?

- Не знаю, надеюсь, скоро.

- Так давай, а то уже начинаешь меня злить.

– Знаешь, кто меня злит? – Он оторвал взгляд от дороги. – Твой дерьмовый бывший муженек. Вот он меня достает.

- Ага, – вздохнула Сэм. – Меня тоже.

- Мы кое-что нашли в его доме.

- Я знала, что там что-то будет.

– Они у меня с собой. На заднем сиденье, если хочешь...

Желудок возмутился в знак протеста.

– Хорошо. Спасибо.

– Он фотографировал тебя повсюду. Вот где настоящее дерьмо. Фото с мест преступления, где ты работала, у него даже полицейский сканер был.

Живот опять скрутило.

– Мне следовало знать, что Питер так просто не откажется. Следовало.

– Ты не виновата, – убежденно заявил Фредди.

– Прошлым вечером нам нанесла визит Натали Джордан, – меняя тему, сообщила Сэм. Она пересказала, что им поведала Натали и о последующем визите к Ноэлю. – Не думаю, что он убийца, но хочу проверить его на детекторе лжи сегодня. Устроишь?

– Конечно. Я тоже не вижу Ноэля в роли убийцы. Ничего не подсказывает мне «вот убийца». С другой стороны, Натали – наглая баба.

– Ник сказал, что она оговаривает Ноэля, но Ник ее и не любил никогда.

– Вообще-то, у него хорошая интуиция, – заметил Фредди.

– Сделай одолжение, когда приедем, попроси Гонзо и Арнолда проверить этот адрес.

– Она дала Фредди бумагу с адресом родителей Натали. – И пошли людей к дому Ноэля Джордана в Белл-Хэйвен. Пусть пару часов понаблюдают за ним, прежде чем ты притащишь его.

– Хорошо. Сделаю. – Подъезжая к последнему перекрестку перед зданием национальной безопасности, Фредди выругался: – Черт. – И показал на ведущую к управлению улицу, забитую фургонами теленовостей со спутниковыми тарелками.

– Боже правый.

Он нахмурился от ее выбора слов.

– Давай пройдем через морг.

– Хорошее предложение.

Они припарковались у дальнего конца здания, вошли через цокольный этаж и окружным путем добрались до офисов детективов, где их уже ждали Гонзо и Арнолд.

– У нас там Терри О’Коннор под замком. Пришел с адвокатом.

– Ясно.

– Сняли на камеру, как мы его привели, – предупредил Арнолд. – В утренних новостях будет главная тема.

В дверь стремительно вошел капитан Малоун.

– Шеф только что получил звонок от сердитого сенатора О’Коннора. Он грозитя пожаловаться президенту.

– Пусть звонит, кому хочет, – огрызнулась Сэм. – У его сына есть мотив, ключ, и Терри О’Коннор не может предоставить алиби. Будь он кем-то другим, притащили бы еще несколько дней назад, вы же знаете. Мне нужно его исключить.

Они уставились друг на друга, пока Малоун не заморгал.

– Проведите допрос. Арестуйте его или отпустите. И управьтесь побыстрее.

– Да, сэр. – И добавила, обращаясь к Гонзо: – Тащите его.

Глава 29

Когда Сэм и Фредди вошли в комнату для допросов, Терри О’Коннор вскочил на ноги:

– Я не убивал своего брата! Сколько раз вам повторять?

Сэм притворилась, будто внимательно изучает дело, которое захватила с собой.

– Вы пропустили курсы по безопасному вождению, назначенные судом после вашей езды в пьяном виде, поэтому вы здесь.

– Вы же это не серьезно.
Сэм взглянула на Фредди.
– Она серьезна, – подтвердил тот.
– Я собирался, – запинаясь, пробормотал Терри.
– Почему бы нам не поговорить о том, для чего мы здесь собрались на самом деле? – спросил адвокат.
– Проверьте меня на детекторе лжи.
Схватив Терри за рубашку, адвокат резко усадил его на стул:
– Заткнитесь, Терри.
– Мистер О'Коннор, вам зачитали ваши права? – задала вопрос Сэм.
– Копы, которых вы послали в дом моих родителей, чтобы вытащить меня оттуда ни свет ни заря, очень хорошо все разъяснили, – огрызнулся тот.
– Вы даете согласие на запись этого допроса?
– По совету адвоката, – протянул адвокат с мягким южным акцентом, – мистер О'Коннор будет подыгрывать этому фарсу... в разумных пределах.
– Ну не мило ли с его стороны? – поинтересовалась Сэм у Фредди.
– Очень мило, – согласился Фредди, включая магнитофон и отмечая для протокола присутствующих в комнате, а также цели их пребывания здесь.
– Прошло уже девяносто шесть часов с того момента, когда в квартире вашего брата было обнаружено его тело, – проговорила Сэм. – Вы утверждаете, что в ночь убийства были с женщиной, которую встретили в баре «Лаудун Каунти». Можете ли вы мне назвать ее имя?
– Нет, – уныло ответил Терри.
– Вы нашли кого-нибудь, кто может подтвердить, что вы покидали заведение вместе с этой мнимой женщиной?
– Я ее не выдумал! – воскликнул Терри, ударив рукой по столу.
– Свидетели есть?
Он ссутулился:
– Нет.
– Это ставит вас чуточку в затруднительное положение, правда? – поинтересовалась Сэм, в то время как в ее голове пронеслись слова Ника: «Ты на ложном пути, обвиняя Терри». С неохотой приходилось признавать, что не чувствует возбуждения от сознания того, что прищучила подозреваемого, и ей всего-навсего придется задать ему взбучку.
– А мы услышим какие-то вопросы по делу в ближайшее время? – медленно проговорил адвокат.
Сэм выпытывала у Терри всю подноготную на протяжении девяноста минут, довела его до состояния хныкающего сопляка, но он так и не отклонился от первоначальных показаний. В конце концов, нуждаясь в передышке, Сэм попросила Фредди выйти в коридор на пару слов.
Малоун ожидал их снаружи у двери комнаты для наблюдений:
– Отпустите его.
На Сэм нахлынуло разочарование. Она кивнула Фредди:
– Скажи ему, чтобы он никуда не уезжал и прошел курс по безопасности вождения за тридцать дней.
– Сделаю.
Оставшись наедине с начальником, Сэм взглянула на Мэлоуна:
– Мне пришлось его исключить.
– И вам это удалось. – Он понизил голос: – Питера привезли тридцать минут назад.
– Он мой.
– Никто и не возражает. Но вы же знаете, что мы можем позаботиться о нем, если вы не готовы...
– Я готова... После того, как он помаринуется в отстойнике.

– В порядке вежливости я поставлю Скипа в известность о том, что Питер у нас.
– Спасибо.
– Частичный отпечаток на самодельной бомбе в машине Каппуано имеет сходство с отпечатком Гибсона, но криминалисты не смогли произвести точную идентификацию.
– Он у меня подтвердит, что отпечаток его, – скорее самой себе, чем Мэлоуну, сказала Сэм.
– Имея то, что обнаружили в его квартире, мы более или менее его заполучили.
Малоун передал ей краткое изложение результатов обыска и папку, полную фотографий, от которых Сэм затошнило.
– Но он этого не знает, – произнесла она.
– Нет.
Сэм посмотрела на капитана:
– О, думаю, мне это понравится. Наверно, я дерьмовый полицейский?
– Нет, вы просто человек. Арлингтон пожелает заполучить его после того, как мы с ним закончим.

Кивнув, Сэм купила еще содовой, пошла в свой офис и, закрыв дверь, без сил опустилась в кресло. Не считая встреч в суде, она не видела Питера почти два года. Их последний взрывной спор касательно времени, которое она проводила с недавно парализованным отцом, поставил окончательную точку в череде четырех ужасных лет. На следующий же день Сэм перевезла вещи в дом отца. Остатки ее пожиток по сей день покоились в камере хранения.

В последующие месяцы Питер появлялся у нее с такой раздражающей регулярностью, что Сэм была вынуждена получить запретительный ордер, который держал бывшего на расстоянии, пока они продолжали обмениваться обвинениями. С тех пор у Сэм часто возникало ощущение, что за ней следят или преследуют, маленькие иголки подозрения покалывали ей затылок. Но реально она с Питером не сталкивалась. Фактически, ей даже не приходило в голову, что бывший муж все еще может быть в ней заинтересован. Следовало быть умнее. Тот факт, что Сэм поставила Ника под удар, всего лишь проводя с ним время, по-настоящему ужасал ее.

Она улыбнулась, представив Питера, запертого в камере внизу:

– Пусть посидит там чуток, ломая голову над тем, как много нам известно.

Исполненная радости от одной этой идеи, допила содовую и вернулась к делу О'Коннора.

Ник проснулся один в постели Сэм и подвинулся к ее подушке, чтобы вдохнуть родной запах. Он задумался, остаться ли тут до возвращения Сэм или подняться и встретиться лицом к лицу с ее отцом. Целый день под одеялом действительно казался более соблазнительным из двух вариантов. Но, поскольку Ник не хотел, чтобы она посчитала его за последнего труса, то выбрался из постели, чтобы принять душ.

Затем не спеша надел джинсы и рубашку поло с длинными рукавами. Ну разве не смешно, что ему боязно спуститься вниз и посмотреть в лицо мужчине в инвалидной коляске?

– Ты полный идиот, – сказал он своему помятому отражению в зеркале.

И, тем не менее, потратил еще десять минут на то, чтобы застелить постель и навести порядок в комнате, задаваясь при этом вопросом, сколько же обуви может иметь одна женщина? Когда делать больше было уже нечего, Ник наконец спустился и чуть не застонал, когда обнаружил Скипа одного на кухне. Ну почему там не было Селии, чтобы послужить буфером между ними?

– Доброе утро.

– Доброе, – пробормотал Скип. – Кофе там.

– Спасибо. – Ник наполнил чашку, которая стояла возле кофейника, спиной чувствуя взгляд Скипа. – Сэм рано поднялась.

– Я слышал, как она ушла около половины восьмого. Селия внизу, занимается стиркой, но она приготовила яичницу и бекон. Тарелки в буфете.

– Звучит заманчиво.

Ломая голову над тем, сможет ли он позавтракать под бдительным оком отца Сэм, Ник поставил тарелки и кофе на стол. Несколько минут мужчины просидели в неловком молчании, а затем Ник отложил вилку и набрался храбрости взглянуть на своего собеседника:

– Я люблю ее.

– Если бы я в этом сомневался, то ты не провел бы прошлую ночь в ее постели. И мне наплевать, сколько ей лет.

Захваченный врасплох, Ник уставился на Скипа:

– Я хотел пойти с ней сегодня.

– Она бы тебе не позволила.

– И все же пока не разрешится это дельце с Питером...

– Они сцапали его утром на Юнион-стейшн, когда он покупал себе билет в Нью-Йорк.

– Вот как?

– Угу.

– Ну, я рад.

– Она его прижмет. Не знаю, как ты, а я бы хотел на это глянуть.

– Может, мне вас подвезти?

Сэм несколько раз глубоко вдохнула, чтобы успокоить свой бунтующий желудок перед тем, как взять папку с материалами, собранными в квартире Питера, открыла дверь своего офиса, сделала знак Фредди и направилась к комнате для допросов, куда попросила поместить Питера. Тишина в обычно гудящих кабинках коллег-детективов дала ей понять, что в комнате наблюдения собралась приличная толпа зрителей.

– Он попытается достать меня, – сказала Сэм Фредди прежде, чем они вошли внутрь. – Не останавливай его.

– Ты совсем из ума выжила?

– Дай мне все сделать по-моему, Круз.

– Ладно, только если мне покажется, что он собирается тебя убить, придется тебе меня извинить, если я ему помешаю.

– Идет.

Слегка улыбнувшись Фредди, она зашла в комнату. Питер постарел с момента их последней встречи: волосы песочного цвета теперь присыпало серебром, а лицо, которое Сэм некогда считала красивым, было жестким и иссеченным глубокими морщинами.

Отпустив кивком офицера, охранявшего Питера, Сэм подошла к столу.

– Я хочу другого детектива, – Питер даже не смотрел в ее сторону.

– Не повезло.

– Это конфликт интересов.

– Мы больше не женаты, поэтому нет никакого конфликта. Детектив Круз, пожалуйста, запишите допрос с Питером Гибсоном.

Фредди нажал кнопку магнитофона и вернулся к своему посту у двери, демонстрируя, что процессом руководит Сэм.

– Вам зачитали права, включая право на адвоката?

– Мне он не нужен. У вас на меня ничего нет. – Питер поднял скованные наручниками запястья. – Это действительно так необходимо?

– Детектив Круз, снимите, пожалуйста, наручники с мистера Гибсона. – Когда Фредди не сдвинулся с места, она еще раз повторила: – Детектив!

Фредди прошел мимо нее, расстегнул наручники и, послав ей угрюмый взгляд, вернулся на место.

Питер потер запястья:

– Большая шумиха без повода, Сэм, – произнес он наставническим тоном, который часто использовал, когда они были вместе.

– Без повода? – Она разложила фотографии, которые были найдены в его квартире, ощущая душевный подъем, что кое-кого схватила за яйца, чего не было при разговоре с Терри О'Коннором. – А что тогда это?

– Любительская фотосъемка. Это что, такое преступление в наши дни?

– Нет, а вот преследование – да.

Он пожал плечами:

– Мелкое преступление. Ну, так подай на меня в суд.

– Спасибо, я так и сделаю. Околачиваться у моего дома? Это жалко даже для тебя.

Доброжелательный взгляд его голубых глаз стал тверже.

– Я не был снаружи твоего дома.

– Нет, был. Грустно, что тебе проще преследовать женщину, с которой ты в разводе, чем найти новый субъект для контролирования. Плачевно. Вы согласны, детектив Круз?

– Конечно, – согласился Фредди. – Я бы сказал, что заикливаться на своей бывшей, которая дала предельно ясно понять, что не желает иметь с тобой ничего общего, ничтожно и извращенно.

Если бы взгляд мог убивать, Фредди уже был бы мертв.

Сэм обошла стол и оказалась позади Питера:

– Ты бесишься из-за того, что я тебя больше не хочу?

– Я тебя тоже не хочу. Ты была паршивой женой и никчемна в постели. – Он посмотрел на темное стекло, которое скрывало комнату наблюдения, и заорал: – Вы слышите? Она – полный отстой!

– Ник так не думает.

Питер попытался вскочить на ноги, но Сэм толкнула его назад.

– Думаю, ты уже догадался, что мы обменялись впечатлениями и обнаружили, что ты не передал мне его сообщения шесть лет назад, когда ты притворялся моим другом.

– Это не преступление.

– Нет, но это жалко. Должно быть, ты на стенку лез, когда видел меня с ним.

– Как будто мне не все равно.

– О, думаю, тебе не все равно. – Сэм наклонилась к его уху: – Думаю тебе далеко не все равно.

Рывком он отодвинулся от нее:

– Слишком много о себе воображаешь?

Снова обойдя стол, Сэм положила перед Питером фотографию с изображением материалов для изготовления бомбы.

– Это еще что? – спросил он.

– Почему бы тебе не рассказать мне?

На его верхней губе выступил пот.

– Не имею ни малейшего понятия.

– А я думаю, имеешь. – Сэм оперлась ладонями на стол и склонилась к Питеру: – Ты меня разочаровываешь, Питер. Прожив четыре года с копом, ты так ничего и не понял. Если ты пытаешься убить свою жену и ее бойфренда, то не следовало оставлять отпечатки пальцев на бомбах.

– Я не оставлял никаких отпечатков!

Она улыбнулась. В яблочко.

Лицо Питера побагровело от ярости:

– Ты, чертова сука. Расставляешь ноги для этого козла через десять минут после того, как видишь его вновь.

Сэм наклонилась ближе к Питеру, чувствуя, как внутри все пылает:

– Верно. И знаешь что? – Она понизила голос так, что только Питер и, возможно, Фредди, могли слышать ее. – Когда я трахаю его, то кончаю каждый раз, иногда – даже чаще. Выходит, это *ты* полный отстой в постели, а ведь пытался уверить меня в обратном.

Питер бросился на Сэм, схватил ее за горло и сжал так сильно, что за считанные секунды перед глазами у нее заплясали звездочки.

Сэм услышала, как Фредди двинулся в их направлении, и с силой ударила тыльной стороной ладони по носу Питера: тот отлетел назад, а из носа у него хлынула кровь.

– Долбанная сука! Грёбаная фригидная *шлюха*! Ты разбила мой чертов нос!

– Оформляй его, Круз, – рука Сэм дрожала, когда она поднесла ее к горлу. – Две попытки убийства, нападение на офицера полиции, преследование офицера полиции, владение материалами для изготовления бомбы, взлом и проникновение, нарушение судебного приказа и все, что тебе еще придет в голову.

Фредди поднял Питера с пола и защелкнул наручники на его запястьях:

– С удовольствием.

– А он знает, что ты бракованная баба? – заорал Питер. – Ты сказала ему, что бесплодна?

Сердце Сэм бешено застучало, и все ее существо пронзила боль:

– Убери его отсюда.

Прошло уже какое-то время, как Фредди утащил орущего Питера, а Сэм все пыталась совладать с дрожащими руками. Наконец, она повернулась, чтобы покинуть комнату, и увидела толпу ожидавших ее сослуживцев.

Капитан Мэлоун выступил вперед:

– Хорошо сработано, сержант.

– Спасибо, – дрожащим голосом ответила Сэм.

Она услышала скрип колес инвалидного кресла, прежде чем увидела само кресло. О Боже, внутренне застонала она, думая о том, что услышал ее отец. Толпа расступилась, чтобы пропустить его, и сердце Сэм почти перестало биться, когда рядом с ним она увидела Ника.

– Так вы все слышали? – спросила Сэм у отца, когда их оставили наедине.

– Угу.

– Мне жаль, – ее щеки пылали. – Вас, должно быть, смутило...

– Это были пятнадцать самых интересных минут в моей жизни – до того момента, когда он схватил тебя. Нужно приложить к шее лед, эти синяки будут болеть.

– Приложу, – Сэм наклонилась, чтобы поцеловать отца в щеку.

– Я горжусь тобой, малышка, – прошептал он.

Сэм склонила голову ему на плечо. Как же ей хотелось, чтобы отец мог сжать ее в сильных объятиях, как раньше.

– Думаю, все, наконец, закончилось.

– Наверное, ты права. А поскольку я здесь, то мне надо кое-кого навестить. Скоро вернусь, Ник.

– Я буду здесь, – ответил тот.

– Так я и думал. – Скип развернул кресло и поехал по длинному коридору, направляясь, вне всяких сомнений, в кабинет шефа Фарнсуорта.

Ник протянул Сэм руку. И это было той самой последней каплей. Сжав его ладонь, она окончательно и бесповоротно влюбилась в него.

Глава 30

- Прости, – сказала Сэм, когда они вышли из ее кабинета.
- За что, черт возьми? – изумился Ник.
- За то, что использовала тебя и наши отношения, чтобы его достать. Я не знала, что ты там был. Неприятно, что ты услышал.
- Думаешь, меня волнует? – Карие глаза вспыхнули. – Главное, ты его прижала. Так что же ты сказала ему, что он слетел с катушек?
- Неважно.
- А мне важно.
- Сэм неохотно повторила, что сказала бывшему.
- Не хочу, чтобы ты думал...
- Словно не в силах больше сдерживаться, Ник обнял Сэм.
- Что?
- Снова щеки ее запылали от смущения и неловкости.
- Что я считаю, будто то, что у нас... с тобой... просто траханье.
- Милая, брось. Я знаю.
- Потому что между нами большее, – подняв на него глаза, пояснила Сэм.
- Да. – Он легко чмокнул ее. – Так и есть.
- Я тоже тебя люблю.
- Он застыл как столб.
- Да?
- Довольная, что застала его врасплох, Сэм кивнула.
- Я тоже люблю тебя с той самой ночи после вечеринки. Мне не стоило выходить замуж за Питера по многим причинам, но в основном потому, что я всегда любила тебя. Всегда.
- Саманта, – прошептал Ник ее имя, глубоко и страстно целуя.
- Никаких нежностей на людях и в другое время, – пробормотала она, придя в чувство и вспомнив, где они находятся.
- Только по очень особым случаям. – Он сжал ей ягодицы и тесно прижал ее к себе. – Эта дверь закрывается?
- Упершись руками ему в грудь, Сэм попыталась его оттолкнуть.
- Даже не думай!
- Да я вообще не могу думать.
- Она приподнялась на цыпочках и прикусила ему нижнюю губу.
- Я потом отработаю. Обещаю.
- Простонав, он отпустил Сэм.
- Я тебе напомню.
- Э, насчет того, что он сказал обо мне... в конце... Нам, наверное, стоит об этом поговорить.
- Ник приложил палец к ее губам.
- Потом.
- Возблагодарив отсрочку, Сэм перевела дух.
- Так что там между тобой и папой? – спросила она.
- Мы в некотором роде достигли соглашения.
- Подняв бровь, Сэм с подозрением изучала его.
- Какого рода?
- Это останется между нами.
- Мне не нравится, как это звучит.
- Ник чмокнул ее в нос.
- А тебе и не должно нравиться.

От стука в дверь они вздрогнули.

– Войдите, - пригласила Сэм.

Дверь открыл Гонзо.

– Простите, что прерываю...

– Ты ничему не помешал, – сказала Сэм, многозначительно глядя на Ника. – Что случилось?

– Там пришла какая-то женщина, хочет видеть тебя. Не назвалась, настаивает, что будет говорить с тобой и только с тобой. С виду расстроенная.

– Ладно. Приведи ее. – Обращаясь к Нику, попросила: – Не возражаешь, если отвезешь отца домой? Я скоро буду.

– Конечно.

Ник наклонился поцеловать ее.

– Не обсуждай с ним меня.

– Размечталась, – заявил он и, смеясь, покинул комнату. – Приложи к шее лед.

Сэм проводила взглядом его упакованную в джинсы задницу и вздохнула от удовольствия. Он принадлежал ей, весь, с ног до головы, и этому она никак не могла поверить. Хотелось пуститься от счастья в пляс, ее просто распирало изнутри.

Гонзо сопровождал до двери смущенную женщину и пригласил войти.

– Это сержант Холланд.

– Садитесь. – Сэм указала на стул и благодарно кивнула Гонзо, отпустив его. – Как вас зовут?

Женщина теребила ухоженными пальцами модную сумочку, глядя на Сэм темными потерянными глазами.

– Андреа Дейли.

– Чем могу быть полезна, мисс Дейли?

– Миссис Дейли. – Женщина вперила взгляд в пол и затряслась от рыданий. – Я совершила ужасный поступок.

Сэм вышла из-за стола и прислонилась к краю.

– Расскажите, может, я смогу вам чем-нибудь помочь.

Андреа вытерла с лица слезы.

– В ту ночь, когда убили сенатора...

У Сэм закололо в затылке.

– Вы знали его? Сенатора О'Коннора?

Андреа помотала головой.

– Я никогда ничего подобного не делала. Моя семья значит для меня все. У меня дети.

– *Миссис* Дейли, я не смогу вам помочь, если вы мне не расскажете, что вы сделали.

– Я была с Терри О'Коннором, – прошептала та. – Провела с ним всю ночь в «Дейз Инн» в Лисбурге. – Она вытерла нос. – Когда я увидела сегодня в новостях, как его увозят полицейские... Я не могла позволить. Он ничего не делал.

– Я знаю.

Андреа недоверчиво уставилась на Сэм.

– Я рисковала своим браком, семьей, а вы уже знали?

– Вы поступили мужественно, придя сюда, – протянула ей руку Сэм. – Правильно сделали.

– Вот будет хорошо, когда муж прочтет об этом в газетах.

– В газетах ничего не будет. Если ваш муж узнает, то только от вас самой.

– Неужели?

– Терри О'Коннор вас не запомнил. Он был настолько пьян, что даже не смог описать женщину, с которой был. Простите, если это вас задевает, но такова правда. Поэтому лишь двое в этой комнате знают, что он был с вами. Я знаю, как поступлю с информацией. А как поступите вы – дело ваше.

Андреа повесила голову.

– Я никогда прежде не изменяла мужу. За девятнадцать лет я никогда даже не взглянула на другого мужчину. Но он много путешествует, и последние два года мы отделились. Мне было одиноко.

– Я вас понимаю лучше, чем вы можете представить. – Сэм потеряла синяки на горле, которые уже начали болеть. – Но если вы любите мужа и хотите сохранить брак, держитесь подальше от баров, ступайте домой и займитесь семьей. Вам повезло, вы еще легко отделались.

– Поверьте мне, я понимаю. – Андреа встала и протянула руку: – Спасибо.

Сэм сжала ее ладонь обеими руками.

– Спасибо, что пришли. Вы правильно сделали. Я на девяносто девять процентов исключила его из подозреваемых. Вы просто добавили мне такой нужный один процент.

– Что ж, полагаю, оно стоило того.

– Удачи, миссис Дейли.

– И вам, сержант. Сенатор О'Коннор был хорошим человеком. Надеюсь, вы найдете того, кто убил его.

– Найду. Можете на это рассчитывать.

Сэм стояла в дверях и смотрела вслед уходящей Андреа.

– И кто она? – спросил Фредди.

– Алиби Терри О'Коннора.

Глаза Фредди зажглись.

– Не может быть.

– Ага.

– Ты сделала официальное заявление?

– Нет.

– Почему?

– Потому что мне это ничего не даст, а она потеряет все. Леди рассказала мне, что нужно. И этого довольно.

– Преклоняюсь не только перед твоей интуицией, но и перед добротой.

– Иди на хрен, Круз, – фыркнула Сэм, закатывая глаза. – Ты послал Питера приложить лед?

– Ага. Послал парамедиков взглянуть его разбитый шинобель. Он вопил о полицейской жестокости.

– Чистая самооборона. – То, что она спровоцировала Питера напасть на нее, для федерального прокурора не будет иметь значения в свете улики, подтверждающих, что он причастен к подложенным бомбам.

– Именно это, черт возьми, и было.

– Что слышно от Гонзо и Арнолда?

– Мать Натали сказала, что дочь хочет побыть одна и не может подойти к двери. Они не стали настаивать, поскольку ты хотела лишь убедиться, что она у родителей – наши люди видели, как она выглядывала из окна на верхнем этаже. Ноэль провел время, работая на дворе и мою машину... Гонзо просто забрал его для проверки на детекторе лжи.

– Давай устроим и ей то же самое завтра после похорон.

– Идет.

– Итак, на чем мы остановились? – Сэм сняла заколку и пропустила волосы сквозь пальцы. – Наши главные подозреваемые, оба с мотивом и возможностью, указывают пальцем друг на друга, но мы пока не нашли ничего на них.

– Кроме ее умершего бойфренда. Подозрительный факт.

– Если бы она имела к этому отношение, знал бы об этом ее муж? Стала бы она ему все рассказывать о дружке, который трагически погиб при пожаре?

– Трудно сказать. Убийцы порой весьма самонадеянны. Они часто хотят, чтобы люди знали о том, что они совершили, ну, потешить самолюбие.

– Я не уловила никаких флюидов от Ноэля. Скорее уж ощущение, что у него разбито сердце. – Сэм проверила часы и увидела, что уже второй час. – Я хотела еще раз поговорить с Натали, но думаю, что отложу, пока не проверим ее на детекторе, чтобы понять, нужно ли выкладывать карты касательно ее умершего парня. Пусть Гонзо запишет ее подозрения насчет мужа на диктофон сегодня в течение дня. Я не расположена подозревать Ноэля, но хочу, чтобы это приобщили к делу.

– Похоже, план хороший. Считаешь, что никто из них не имеет отношения к убийству, и она просто пытается избавиться от мужа, за которого ей не стоило выходить замуж?

– В настоящий момент я бы сказала, все возможно, но я все еще остаюсь без главного подозреваемого на третьем дне расследования. Вот шеф-то обрадуется.

– Как насчет того, что я напишу подробный отчет с утра?

– Буду признательна. – Сэм подумала секунду и решила, что сейчас настал благоприятный момент. – Можешь зайти на минутку?

– Конечно. – Фредди захлопнул за собой дверь кабинета. – Что такое?

– Знаешь, я тебе благодарна за помощь в отчетах.

– Да без проблем.

– Ну, а для меня это вроде проблемы. – Сэм потеряла живот. И выпалила: – У меня дислексия. Борюсь с ней всю жизнь. И хотя по большей части справляюсь, но я знаю, что ты, должно быть, изумляешься странным ошибкам и тому подобное.

– Почему ты не сказала мне раньше? Я мог бы взять на себя все отчеты.

– Я вовсе этого не хочу. Хватит того, что ты уже и так много помогаешь.

– Тебе следовало мне сказать. Мы же напарники.

– Разве я о тебе все знаю?

Фредди съежился под ее прожигающим взглядом.

– По большей части все.

– У нас у всех есть секреты, Круз, и я совсем не хочу, чтобы со мной как-то особо обращались. И сейчас, когда ты знаешь, я не хочу, чтобы что-то менялось.

– Попросить помощи – это не слабость, Сэм. Ты просто человек.

– Уже во второй раз сегодня мне говорят, что я просто человек. Не говори никому о дислексии, ладно?

– Кому бы я сказал? – запыхтел он. – Если ты еще не поняла, что можешь мне доверять...

– Если бы не доверяла, то не сказала бы... – Сэм помедлила, прежде чем продолжить: – Прости, что услышал всю эту чушь, которую я говорила Питеру. Я знаю, что поставила тебя в неловкое положение.

– Ты провоцировала, чтобы он выдал себя, – это цель любого допроса.

– Все же...

– Я большой мальчик, сержант. Могу справиться.

Оценив Фредди по-новому, она посмотрела на него:

– Скопируй мне отчеты и можешь с утра отдохнуть, пока я буду на похоронах.

– Понял.

– Закончи бумажную работу и можешь быть свободен.

Фредди вытащил связку ключей.

– Ваша новая лошадка, мадам.

– О, что ты добыл мне? Новый Таурус?

– Ага. Темно-синий.

И продиктовал номер парковки.

– Отлично. Спасибо.

– Может, я подъеду позже посмотреть игру. То есть, если ты не возражаешь.

– Ведь тебя пригласил папа?

– Ну, да, но...

– Но что?

Фредди улыбнулся.

– Ничего.

Сэм натянула пальто.

– Увидимся позже. И спасибо, что уступил мне очередь с этим подонком.

– Да без проблем. – Он вышел вместе с ней из офиса и закрыл дверь за ними. – Сержант Холланд?

Она повернулась к нему, сбитая с толку его формальным тоном.

– Работать с вами – огромное удовольствие.

– Взаимно, детектив. Взаимно.

По дороге из участка Сэм задержалась, чтобы заглянуть в кабинет, которому скоро предстояло стать ее собственным. Еще с того дня, как стала детективом, она положила глаз на просторный угловой кабинет лейтенанта. Однако из-за вечной борьбы с дислексией по настоящему Сэм никогда не позволяла себе надеяться.

Она повернулась, чтобы уйти, и с размаху впечаталась в лейтенанта Стала.

– Спешите сплясать на моей могиле, сержант?

Ошеломленная его внезапным появлением, Сэм отступила в сторону, давая ему пройти, и заметила, что он несет коробку.

– Должно быть, чувствуете полное удовлетворение. – Он включил свет и грохнул коробку на стол. – Снюхалась со свидетелем, получила лейтенанта, украли мою команду. И тебе сошло с рук – и все за одну неделю.

Сэм прислонилась к дверному косяку, позволяя Сталу изрыгать гадости и ядовитые слова, и как загнипнотизированная наблюдала за трясущимся жирным подбородком.

– Ты что, в самом деле думаешь, что тебе сошло бы с рук это дерьмо со свидетелем, если твой папочка не был бы дружком шефа? – Стал бросил картинки и сувениры в коробку. – Можешь поспорить, отдел внутренних расследований с интересом присмотрится к этому. Вообще-то, возможно, это будет как раз первое порученное мною дело.

Сэм притворилась, что прислушивается к каждому его слову, когда мысленно планировала, где разместит собственные вещи.

– Ничего не кончено, сержант. Отказываюсь закрывать глаза на вопиющее нарушение основных правил кем-то, кто добивается, чего хочет, пользуясь своим особым положением.

Сэм ждала кулак, ей хотелось впечатать его в самый центр жирной физиономии, но нельзя дать противнику повода. Вместо того она вытащила из заднего кармана блокнот и ручку.

Стал сузил глаза.

– Что ты там пишешь?

– Просто записку уборщикам. Пусть сделают что-нибудь с вонью в этом помещении. – Маленькие красные пятна проступили на толстом лице. Сэм вернула блокнот в карман. – Удачи в крысиной команде, лейтенант, уверена, там вам самое место. – И повернувшись, вышла.

– Остерегайтесь, сержант, – крикнул он вслед. – Папочка не вечно будет подбирать за вами дерьмо.

Она обернулась:

– Если вы хотя бы косо глянете на моего отца, я лично сверну вашу жирную шею. Ясно?

Он поднял бровь:

– Угрожаете, сержант?

– Что вы, лейтенант. Просто обещаю.

Глава 31

Откликаясь на противостояние с лейтенантом Сталом, желудок Сэм горел огнем, пока она направлялась к выходу через морг, стараясь избежать прессы и добраться домой, где ждал Ник. Перспектива шумного воскресного обеда с сестричками и их семьями выглядела все лучше и лучше. Сэм уже почти улизнула, как в вестибюле ее остановил шеф Фарнсуорт.

– Хорошо, что я поймал вас, сержант. Уделите прессе десять минут. – Сэм застонала. – После взрыва бомбы вам придется показать общественности, что вы живы и усиленно работаете над делом О’Коннора. И дайте им знать, что очистили от подозрений Терри О’Коннора, пока президент не потребовал подвесить мою задницу.

– Да, сэр.

– Они спросят о Каппуано.

Потерев живот, Сэм взглянула в сторону кругов прессы, собравшихся на площади.

– Справлюсь.

– Я буду рядом.

– Спасибо, – поблагодарила она, понимая, что его присутствие даст понять всем, что департамент твердо ее поддерживает.

– Что-то ты бледная. Дать тебе минуту?

– Нет. – Сэм подавила боль и застегнула пальто. – Давайте быстрее покончим с этим.

И шеф последовал за ней в водоворот. Репортеры пришли в неистовство, наперебой обрушивая на Сэм вопросы. Шеф Фарнсуорт поднял руку, чтобы их утихомирить.

– Сержант Холланд ответит вам, если вы дадите ей возможность.

Когда Сэм шагнула к микрофону, толпа затихла.

– Сегодня мы исключили Терри О’Коннора из числа подозреваемых в убийстве его брата. У нас есть список других лиц, который мы изучаем.

Сэм хотелось бы, чтобы так и было, но она не могла публично признаться, что следствие зашло в тупик.

– Вы можете огласить этот список?

– Нет, чтобы не скомпрометировать расследование. Как только сможем, мы вам объявим.

– Можете еще что-нибудь рассказать о расследовании?

– Не сегодня.

– Как близко вы подошли к тому, чтобы кого-нибудь арестовать?

– Не так близко, как хотелось бы, но гораздо важнее, что мы выстраиваем дело так, чтобы можно было представить его суду без поспешных выводов.

– Зачем детектив Круз ездил в Чикаго?

– Без комментариев. – Ни за что она не сдаст им Томаса О’Коннора. Пусть сами думают, что хотят.

– Семья Джонсонов причастна ко вчерашнему взрыву?

– Нет. Мы произвели арест, не относящийся к Джонсонам. – Сэм посмотрела вниз и собралась с духом, чтобы пройти через неизбежное. – Моего бывшего мужа, Питера Гибсона, привлекли за два покушения на убийство посредством подложенных бомб наряду с прочими обвинениями.

– Почему он пошел на это? – крикнул один из репортеров.

– Мы считаем, его разозлили мои отношения с мистером Каппуано.

– Вы были знакомы с мистером Каппуано до этого расследования?

Скрипнув зубами, Сэм заставила себя сохранять спокойствие и не доставить им удовольствие увидеть ее чувства.

– Мы встречались несколько лет назад, у нас были короткие отношения.

– А вы уведомили старших офицеров, что у вас отношения с важным свидетелем? – спросил Дарен Табор из *Washington Star*. Этот репортер особенно резко выступал против нее в своих репортажах о провальном случае с Джонсоном.

Сэм сильнее сжала пальцами край трибуны.

– Нет.

– Почему?

– Я твердо решила закончить расследование смерти сенатора и верила, что помощь мистера Каппуано будет неоценима, как и оказалось. Благодаря его помощи мы продвинулись гораздо дальше, чем если бы обошлись без нее.

– И все-таки, не переступаете ли вы этическую грань, особенно в свете известности, которую приобрели благодаря случаю Джонсона? – спросил с самодовольной ухмылкой Табор.

– Если бы проверили мой послужной список за двенадцать лет, то нашли бы, что мое поведение безупречно.

– До недавнего времени.

– Вам решать, – сказала Сэм, стараясь сохранить хладнокровие и мысленно взяв на заметку проверить неоплаченные штрафы журналиста за неправильную парковку. Ей доставит великое удовольствие получить ордер на его арест.

– Это правда, что мистер Каппуано – получатель по страховому полису сенатора? – спросил Табор.

Сэм стиснула зубы. Как, черт возьми, *это* просочилось?

– Да.

– Разве это не дает вам мотив?

– Возможно, если бы он знал о страховке.

– Вы верите, что он не знал?

– Он был удивлен, так же как и мы. Мистер Каппуано чист от любых подозрений в причастности к смерти сенатора.

– У вас с мистером Каппуано все *серьезно*?

Сэм чуть не застонала, узнав журналистку-блондинку одного из желтых изданий.

– Прошла всего неделя, – ответила Сэм, засмеявшись.

– Но серьезно или нет?

«Что мы, *старшекласники* какие-нибудь?» – хотелось рявкнуть в ответ Сэм.

– Стала бы я связываться в ином случае? Следующий вопрос.

Она увидела удовлетворенную усмешку журналистки и дала знать, что закончила беседу о своей личной жизни.

– Вас беспокоят угрозы Дестини Джонсон? – спросила другая репортерша.

С облегчением сменив тему, Сэм взглянула на репортершу, в которой узнала сотрудницу одного из второстепенных каналов.

– Миссис Джонсон – скорбящая мать. Я искренне ей соболезную.

– Как насчет Маркуса Джонсона?

– Как свидетель, дающий показания на его предварительных слушаниях, обойдусь без комментариев.

– Сержант, на следующей неделе исполняется два года, как в вашего отца стреляли. Есть новые улики в этом деле?

– К несчастью, нет. Дело не закрыто. Всякого, кто обладает информацией, настоятельно прошу выйти вперед.

– Как он?

– Хорошо. Спасибо, что спросили.

Шеф Фарнсуорт выступил вперед, чтобы ее спасти.

Сэм жестом остановила его.

– Я просто хочу сказать... - Она прочистила горло от волнения. – Большая честь служить жителям нашего города, и пока вы придираетесь, я ничего не могу сделать, не могу рисковать, чтобы защитить наших граждан. Если вам этого недостаточно, ну так можете продолжить высасывать истории обо мне, вместо того чтобы сосредоточиться на настоящих новостях. Это все.

Пока репортеры выкрикивали все новые вопросы, Сэм протискивалась сквозь их толпу на стоянку для персонала, где ее ждала новенькая машина. Только очутившись внутри в безопасности, начала дышать, преодолевая боль.

Из машины Сэм позвонила Нику.

– Привет, милая, – ответил он.

Секунду она наслаждалась легкой фамильярностью, которую приобрел их разговор, словно они вместо нескольких дней были вместе долгие годы.

– Сэм?

– Я здесь.

– Все хорошо?

– Теперь да, стоило мне услышать твой голос. Что делаешь?

– Сажу на твоей кровати и пытаюсь набросать речь, которую придется завтра говорить на похоронах. До меня доходит, что должен буду говорить перед президентом и большей частью Конгресса.

Сэм присвистнула.

– Я бы, наверно, не смогла.

– Наверняка смогла бы. Ты только что справилась с армией вашингтонской прессы.

– Ты видел?

– Угу. Услышал, что между нами все серьезно. Ты в курсе?

Засмеявшись, она сказала:

– До меня дошли такие слухи.

– Скажи еще раз, Сэм, - попросил он хрипловатым сексуальным голосом.

Сердце сжалось.

– Сказать что? – спросила она, хотя точно знала, о чем говорит Ник.

– Не прикидывайся, что не понимаешь. Скажи.

– Когда с тобой увижусь.

– И когда это будет?

– Я почти дома. Хочешь, выходи мне навстречу, погуляем. Я обещала, что схожу с тобой на рынок.

– Было такое. Неужели только *вчера*?

– Точно было. Встретимся на углу в пять? Если я зайду домой, то окажусь в ловушке, а мне нужно немного подышать воздухом.

– Буду на месте.

Ник ждал ее, когда она припарковалась перед домом и, выйдя, направилась к углу.

Сердце Сэм замерло при виде своего парня в джинсах и черной кожаной куртке, и она поневоле ускорила шаг, чтобы поскорей до него дойти, шагнула в раскрытые объятия и ойкнула, когда он подхватил ее и поднял.

Ник запечатлел на ее губах страстный поглотивший дыхание поцелуй.

– М-м-м, – промычала она ему в губы. – Я по тебе соскучилась.

– Ты же видела меня всего пару часов назад.

– Как давно.

Она прильнула к его шее, уткнувшись носом в теплую кожу.

Он вздрогнул и теснее прижал ее.

– Что случилось с твоим запретом на обнимашки на людях?

– Минутное затмение.

– Мне нравится. – Ник вернул Сэм на землю обетованную и поднял ей подбородок. –

Так что ты собиралась мне поведать?

Она подумала было дать уклончивый ответ, но взглянув на его красивое лицо, поняла, что не сможет.

– Я люблю тебя. Сильно.

В глазах его заплясали смешинки.

– Сильно, вот как?

– Жутко сильно.

– Не жутко. – Он крепко ее обнял. – Потому что я люблю тебя сильнее.

– Не может быть.

– Спорим?

И засмеявшись при виде гримасы, которую скорчила Сэм, он обнял ее за плечи и повел к рынку.

Пестрое смешение ремесел, оттенков, национальностей, запахов и тканей, Восточный рынок наполняла толпа покупателей, которые откладывали рождественские покупки до последнего, а теперь храбро встречали промозглый холод и отчаянно торговались с продавцами.

– Ты не поверишь, но я здесь никогда не был, – признался Ник, когда они миновали ряд пахучих рождественских елок.

Сэм уставилась на него.

– Ты серьезно? Сколько времени ты работал за несколько кварталов отсюда?

– Ну, до Джона я работал на одного конгрессмена, так что, полагаю, почти четырнадцать лет.

– Как грустно, Ник. Даже жалко. Блошиный рынок открыт каждый уик-энд, круглый год.

– Как я и слышал, – со смиренной улыбкой сказал он. – Знаешь, я считал, блошиный рынок – сплошное барахло. Никак не ожидал увидеть все эти вручную сделанные чудеса.

– Можно откопать тут что-нибудь оригинальное, и обычно лучше, чем то, что купишь в магазине.

– Теперь вижу.

– Привет, Сэм, – позвал один из продавцов.

– Как идут дела, Рико?

– Ажиотаж, слава богу. Слышал о тебе в новостях вчера вечером. Ты в порядке?

– Просто прекрасно. Не беспокойся.

– Рад слышать. Приводи отца как-нибудь в уик-энд.

– Приведу.

После нескольких обменов подобными репликами, Ник спросил:

– Ты знаешь всех этих людей или только так кажется?

Она пожала плечами, перебирая на прилавке пушистые вязаные шарфы.

– Это мой район. Я тут постоянно бываю. – Обернув ярко-розовый шарф вокруг шеи, Сэм покрутилась перед Ником. – Как тебе?

Он поморщил нос.

– Не твой цвет, милая.

– Моя племянница Брук твердо верит, что никто старше четырех не должен носить розовое.

– Забавно. Сколько ей?

- Пятнадцать переходящие в тридцать. Ты встретишься с ней. – Вернув шарфик на место, она пошла к следующему киоску и заметила красивую картину, изображавшую Капитолий, в рамке, которую она тут же решила подарить Нику. Умирая от желания взглянуть на нее поближе, Сэм потеряла ладони и согрела их дыханием. – Не хочешь выпить горячего шоколада?

– Конечно.

– Его продают прямо вон там.

С подозрением поглядывая на нее, Ник посмотрел туда, куда она показывала.

– Ладно.

Сияя ослепительной улыбкой, Сэм встала на цыпочки и поцеловала его.

– Спасибо.

– Что с тобой?

– Ничего. – Она чуть подтолкнула его. – Ну иди же.

Только Ник пересек улицу, как Сэм повернулась и вцепилась в ничего не подозревавшего художника в соседнем киоске.

– Вот эту. Прямо сейчас. Сколько?

– Триста пятьдесят.

– Покупаю. Принимаете чеки?

– С водительским удостоверением.

– Давайте быстро.

Они совершили сделку в рекордно короткие сроки, и Сэм приняла обернутый в коричневую бумагу пакет за несколько секунд до того, как возвратился Ник с двумя дымящимися чашками шоколада.

– Что купила?

– Кое-что для папы.

– Ты ужасная врушка, Саманта. Это значит, что мне тоже придется купить что-нибудь для тебя?

– Только если мечтаешь о сексе в Новом году, – с нахальной улыбкой сказала она.

– В таком случае, чего бы ты хотела? Только в пределах небес.

Так, подшучивая друг над другом и смеясь, они прокладывали путь в толпе к крытому продуктовому рынку, когда внимание Сэм привлекла вспышка металла. Все стало происходить словно в замедленной съемке, когда Сэм поняла, что это оружие. В долю секунды она толкнула Ника в сторону, уронила картину и стаканчик шоколада, вытащила собственный пистолет и бросилась к стрелку.

– *Детоубийца!* – выкрикнула женщина, стрельнув и не попав в цель.

Люди завопили и кинулись в укрытие, пока Сэм боролась с крупной женщиной на земле, стараясь ее разоружить. Краем глаза Сэм увидела черный ботинок Ника.

– Назад! – крикнула она, в этот момент женщина локтем заехала ей по челюсти.

Ник наступил противнице Сэм на руку, и пистолет со стуком упал на мощеную улицу.

– Не прикасайся к нему! – приказала Нику Сэм, беря в наручники нападавшую.

– Ты убила Квентина! Ты убила нашего *мальчика!*

Что-то в голосе показалось знакомым.

– Квентина убил Маркус, – прорычала Сэм в ухо женщине, застегивая наручники. Перевернув ее, Сэм не удивилась, узнав Доун, сестру Дестини Джонсон. – Кого-нибудь задело? – спросила Сэм у Ника.

– Не думаю. – Он смотрел на нее с побледневшим лицом и расширившимися потрясенными глазами. – Я слышал, кто-то звонил 911.

– Спасибо за помощь.

– Не за что.

Рынок вокруг них медленно возвращался к нормальной жизни. Сэм сидела на бордюре с Доун, пока не появилась пара патрульных, чтобы снять показания и увезти задержанную. Сэм пообещала написать свою часть рапорта и отдать им позже.

– Отличная работа, Сэм, – похвалил один из продавцов.

– Спасибо, – сказала она, пока Ник помогал ей встать.

Только она выпрямилась, как задохнулась от боли, которую умудрилась позабыть во время конфликта, сразу ослабев.

– Господи Иисусе, Сэм, – вполголоса сказал Ник.

– Все н-нормально, – заверила Сэм, согнувшись пополам и глубоко дыша. – Просто дай секунду. – Потребовалось несколько минут, но она наконец выпрямилась и встретилась со взглядом карих глаз, в которых плескались испуг и гнев. – Все со мной хорошо.

– Ничего хорошего. – Ник взял ее за руку и потащил домой. – И не смей больше отталкивать меня в сторону, а самой бросаться на пистолет, слышишь? Никогда так не делай больше.

Испугавшись его тона, она остановилась и повернулась к Нику лицом.

– Это инстинкт и тренировка. Ты не можешь вчинить мне это в вину.

– А как ты думаешь, как я себя чувствую, я, мужчина, которого любимая женщина толкает в сторону, чтобы самой броситься на нее? А?

– Понятия не имею, – искренне призналась Сэм.

– Ну так позволь сказать, я от этого чувствую себя бесполезным долбанным дебилом.

– Я не из тех женщин, которым нужен большой сильный мужчина, чтобы ее защитить, Ник. Если именно это тебе надо, то выбрал не ту девочку.

– А ты думаешь, я из тех *мужчин*, которым нужно, чтобы их защищала женщина? Этого ты хочешь?

– О чем мы вообще спорим? – озадаченно спросила Сэм. – Я увидела стрелявшую, обезвредила. Что, черт возьми, сделала не так?

– Ты оттолкнула меня с дороги!

– Прости меня, что не захотела, чтобы прострелили твою упрямую задницу. В следующий раз позволю прострелить твою башку. Так будет лучше?

– А сейчас ты ведешь себя как вредина.

Потрясенная и охваченная ужасом, она уставилась на него и молча вознесла тысячу благодарностей Доун за то, что та превратила их романтический день в дерьмо.

– *Я вредина?* Неужели?

Не глядя, идет он следом или нет, Сэм потопала к дому. Войдя в дверь, услышала голоса в кухне и поняла, что появилась семья ее сестры Трейси. Однако прежде чем встретиться с родственниками, Сэм поднялась на второй этаж: ей сперва нужно было прийти в себя.

Что у Ника за проблема? Сэм вся кипела, пока снимала пальто. Бросила его на кресло и шлепнулась на кровать. «*Что я такого сделала, все просто пыталась защитить его жалкую задницу?*». Боль в желудке не могла сравниться с болью в сердце. Вот поэтому Сэм и держалась подальше от всяких отношений с тех пор, как порвала с Питером. Было бы просто здорово больше никогда не чувствовать это дерьмо.

Спустя несколько минут пришел Ник, принес пакеты, которые она бросила в неразберихе.

– Кажется, это твое, – сказал он, кладя их на стол и снимая пальто.

Сэм поверить не могла, что в запале забыла о картине.

– Спасибо.

Ник присел на край кровати и провел пальцем по синяку на щеке Сэм.

Она поморщилась, когда он задел место, куда захала локтем Доун.

– Тебе надо приложить лед. – Он переплел ее пальцы со своими. – С шишкой на голове, синяками на груди и шее, а теперь еще и с вот этим, ты представляешь красочное абстрактное полотно.

– Обычно такого не бывало. Клянусь Богом, такого сумасшествия никогда прежде не было.

– Приятно слышать, потому что не думаю, что смогу справляться с такими волнениями каждодневно. – Он поднес сплетенные руки к губам и поцеловал каждый ее пальчик. – Прости, я чересчур остро отреагировал.

Сэм изумленно открыла рот:

– Ты только что *извинился*?

– Да, – вздохнул он. – А что?

– Не думала, что парни это умеют. Такое со мной впервые. Придется тебе меня извинить, дай понаслаждаться моментом.

Ник сузил глаза.

– Мне уже захотелось взять слова обратно.

Сэм засмеялась.

– Пожалуйста, не надо. – Она потянулась и погладила волосы, которые завивались у него за ухом. Сэм вглядывалась в это лицо, которое успела так сильно полюбить за столь короткое время. – Я пытаюсь понять, почему ты так разозлился.

– Ты поступила так, как тебя тренировали, и только потому, что мне это не понравилось, не значит, что ты неправа.

– Ух ты. Вот уж воистину для меня исторический момент.

– *Саманта...*

– Я всегда буду убирать тебя из-под пули, Ник. Если не можешь с этим смириться, то готовься, что у нас будут проблемы.

– У нас, так или иначе, будут проблемы. Поэтому как насчет того, чтобы с ними справиться? Когда я неправ, я всегда буду это признавать. А когда неправы ты, ты тоже признаешь.

– Я?

– Ага. Вот так. Единственный способ.

– Ты опять все анализируешь и раскладываешь по полочкам?

– Если хочешь, то да.

– Прекрасно, – уступила она. – В тех редких случаях, когда я совершенно точно в чем-то неправы, я это буду признавать. Ты доволен?

– Странно, но да, – ответил Ник, наклоняясь, чтобы поцеловать ее.

Сэм запустила пальцы ему в волосы.

– И я тоже.

Глава 32

После ужина Сэм присоединилась к сестричкам на крыльце разделить сигарету. Она наклонилась, чтобы закрыть Трейси от ветра, пока та прикуривала, а Анжела сидела по другую сторону. Каждая делала затяжку, прежде чем передать сигарету по кругу.

– Ох, как же я в этом нуждалась, – выпуская длинную струю дыма, заявила Трейси, которая в свои сорок была старшей. Она была одного роста с Сэм, но после каждого из своих троих детей набирала лишние три килограмма.

Анжела в тридцать шесть снова стала стройной после рождения сына Джека, со дня которого уже минуло пять лет.

Дверь распахнулась, и Анжела спрятала сигарету за спину.

– Мам, Джек мельтешит туда-сюда перед телеком и никак не остановится, – заныла пятнадцатилетняя Брук, полная возмущения. С длинными темными волосами, голубыми глазами и фарфоровой кожей - изысканная красота девочки служила источником великой боязни родителей, ведь мальчики начали проявлять к ней немалый интерес.

– Прости, – откликнулась Анджела. – Пойду усмирю его.

Трейси остановила ее и обратилась к дочери:

– Выключи телевизор и побудь с кузенком. Он только хочет твоего внимания.

Пыхтя от негодования, Брук исчезла в доме.

– Прости, – сказала Анжела. – Ему нравится компания детей.

– Не переживай, – успокоила Трейси. – Они достаточно смотрят телевизор и дома.

Нечего им смотреть его еще и здесь.

Дверь снова открылась, на сей раз сигарету сунула за спину Сэм, увидев, что вышел Ник.

– А я-то гадаю, куда все исчезли. Твой отец предложил: «Проверь крыльцо, наверно, сидят, покуривают сигаретку и считают, что никто этого не знает». Я ему говорю: «Что вы имеете в виду, Скип? Саманта не курит».

За спиной Сэм, отработанным в совершенстве годами жестом, передала сигарету Анджеле. И улыбнулась Нику:

– Конечно, я не курю. Я тебе нужна?

– Да хотел спросить, если не возражаешь, поедem сегодня ко мне домой.

– Не возражаю. Я скоро буду, и поедem.

– Ладно.

Как только за Ником закрылась дверь, Анджела затянулась остатками сигареты.

– М-м-м. Тили-тили тесто.

Сестра уставилась на нее.

– Ты серьезно только что сказала «тили-тили тесто»? – спросила Трейси.

– Да брось. Он просто ням-ням. И он что, назвал тебя Самантой?

Сэм пожалла плечами, щеки запыхали от смущения.

– Ему нравится так звать меня.

– Должно быть, ты и впрямь увязла с ним, если терпишь это, – заявила Анджела. – А как секс?

– Анджела! – воскликнула Трейси.

– Что? Только не говори, что не хочешь узнать сама.

Обе выжидающе уставились на Сэм.

– Ну ... знаете... *удивительно*.

– Я помню удивительный секс, – со вздохом сказала Трейси. – По крайней мере мне кажется, что помню.

– Прекрати, – толкнула бедром сестричку Анжела. – Майк до сих пор от тебя без ума.

– Угу, наверно. И так, Сэм, не хотела спрашивать перед детьми, но как там это умопомешательство с Питером... Ты в порядке?

– Вообще-то, для меня чересчур узнать, что он ненавидит меня до такой степени, что хочет убить.

– Я думаю, он скорее больной и своим извращенным способом тебя любит, – высказалась Трейси.

Анджела кивнула в знак согласия.

Сэм поведала о встрече с Ником шесть лет назад, и что проделал Питер, чтобы их разлучить.

– Вот сволочь, – пробурчала Анжела.

Сэм засмеялась, гася сигарету. Боль в животе и паршивый вкус во рту напомнили ей, почему она давно бросила курить.

– Давай, не стесняйся, скажи все, что на самом деле думаешь, Эндж.

– Ненавижу этого ублюдка.

– И я тоже, – присоединилась Трейси. – Развестись с ним – лучшее, что ты сделала. Вечно хотел знать, где ты и что делаешь. Уж он-то ни за что не ушел бы в дом, как сейчас поступил Ник. Обязательно захотел бы узнать, о чем мы тут шепчемся.

– Знаю, – подтвердила Сэм. – Когда вспоминаю, что он не передал, что звонил Ник... Как мне хотелось тогда встретиться с Ником после той ночи.

– Возможно, ты совсем пропустила бы всю сагу с Питером, – предположила Трейси.

– Может, все, что случилось с Питером, с малышами и тому подобное, произойдет и с Ником, у нас выйдет так же плохо.

Сестрички обняли ее со всех сторон.

– Не имеет смысла думать наперед, – предупредила Трейси.

– У меня не было подходящего случая рассказать Нику все.

– Ему будет все равно, – заверила Анджела. – Он без ума от тебя. Не сводит с тебя глаз, но не в том смысле, как Питер. Скорее, смотрит с обожанием.

– У него не было нормальной семьи, и я знаю, что он хочет завести такую.

– Есть и другие пути, дорогая, – заверила Трейси. – Ты это знаешь. Не переживай раньше времени. Наслаждайся, пока ты с Ником. Ты заслужила счастье после всего, через что прошла.

– Спасибо, – крепко обнимая их, сказала Сэм. – Рада-радешенька, что вам, ребята, он понравился.

– Тили-тили тесто, – снова пропела Эндж, и сестры дружно рассмеялись.

– Кстати, как насчет папы и Селии? – сменила тему Сэм.

Фредди позвонил как раз, когда Сэм и Ник собирались покинуть дом Скипа.

– У нас еще одно тело, сержант.

Сэм пронзил всплеск адреналина.

– Чье?

– Тара Давенпорт.

– О, черт, – вздохнула Сэм, вспомнив застенчивую официантку с Капитолийского холма, которую они допрашивали. – Где?

– В ее квартире. – Фредди продиктовал адрес. – Паршиво, Сэм. Кто бы это ни сделал, он точно заставил ее помучиться.

– Сейчас буду.

Ник настоял на том, чтобы отвезти ее на место преступления. По дороге Сэм посвятила его в сведения о Таре.

– Она была очень милой, – вспомнил Ник. – Когда мы приходили на ланч, то просили столик, который она обслуживала. Поверить не могу, что кто-то захотел причинить ей вред.

– Вряд ли это простое совпадение. Наверняка связано с делом О’Коннора. Он говорил тебе, что встречается с ней?

– Он никогда не обсуждал это со мной, но я знал. Он был гораздо старше ее. Уверен, он думал, что я бы не одобрил.

– А ты говорил что-нибудь?

– Не совсем, они ведь оба были взрослые и встречались по обоюдному согласию, поэтому я держал свое мнение при себе.

Поскольку дом Тары окружали машины полиции и медиков, Сэм попросила Ника втиснуться между транспортом.

У дверей квартиры Тары их встретил Фредди с мрачным выражением.

– Избита, связана, изнасилована и задушена.

Напрягшись, как стальная пружина, Сэм проследовала за ним в спальню.

– Боже всемогущий, – прошептала она при виде кровавой бани.

Позади втянул воздух Ник.

Сэм резко обернулась.

– Тебе нужно уйти. – Поняв, что он на грани обморока, она толкнула его в кресло и заставила наклонить голову ниже колен. – Дыши.

– Все нормально, – пробормотал Ник, снизу на нее глядя. Он помотал головой. Глаза остекленели от шока. – Кто мог такое сотворить? Кто?

– Не знаю, но собираюсь выяснить.

– Давай, иди. Прости за малодушие.

Сэм оставила его в гостинной и вернулась в спальню, пока Фредди фотографировал сцену преступления. Тара лежала связанной, с кляпом во рту и, судя по луже крови между ног, многократно изнасилованной.

– Кто ее нашел? – спросила Сэм Фредди.

– Одна из ее сменщиц обратилась к управляющему, чтобы позволить ей войти, когда Тара не пришла на работу второй день подряд.

В комнате появилась медэксперт доктор Линдси Макнамара.

– Черт. Только подумаешь, что уже все повидала...

– Ты шутишь? – сказала Сэм.

Один из криминалистов поднял с пола бейсбольную битку. Толстый конец палки был измазан кровью.

– Похоже, эту штуку использовали для битья наравне с другими вещами...

Женщины поморщились.

Сэм изучала молодую официантку, которая была так расстроена разрывом с О'Коннором.

– Когда наступила смерть?

Линдси натянула перчатки и закрыла глаза Таре.

– С виду от двадцати до тридцати часов, но точно узнаю только в лаборатории.

– Мне нужно время смерти как можно быстрее, чтобы выстроить временную шкалу.

Линдси кивнула.

– Кто с тобой так обошелся, милая? – прошептала сердобольная докторша. – Не беспокойся. Мы их найдем. – Линдси посмотрела зелеными глазами на Сэм: – Ведь правда?

– Ставь свою задницу, найдем.

– Езжай и забери Элин Сведсен, – дала указание Фредди Сэм, прислушавшись к интуиции.

– Правда? – Нотка удовольствия в тоне напарника не укрылась от Сэм. – А мне заплатят сверхурочные?

– Забери ее в отель и организуй круглосуточную охрану.

– Понял: забрать богиню в отель и присмотреть за ней. Думаю, смогу справиться.

Сэм с облегчением слушала снова его шутки после двух страшных часов, которые они потратила ни Тару.

– Я пошлю Гонзо в Белл-Хейвен забрать Джордан. Хочу взять ее под защиту.

– Ноэль прошел детектор лжи.

– Да, я получила известие час назад.

– Что думаешь, босс?

– Патриция Дональдсон сказала тебе, где остановится в городе, когда приедет на похороны?

– Нет, но могу попытаться выяснить, – нахмутив брови, ответил Фредди.

– Сделай. Могу ошибаться, но собираюсь вытащить на свет записи с ее кредитки, не покупала ли она недавно билет до Вашингтона.

– Брось, Сэм, ты же не думаешь, что она... Эта женщина любила его до безумия.

– А он, черт возьми, перетрахал пол столицы, пока она растила сына у черта на куличиках. – Что-то звякнуло в голове, когда все кусочки начали складываться на место. – Я вытащу записи, ты найди Элин.

– Можешь рассчитывать, я о ней хорошо позабочусь, – посерьезнев, заверил Фредди. Сэм закатила глаза.

– Полегче там. А то что-нибудь вывихнешь.

Выйдя из здания, Сэм нашла Ника, который стоял, прислонившись к машине.

– Ты не замерз?

– Беда не в холоде.

Лицо его было белым как мел, глаза влажные то ли от холода, то ли от потрясения.

– Не стоило тебе идти за мной. Я же говорила остаться здесь.

– Не понимаю, как тебе это удается, – тихо сказал Ник. – Как можешь день за днем стоять и смотреть на такое? Никогда не забуду то, что там увидел.

– Хотелось бы сказать, что подобное вижу впервые, но увы.

Ник потянулся обнять ее, но Сэм оттолкнула его и проворчала:

– Никаких нежностей, когда тут кишат копы.

Сунув руки в карманы, казалось, он пытается прикусить язык. Сэм сняла заколку и пропустила пальцы сквозь волосы.

– Мне нужно порыться в компьютере. Не возражаешь подбросить меня в управление?

– Только там эта информация есть? Ты не можешь выйти онлайн у меня дома?

Сэм посмотрела на часы.

– Десять сорок. Полагаю, может получиться.

Ник предложил вести машину до Арлингтона, а Сэм так устала после выматывающего дня, что позволила.

– Самое время для поездки по трассе. – Она показала рукой на пустынную автомагистраль I-395, когда они проезжали мимо Мемориала Джефферсона по пути к Четырнадцатой Стрит-Бридж.

– Если бы только утром было что-то подобное.

Сэм повернула голову, чтобы видеть его профиль в оранжевом мерцании уличных фонарей. Стараясь хоть как-то отвлечь их мысли от того ужаса, которому они были свидетелями у Тары, Сэм спросила:

– Признайся, моя семейка тебя чересчур утомила?

– Что? Нет, разумеется нет. Все очень милые.

– Ты им понравился.

– Что это за история с твоим зятем Спенсером?

Сэм улыбнулась.

– Иногда его бывает слишком много.

– О да. Большого мнения о себе.

– Мы его терпим, потому что он готов землю целовать, по которой ходит Анджела.

Готов для нее что угодно сделать.

– Майк куда нормальнее.

– Я его обожаю.

Ник многозначительно глянул на Сэм.

– Не в том смысле, – засмеялась Сэм. – Просто отдаю ему должное. Он воспитал Брук как собственную дочь...

– Так она *не его*?

Сэм помотала головой.

– Отцом был парень, с которым Трейси недолго встречалась. Когда они обнаружили, что Трейси беременна, он сбежал, и она о нем больше не слышала. Пару лет спустя Трейси встретила Майку. Когда они поженились, он удочерил Брук.

– Никогда не подумаешь, что она не его дочь.

– Вот поэтому я его очень люблю. Мы все. Он не делает различия между ней и Эбби с Этаном.

– Да, похоже, не делает, – согласился Ник. – Мне он понравился теперь еще больше.

– Он для меня старший брат, которого у меня не было.

– Так вот почему он меня поджаривал на сковородке, допытываясь, откуда я, чем занимаюсь и каковы мои намерения в отношении тебя.

– О нет, он не мог – воскликнула изумленно Сэм.

– Да, именно этим он и занимался. И еще дал понять, что твой отец услышит подробности этого допроса. Вообще-то, готов поспорить, что Скин его и подговорил на это дело.

– Я бы не сомневалась. – Повернувшись, Сэм наклонилась и поцеловала Ника в шею. – Спасибо за терпение. – И проделала некоторые манипуляции языком, поскольку парень заслужил ласку после общения с ее семьей.

Машину повело в сторону.

– Эй! Я уже лечу с семидесятью!

Сэм пробежала пальцами вверх по его бедру.

– Хочешь выжать до восьмидесяти?

Ник поймал проворную руку, прежде чем та достигла заветной цели.

– Не шали.

– Так что ты сказал Майку? – спросила Сэм, положив руку ему на плечо.

Поднеся соединенные руки к губам, он поцеловал ей тыльную сторону ладони.

– Что всегда любил тебя и буду любить.

Сэм удовлетворенно вздохнула.

– Рада слышать.

– Ты знаешь, почему я захотел поехать сегодня домой?

– Нет.

– Сегодня я обнаружил, что ты меня любишь тоже. Я хочу остаться с тобой наедине.

У нее мурашки побежали от предвкушения.

– Ты и раньше знал.

– Подозревал, надеялся, но точно не знал. Меня беспокоило, что, возможно, мы оба погрязли в сумасшествии последней недели.

Она подняла голову с его плеча.

– Ты и в самом деле считаешь, что, может, в этом все дело?

Ник пожал плечами.

– Я боялся, что слишком хочу тебя и каким-нибудь образом все испорчу. Несколько раз был на грани этого.

– Неприятно узнать, что ты так себя чувствовал. – Сэм снова преклонила голову ему на плечо, и ей пришло на ум, как Ник был одинок, и еще сильнее захотелось окружить его любовью, которой он был лишен в детстве, когда рос без семьи. К горлу подступил комок, когда она подумала об одной вещи, которую Ник хотел, а она не могла это ему дать.

Остаток пути они проехали в молчании, каждый погруженный в свои мысли.

Войдя в свой дом через парадную дверь, Ник взял пальто Сэм и повесил в шкаф в прихожей.

– Куда делось стекло? – спросила она.

– Я заплатил вдвое уборщице, чтобы та пришла сегодня и убрала стекла, но все-таки не стоит ходить тут босиком.

– Как твоя нога?

– Еще болит.

Сэм поморщилась.

– А я еще повела тебя гулять. Даже не подумала. Прости.

Ник наклонился и поцеловал ее.

– Не беспокойся, милая. Компьютер в кабинете. Я занесу наши вещи наверх.

– Спасибо, я быстро управлюсь.

– Не спеши. Я пока закончу свою речь.

Сэм поднялась на цыпочки и поцеловала Ника, мечтая найти слова, чтобы облегчить его боль. И дала ему уйти, зная: это единственное, что можно сделать. Направилась в кабинет и, скинув туфли, села и включила компьютер. Прежде чем приступить к запланированным поискам, написала рапорт по происшествию на Восточном рынке и сохранила файл.

Пока Сэм ждала, когда войдет в полицейскую систему, то обратила внимание на безупречный порядок на столе вишневого дерева. Ей захотелось поозорничать, и она сдвинула с места стопку книг, убрала с центра коробочку скрепок, перевернула верх ногами все черные ручки в стаканчике и написала «Сэм любит Ника», пририсовав сердечко, пронзенное стрелой, в его рабочем блокноте.

Довольная работой, она вернулась к записям по кредитной карте Патриции Дональдсон. Просмотрела страницы, и усталый взгляд остановился на счете за авиабилет за два дня до смерти Джона.

– Ну что же мисс Патриция, – прошептала Сэм, сердце забилось быстрее от волнения. – Попалась!

Она улучила момент взглянуть на высветившуюся фотографию женщины, чтобы иметь представление, как та выглядит, потом позвонила Фредди.

– Ты забрал Элин?

– Мы в пути.

И назвал один из лучших отелей в городе.

– Боже, ни в чем себе не отказывай, – проворчала она, представив, какое ей предстоит испытать горе, когда рапорт о расходах ляжет на стол капитана Мэлоуна.

– Точно следуя приказу, сержант.

– Патриция Дональдсон покупала билет от Чикаго до Вашингтона за день до убийства О’Коннора.

Фредди издал долгий выдох.

– Ух ты. Я совсем упустил из виду. Прости.

– Мы все упустили.

– Однако я допрашивал ее. Мне следовало уловить флюиды...

– Забудь, Круз.

– Не вижу я ее в роли убийцы, которая втыкает нож в горло сенатора. Очень уж она хрупкая.

– Ярость придает силы.

– Да, наверно. У нее есть ключ от квартиры?

– Возможно, она когда-то сделала дубликат. Я бы не удивилась, если у нее есть ключ – то есть, у кого только *нет* ключа от этой квартиры?

– Верно. И не забывай, что он мог впустить убийцу сам, когда пришел домой.

– Я все еще считаю, что он удивился, ну, до того, как был убит. Кстати, не спускай глаз с Элин. Слышишь?

– Тяжелая работа, но кто-то должен ее делать.

Глава 33

Сэм закончила разговор и снова уселась в просторное кожаное кресло. Закрыв глаза, «отпустила» разум свободно бродить среди кусочков информации и логических цепочек, надеясь, что вдруг что-нибудь да начнет приобретать смысл. Проходил день за днем, и ее все чаще начинало охватывать разочарование: большой прорыв, который был столь нужен, чтобы закончить дело, так и не наступал.

«Я что-то упускаю. Что-то важное. Но что?»

– Все в порядке, милая? – спросил возникший в проеме двери Ник.

Протянув к нему руки, Сэм пригласила Ника присоединиться к ней.

– Возможно, начинаем на что-то выходить. Патриция Дональдсон за день до убийства покупала билет на самолет в округ Колумбия. Мы опрашиваем людей, стараясь выяснить, где она останавливалась в городе. По кредитной карте нет записей, что она жила в отеле.

– Ты выяснишь. – Он опустился на колени перед Сэм, и та его обняла. – Чем вызвана такая спонтанная демонстрация любви?

– Мне просто это нужно, – ответила Сэм, прислонившись щекой к его плечу. – Я разочарована, раздражена, злюсь, что столько времени не могла выйти на подозреваемую, что кому-то пришлось умереть...

– Ладно, рад предоставить утешение в любое время, как тебе станет нужно.

Вдруг Ник застыл.

– Что-то не так? – спросила Сэм, отклонившись назад и заглядывая ему в лицо.

– Что ты сотворила с моим столом?

– Ничего, - изображая невинность, ответила она.

– Нет, сотворила. Передвинула вещи и наверно сделала это специально, чтобы позлить меня.

Сэм закатилась в смехе.

– Прямо цирк какой-то. – Когда Ник попытался все исправить, Сэм его остановила. – Оставь. Посмотри, сможешь ли выдержать. – Она схватила его за руки. – Ну же. Будь сильным.

– Почему тебя так беспокоит моя склонность к порядку?

– Твои требования далеко превосходят то, что называют порядком. В мире еще не придумали слово, точно описывающее это явление.

– Отлично. Если ты хочешь устроить бардак и уйти от ответа, твое дело. Мне все равно.

– Нет, не все равно, – возразила она, посмеявшись про себя, что это он назвал бардаком. Ник не имел ни малейшего понятия, что Сэм способна устроить на сём поприще. – Спорим, ты тайком проберешься сюда, когда я усну, и все уберешь.

– Нет, не буду, - запротестовал он, в глазах начал загораться гнев.

– А ладно, если и проберешься, – заворковала она. - Я все равно буду любить тебя и все твои занудные заморочки чистоплюю.

При этих словах Ник смягчился, но только чуть-чуть.

Сэм провела пальцами по его волосам и, наклонившись, поцеловала.

– Можешь сделать мне одолжение?

– Какое? – коротко осведомился он.

– Прочтешь мой рапорт о стрельбе на Восточном рынке? Проверишь, нет ли там ошибок?

Ник сел на место Сэм за столом. В его глазах проглядывало удивление.

Она стояла позади Ника, заглядывая ему через плечо, пока он просматривал изложенные события, то тут, то там делая пометки. И облегченно вздохнула, когда слишком вопиющих ошибок не нашлось.

Закончив, Ник повернулся к ней:

– Скажешь, что все это значит?

Сэм сжала губы, сказать-то ей хотелось, только вдруг стало стыдно.

– Ну, ты был под рукой, а мне хотелось убедиться, что ничего не пропустила.

Ник потянул ее за руку и усадил себе на колени.

– Для этого я тебе не нужен. Так в чем дело, милая?

– У меня дислексия, – второй раз за день призналась она. – Обычно меня проверяет Фредди, но раз он к этому делу непричастен, то я решила, что не вправе его просить. К тому же он нянчится с одной из подружек Джона в данный момент.

– Рад, что ты попросила меня. К твоим услугам в любое время.

Она приложила файл к е-мейлу и отправила полицейскому, проводшему арест. Потом обратила внимание к Нику.

– Спасибо, – поблагодарила Сэм и прижалась губами, намереваясь быстро его поцеловать.

– Всегда пожалуйста, – прошептал он, пробежавшись языком по ее нижней губе, прежде чем склонить голову, чтобы поцеловать Сэм более страстно. По ходу дела он передвинул ее так, что она очутилась лицом к нему и уже сидела, свесив по обеим сторонам ноги, и не успела оглянуться, как Ник уже стягивал ей через голову кофту.

Сэм только вздрогнула, когда холодный воздух коснулся разгоряченной кожи.

– Ник, я на работе, прямо сейчас нельзя. – И пока говорила, руки сами собой взяли за край его рубашки, но Ник остановил ее. Застонав от разочарования, она впиалась еще одним бешеным поцелуем ему в рот и ахнула, когда ее бюстгальтер оказался растянутым. – Я на работе...

– Ш-ш-ш, – прошептал Ник, лаская языком одну грудь, потом другую.

Сдавшись чувственному нападению, Сэм схватила Ника за плечи и попыталась убедить себя, что посвятив себе десять минут, она не станет дерьмовым копом.

– У тебя самая восхитительная грудь, – шептал Ник, обводя языком соски.

– Она слишком большая.

– Нет, – засмеявшись, запротестовал он. – Вообще нет. Она идеальна. Я мог бы сидеть здесь всю ночь и только этим и заниматься, пока не взойдет солнце.

Сэм теснее прижалась к его набухшему члену.

– Правда? Ничего больше? Всю ночь?

Ник застонал.

– Возможно, мы можем устроить небольшую потасовку.

Поставив Сэм на ноги, он растянул ей джинсы, подцепил пальцами трусики, одним махом лишил ее одежды и снова посадил себе на колени.

– На тебе слишком много тряпок, – пожаловалась она, потянув за рубашку.

– Терпение, милая.

Жарко целуя ее в шею, глядя по спине, он делал нестерпимой пробегавшую по ней дрожь желания.

– Я очень нетерпелива. Разве ты до сих пор еще не понял?

Он развел Сэм бедра.

– Что ты делаешь? – заикаясь, спросила она.

– Ласкаю тебя.

– Я тоже тебя хочу ласкать.

– Придет дождаться своей очереди. – Он снова обхватил ладонями ее грудь и пробежал большими пальцами по соскам, все еще чувствительным после предыдущей ласки. – Я пришел в ярость, когда этот ублюдок назвал тебя фригидной. – Руки Ника скользнули ниже. Одной он обнял Сэм, другая продолжила путь дальше до влажного местечка между ее ног. – Чувствуешь? – прошептал Ник. – Тут далеко до фригидности.

– С ним я очень редко кончала, – с трудом выговорила Сэм. – Вот Питер и бесился.

– Мы ведь знаем, что дело не в тебе? – напомнил Ник, вводя в нее два пальца. Сэм закричала. – Ты специально устроила беспорядок на столе? – спросил он, глубже погружая в нее пальцы.

– Может быть! – засмеялась она.

Повея бедрами, умоляя его продолжить.

– Признавайся. Или ничего не получишь.

– Да! Специально!

– Так легко не отделаешься, – засмеялся Ник. – Придется тебя наказать.

Сэм застонала, когда он нашел особо чувствительную точку.

Свободной рукой он обхватил ее ягодицы, чтобы удержать на месте, пока гладил пальцами. Когда же зажал между зубов сосок, то вызвал у нее сильнейший оргазм, что вышиб из груди воздух, от чего на глазах у Сэм выступили слезы.

– Ты такая сексуальная, – шептал Ник ей в губы. – *Невероятно* сексуальная.

Пальцы продолжали дразнить, Сэм пораженно ощутила, что готова еще раз кончить. Каким-то образом она нашла силы дернуть рубашку Ника, содрать ее через голову. Потом пробежалась рукой по груди к животу и ниже, добравшись до твердого члена.

Ник резко втянул воздух.

– Ник, *пожалуйста*, я хочу тебя.

– Ты и так мной владеешь, Саманта. Я весь твой. На веки вечные.

И поцеловал словно в первый раз, глубоко лаская языком рот.

И когда она уже в горячечной нужде не могла ждать ни секунды, соскользнула с колен Ника, подняла его и в рекордное время раздела. Опустившись на колени, взяла в рот.

– Сэм... – Ник запустил пальцы ей в волосы. – Милая, погоди. Что ты делаешь? Иди сюда.

– Ты сказал, моя очередь, – надула она губы, медленно проводя языком по члену и при том глядя вверх. Ник смотрел на нее, не отрываясь.

– Будет тебе твоя очередь. – Он помог ей встать, вернулся на кресло и дал оседлать себя. – Я люблю тебя.

Сэм развела бедра и вобрала его член в себя. Наклонившись, коснулась губ поцелуем.

– Я тоже тебя люблю.

– Никогда не надоест это слышать.

– Никогда не надоест это повторять.

– Обещаешь?

Она кивнула и пошире развела бедра, чтобы глубже чувствовать.

Ник издал долгий вздох, и веки его, затрепетав, закрылись.

Сэм поцеловала повязку над глазом Ника и постепенно принялась двигаться все быстрее, подгоняя их обоих к оргазму.

Вдруг он крепко обхватил Сэм, встал, переместился вместе с ней на диван и, держа ее под колени, страстно овладел ей. Задрожав, Сэм с коротким вскриком кончила. Следом кончил и Ник.

– Черт... – прошептал он спустя минуту, тяжело дыша. – Только подумаю, что лучше уж быть не может...

Сэм убрала прядь у него со лба.

– Но вот же случилось.

– Мы только себя прикончим, если будет еще совершеннее.

– До этого далеко, – засмеялась Сэм.

Не отрывая от нее взгляда, Ник нежно поцеловал ее.

– Мне нужно кое-что сказать тебе, – решила Сэм, при этом желудок сжался.

– Сейчас?

Преисполненная страха, который не часто доводилось испытывать, она прикусила нижнюю губу и кивнула.

– Так вы собираетесь объяснить мне, что я тут делаю? – поинтересовалась Элин Сведсен, мечась по роскошному номеру отеля.

– Я же вам сказал, – ответил Фредди, держа в узде свое либидо, пока обозревал ее мельтешение туда-сюда. – Это для вашей же безопасности.

– Вы *уверены*? – Дразнящая улыбка вызвала у него острый приступ похоти. Фредди был рад, что не расстегнул плащ. – Я уже начинаю подумывать, что вы устроили это все, чтобы остаться со мной наедине в отеле.

Плавной походкой она приблизилась к нему так, что ее грудь оказалась на уровне его глаз.

В отчаянии он выдал:

– Одну из бывших подружек Джона О’Коннора убили.

– Правда? – ахнула Элин.

– Стал бы я лгать насчет убийства?

– Не знаю. А стали бы?

– Убийство – не тема для шуток.

– Не возьму в толк. Он ведь не был женат.

– Ну, вроде того было.

Элин повернулась:

– Что вы имеете в виду?

Фредди рассказал о женщине с ребенком, которую изгнали на Средний Запад двадцать лет назад.

– Считаете, это она?

– Подозреваем. И хотим обезопасить вас, пока ее ищем.

Элин скрестила на груди руки в защитном жесте, отдавшемся в сердце Фредди.

– Поверить не могу, что у него была другая тайная жизнь.

– Никто не знал. Даже его ближайший друг.

– Я не сплю с женатыми. Знаю, что вы, вероятно, думаете, будто я легко ко всему отношусь, но у меня есть свои моральные принципы.

– Иного я и не подозревал.

Элин склонила к плечу голову и стала его рассматривать.

– А вы ведь прелесть, знаете?

Щеки Фредди порозовели от смущения.

– Спасибо.

Улыбнувшись, она добавила:

– А что, если мы сделаем эту маленькую миссию спасения куда забавнее? Вы в игре?

Он с трудом сглотнул.

– Что это значит?

Элин наклонилась вперед, ее топ открыл соблазнительное зрелище впечатляющих грудей. Поверх низкого выреза бюстгалтера виднелась часть татуировки купидона.

– Секс, детектив, – зашептала она. – Грязный похабный секс.

Чувствуя, будто его подвергают проверке, Фредди отодвинулся, чтобы убрать растущее давление на колени.

– Я при исполнении.

– А кто узнает?

– Достаточно, что буду знать я. *Сэм точно узнает. Каким-то образом она догадается, что он все испортил*

Бросив в него взгляд, говоривший «ты что серьезно?», Элин пожала плечами и потянулась за сумкой.

– Я собираюсь переодеться.

Как только за ней захлопнулась дверь ванной, Фредди закрыл глаза и сосчитал до десяти. Боже, помоги, но ему хотелось схватить ее, затащить в постель и сделать, что

захочет. Напомнив себе, что он на работе, Фредди усилием воли обуздал разбушевавшуюся эрекцию.

Из ванной Элин вышла в пурпурной шелковой ночнушке, которая едва прикрывала фигуристую задницу.

Фредди подавил стон, когда мисс Сведсен прошествовала мимо него, оставив ароматное облако.

– *Уверены*, что не желаете скрасить время? – спросила Элин, устраиваясь на одной из кроватей.

– Уверен, – скрипнув зубами, заверил он.

Она выключила свет.

– Ну что ж, было бы предложено.

Фредди упал спиной на вторую кровать и из глубины души выдохнул. Его определенно брали на пушку.

Ник взял одеяло за диваном и натянул его на них, устроившись, чтобы они лежали лицом друг к другу. Потом расправил пальцем хмурую морщинку на лбу у Сэм.

– Не знаю, чем ты так озабочена, но давай поделись со мной, вместе будем решать, Сэм.

Она положила ему руку на грудь.

Сердце под ладонью Сэм сильно билось, пока он ждал, когда она соберется с мыслями.

– Когда я была с Питером, – неуверенно начала Сэм, – мы долгое время пытались завести детей. Мы почти уже решились на лечение от бесплодия, когда я забеременела.

Уже понимая, что она собирается сказать, Ник почувствовал, как заболела за нее душа.

– Я так обрадовалась, хотя у нас с Питером уже хватало проблем. Знаю, было глупо думать, что ребенок решит их, но я все-таки надеялась.

У Ника сердце разрывалось, он смахнул слезу, скользнувшую по ее щеке.

– В двадцать недель у меня случился выкидыш.

– Сэм... мне так жаль.

– Выкидыш прошел с осложнениями. Я потеряла много крови и долго выздоравливала. Питер очень расстроился. Он просто ушел в себя.

– И тебе пришлось пройти через все в одиночку.

Сэм пожала плечами и села, отклонив его объятия.

– У меня сестры, семья. У Анджелы чуть позже появился Джек, который разными путями спасал меня. Он в той же мере мой ребенок, что и ее. Она даже так говорит сама.

– Он чудесный.

– Да, мой маленький мужчина. – Сэм нетерпеливо смахнула слезы, словно злясь на них. – Пару месяцев спустя врач разрешил нам вторую попытку. Отношения с Питером совсем разладились, но мы оба так хотели ребенка, что совершили ошибку, постаравшись исправить то, что исправить уже было невозможно. Хотя на время все было неплохо. Я снова забеременела, но не знала об этом. Оказалась внематочная. Ты знаешь, что это такое?

Ник сел, взял ее за руку, стараясь загладить боль, но Сэм отмахнулась.

– Слышал.

– Когда эмбрион образуется где-нибудь вне матки. В моем случае это оказалась одна из фаллопиевых труб. Я была дома одна, когда труба разорвалась. Я почти истекла кровью до смерти, когда меня нашла Анджела.

– Боже, Сэм.

– На этот раз я провалялась в больнице больше недели. Самая болезненное в моей жизни событие – психологически и эмоционально. Я потеряла трубу и один из яичников.

Помимо прочего у меня эндометриоз, врач сказал, мол, непохоже, что я когда-нибудь снова забеременею.

Внезапно Ник понял, что ее так беспокоило.

– Неважно, Сэм. Для меня неважно. Если ты поэтому переживаешь, то не надо.

– Но ты хочешь семью. И заслуживаешь ее после того, как рос в одиночестве.

– У нас и так семья. Мы можем усыновить кого-нибудь. Миллионы детей нуждаются в доме. И неважно, как у нас появится ребенок.

– Но...

Ник наклонился и поцеловал Сэм. Крепко поцеловал.

– Никаких «но». Ты ключ ко всему. Я знал это, когда впервые тебя встретил, и знаю теперь еще лучше, когда пожил с тобой. Больше всего мне нужна ты. С остальным мы разберемся. – Погладив ее по щеке, добавил: – Ты мне уже дала так много, как никто. И не хочу, чтобы ты хоть секунду переживала за то единственное, что не можешь подарить.

– Я говорила тебе, что сижу на таблетках, но это неправда. Мне они не нужны, но не могла тебе все рассказать, когда мы были в постели. Прости, что солгала.

– Эта ложь не считается, милая. Когда наступит время, и мы готовы будем завести семью, то что-нибудь придумаем.

– Тебе стоит подумать. Тебе нужно время, чтобы убедиться..

Ник приложил палец к ее губам, прерывая.

– Мне не нужно время на обдумывание.

Казалось, Сэм стало легче, она расслабилась, и когда Ник потянулся к ней, охотно вернулась в его объятия.

– Тебе лучше?

Сэм кивнула.

– Я чувствовала себя обманщицей, любя тебя и ничего не рассказывая.

– Ты меня не обманывала. Все, что с тобой связано, часть тебя. А я люблю тебя всю, какая ты есть.

Сэм проехала пальцем по его щетине.

– Когда я была замужем, то мечтала о тебе. Думала, где ты, что делаешь, счастлив ли.

Мы провели только ночь, а я думала о тебе все время.

Напоминание о том, как их разлучили, наполнило Ника болью сожалений.

– Я тоже о тебе думал. Как одержимый читал газеты, выискивая малейшие упоминания о тебе.

– И я тоже! Я знала, что ты работал на О’Коннора. Даже просматривала хронику Конгресса, надеясь, не мелькнешь ли где, но ты держался в тени. Очень редко удавалось увидеть тебя.

– Теперь мне придется вообще уйти в забвение.

– Что ты хочешь сказать?

– Проверил сегодня голосовую почту в офисе. Получил несколько предложений о работе.

– Какие, например?

– Работа по законодательству от младшего сенатора от Гавайев, связи с общественностью от старшего сенатора от Флориды. Да, и еще управляющий офисом в Колумбусе для старшего сенатора из Огайо. – И добавил с озорной улыбкой: – Что ты скажешь насчет того, чтобы пожить в Колумбусе?

Сэм сморщила нос.

– А что-нибудь без понижения есть?

– Нет. Но так устроена политика. Твоя удача как сотрудника связана с тем, с кем работаешь. Если политик уходит, ты уходишь тоже. Пока он на коне, то ты тоже.

– Или если он умирает...

– Точно.

– Так что ты собираешься делать?

– У меня есть кое-какие отложенные деньги, еще страховка от Джона, поэтому не собираюсь принимать поспешных решений. Возможно, наступило время перемен.

– Каких перемен?

– Да вот обдумываю, не вернуться ли в юридическую школу. Наверно, теперь слишком поздно, но все же думаю об этом.

– Если тебе хочется, то стоит.

Ник подергал ее за нос, засмеявшись.

– Так ты готова связаться на пару лет со студентом?

– Если ты будешь от этого счастлив, то я тоже.

Он оказался на ней и сказал:

– Ты делаешь меня счастливым.

Сэм обняла Ника за шею и, притянув, поцеловала с любовью и обещанием. Потом обвила длинными ногами его бедра и, выгнув спину, прижалась к нему.

Скользнув в Сэм, Ник так переполнился любовью к ней, что у него перехватило дыхание. Пытаясь обуздать чувства, он замер на долгое время, пока Сэм не начала двигаться под ним, подталкивая к большему. Прежняя неистовость перешла сейчас в медленное и сонное скольжение. Ник наклонился поцеловать любимую женщину, умудряясь не слететь с катушек, когда она, сжав его ягодицы, удерживала внутри, пока кончала.

– Сэм, – выдохнул Ник, последний раз толкаясь в нее, не в силах поверить, что им удалось достичь еще большей вершины совершенства.

Глава 34

Сэм пыталась стряхнуть вызванную сексом дремоту и открыть глаза, чтобы вернуться к работе, когда зазвонил телефон. Проверив номер, она увидела, что звонит Гонзо.

– Что у тебя?

– КрОВАЯ бойня, – ответил тот. – Они оба мертвы.

Секунду Сэм переваривала новости. Потом спросила:

– Как?

– Ноэля застрелили двумя пулями с близкого расстояния. Ее, как и другую жертву, привязали к кровати и замучили.

– Уже еду.

Сэм села и стала натягивать одежду.

– Что случилось? – пробормотал полусонный Ник.

– Убили Джорданов в их доме.

Ник ахнул:

– О Боже.

– Я еду туда.

Потянувшись за джинсами, Ник заявил:

– Я с тобой.

– Нет! Незачем. Питера арестовали, а мне нужно работать.

– Обещаю, я вмешиваться не буду.

– Ты всегда вмешиваешься.

– Это мои знакомые, Сэм. Не заставляй меня оставаться дома.

Он выглядел таким необычно уязвимым, что ее сердце рванулось к нему. Сэм сразу поняла наравне с прочим, что Ник сейчас не хотел оставаться один.

– Ладно, но ты не будешь путаться под ногами.

– Обещаю.

По дороге в Белл-Хейвен Сэм успела послать наблюдение за квартирой Элин Сведсен на случай, если Патриция там появится, выискивая следующую жертву.

– Ты можешь позвонить Кристине? – обратилась Сэм к Нику. – Мне нужен полный список всех женщин, с которыми Джон встречался за годы, когда она работала с ним.

– Всех?

– Абсолютно. Мне нужны имена, адреса и телефоны. Патриция собирала ту же информацию, что и мы. Кто-то по ее заказу копается в его прошлом. Я хочу знать, что еще она там найдет. Или, точнее, – кого.

– Возможно, у Кристины всего и нет.

Сэм испепелила его взглядом.

– Она была влюблена в Джона. Думаешь, у нее нет полных досье на всех дамочек, с которыми он встречался? Не надо ля-ля! Наверно у нее припасена каждая деталь, вплоть до размера лифчика. Пошли ей е-мэйл, чтобы сделала список.

Пока Ник звонил, Сэм отдала приказ вызвать первую смену. Чтобы изловить всех «Барби» Джона, требовались все имеющиеся ресурсы. Зазвонил мобильник, и Сэм ответила детективу Дженни Макбрайд.

– Мы проверили все отели в городе, – доложила та. – Никакого намека на Патрицию Дональдсон. Хотите, чтобы я начала проверять пригород?

Сэм на секунду задумалась.

– Попробуйте искать Патрицию О’Коннор и возьмите еще людей. Мне срочно нужна эта информация.

– Поняла, сержант.

Сэм отключилась, но все еще сжимала телефон, когда они подъезжали к дому Джорданов.

– Поверить не могу, что не смогла ее быстро вычислить.

– Эта женщина всю жизнь его любила. Почему ты думаешь, что это она?

– Джон у нее был единственной любовью. Других не было. Если парень любит женщину так, как считала Патриция, то он не станет бегать за каждой юбкой, как только оказывается вдали от любимой. Я думаю, она все еще цепляется за свой подростковый роман в духе Ромео и Джульетты, а Джон от него уже ушел. Как бы мне хотелось поговорить с их сыном Томасом.

– Он должен где-то появиться на похоронах послезавтра.

– Если он будет, мы его найдем и его мать тоже. Я просто надеюсь, что мы ее возьмем прежде, чем она доберется до еще какой-нибудь подруги Джона.

Когда они доехали до дома Джорданов, район Белл-Нейвен уже наводнили машины «скорой» и полиции.

Навстречу вышел Гонзо. Его обычное хладнокровие дало трещину.

– Приехал как только смог, сразу как Круз позвонил и передал, что ты хочешь, чтобы я ее забрал. Дверь была открыта. Увидел, что муж лежит в прихожей, и немедленно позвонил. У нас тут дерьмовые разборки с Александрией, поэтому тебе придется самой договариваться.

Набравшись терпения, Сэм объяснила александрийской полиции, что убийство Джорданов, возможно, связано с делом сенатора О’Коннора. После скандала на тему дележки территории, вынудив Сэм вступить с ними в склоки, местные полицейские согласились дать ей осмотреть сцену преступления. Ника попросили подождать снаружи.

Ноэля убили в прихожей, быстро. Сэм решила, что он открыл дверь и его застрелили, прежде чем он успел сказать «привет» гостю.

– Джордан - второй человек в Верховном суде, – с язвительной улыбкой сообщила Сэм александрийскому детективу, который изо всех сил чинил ей препятствия. – Может, вы захотите оповестить Генерального прокурора, что его заместитель убит.

Потрясенный молодой детектив сказал:

– Да, конечно.

Довольная, что сбила с него спесь, Сэм пошла наверх посмотреть, что сделали с Натали. Ее связали почти так же, как Тару. Как и в том случае, кровь между раздвинутых ног поведала о жестоких сексуальных пытках.

– Это что, щетка для волос? – спросила Сэм, уставившись на предмет, торчавший из влагалища.

– Думаю да, – ответил медэксперт.

Сэм поморщилась. Судя по отметинам на шее Натали, она еще долго боролась, когда на нее напали.

Патриция вершила месть, по женщине за раз.

Александрийский медэксперт оценил, что время смерти наступило три часа назад. Сэм поняла, что Ноэль, должно быть, только что вернулся домой после проверки на детекторе лжи, когда на них напали, и сердце ее сжалось. Если бы только она немного раньше сложила мозаику, то могла бы спасти их.

Поскольку это было не ее место преступления, Сэм отступила в сторону, попросив детектива об одолжении – прислать копию рапорта.

Ник снова подпирал машину, пока ждал ее.

– То же самое, что с Тарой.

– Господи, – прошептал он. – Я не любил Натали, но как подумаю, через что она прошла...

Сэм провела пальцами по длинным волосам, борясь с опустошением, придавившем ее как тяжелое одеяло.

– Знаю.

– Я тут думал...

Она посмотрела на его напряженное и расстроенное лицо.

– О чем?

– О Грэхеме и Лейн.

Слова повисли в воздухе, полные чрезмерного смысла.

Сэм бросила Нику ключи:

– Поведешь, я поработаю.

Пока они мчались через Северную Вирджинию, Ник был напряжен как струна.

– Ты ведь не думаешь...

– Что она охотится на людей, которых считает виновными в том, что ее жизнь разрушена? Да, я так думаю.

– Боже, Сэм. Если она им что-нибудь сделает... – Голос сорвался.

Сэм взяла Ника за руку.

– Мы можем ошибаться.

Однако на всякий случай она предостерегла Лаудунскую полицию насчет возможной опасности для сенатора О'Коннора и его близких. И также переслала в управление присланный Кристиной список бывших подружек с приказом разместить у дома каждой охрану. Полицейских снабдили фотографиями Патриции Дональдсон и Томаса О'Коннора – вдруг она действовала не одна. Разослав повторное предписание о задержании на подозреваемых, Сэм могла только молить бога, чтобы копы успели взять под охрану женщин до того, как еще кто-нибудь пострадает.

– Должна была увидеть раньше, – ворчала она, недовольная, что столько времени не могла сложить все вместе. – Так же очевидно, твою мать.

– Не кори себя, милая.

– Разве удержишься, когда трупы копятя один за другим?

– Спорим, я знаю, почему его убили накануне голосования, – сказал Ник.

Сэм обратила на него взгляд:

– Почему?

– За неделю до смерти он решил, что выставит свою кандидатуру на перевыборы. Наверно, он обещал Патриции, что в угоду отцу отбудет один срок, а потом посвятит время ей и сыну. Если я прав, то она не захотела, чтобы Джон имел возможность погреться в лучах большой победы в законодательстве. Только не когда в очередной раз ее обманул.

– Разумная мысль, – одобрила Сэм, дрожа от нетерпения, когда кусочки головоломки сложились вместе. Только сейчас, когда она готова расколоть дело, Сэм позвонила капитану Мэлоуну и шефу Фарнсуорту домой, чтобы посвятить в последние события.

– Произведите уже арест сержант, – заспанным голосом приказал шеф.

– Так быстро, как смогу сэр.

Когда она закончила разговор, Ник взял ее за руку.

– Почему бы тебе на несколько минут не закрыть глаза?

Сэм покачала головой:

– Лучше я подожду, когда у меня появится пара часов. Как насчет тебя? Ты пришел в себя, чтобы вести машину?

– Я в порядке. Не беспокойся.

– Слишком поздно.

Она пристроила голову у него на плече и с самого начала прошлась по цепочкам. Все время Сэм подозревала, что это близкая сенатору женщина, имевшая ключ от его апартаментов, чьему присутствию в своей квартире Джон бы не удивился.

Зазвонил сотовый Сэм.

– Что у вас, Дженни?

– К несчастью, ничего. Мы не смогли найти их в городе.

– Проклятье. Должно быть, они зарегистрировались под другими именами.

– Нутром чую, они где-то здесь. Мы прочесываем Северную Вирджинию и Мэриленд. Буду держать вас в курсе.

– Спасибо.

Когда Сэм и Ник подъехали, в полуметре от подъездной дороги к О'Коннораам стояла полицейская машина местной полиции. Ник опустил окно.

– Все с виду спокойно, – сообщил молодой офицер. – В доме темно и закрыто на ночь. Я прогулялся вокруг и не увидел ничего подозрительного.

– Спасибо, – поблагодарил Ник. – Мы только взглянем быстро и отправимся по своим делам.

– Пожалуйста. Приятно провести вечер.

Пока Ник медленно ехал по длинной дороге, Сэм по-новому смотрела на него. Он умело обошелся с молодым полицейским – поблагодарил его за проверку, но дал знать, что они собираются сами удостовериться, – не обидев офицера.

– Ловко, – сказала она вслух.

– Что?

– Да ты. Только что.

– Ты выказываешь удивление, что я могу быть дипломатичным, когда требуют обстоятельства? – Сэм прыснула. – Что смешного?

– Да ты, когда так возмущаешься.

– Я не возмущаюсь.

– Как скажешь.

Они подъехали к темному дому, и Ник заглушил мотор.

– Я хочу сам пройтись.

Сэм достала фонарик из бардачка и потянулась к дверной ручке.

– Почему бы тебе не остаться здесь? – спросил Ник. – Я скоро вернусь.

– Типа в отместку теперь ты мне приказываешь остаться? – Она щелкнула фонариком в тот же момент, чтобы поймать раздраженный взгляд Ника. – Пойдем давай. – Они прошлись вокруг дома, не обнаружив ничего необычного. Стоя на заднем дворе, Сэм осмотрела дом. – Кажется, все в порядке.

– Я хотел бы увидеться с ними, чтобы самому убедиться.

– Ник, полтретьего ночи, а у них завтра похороны сына.

Ник хмуро на нее посмотрел:

– Ты и впрямь думаешь, что они спят?

Поняв, что он не отступит, Сэм пошла за ним к парадной двери и досадливо поежилась при звуке дверного звонка, пропевшего мелодию на весь дом.

Минуту-две спустя в дверях появился Грэхем, облаченный в красный клетчатый халат. Лицо изнуренное от горя. Сэм поняла, что сенатор не спал несколько дней.

– Что-то случилось? – спросил он.

– Ничего, – слегка заикаясь от волнения, ответил Ник. – Простите, что потревожили вас, но вечером были кое-какие неприятности. Мне захотелось проверить, все ли с вами в порядке.

Грэхем отступил, приглашая их войти.

– Какие неприятности?

Ник поведал о Таре и Джорданах.

– О, Господи, – прошептал Грэхем. – Только не Натали. И Ноэль...

– Мы думаем, это Патриция, – заявила Сэм, оценивая его реакцию.

Усталые глаза старика на короткое мгновение встретили взгляд Сэм.

– Она не могла. Она любила Джона, любила всю свою жизнь.

– И ждала его... напрасно... всю свою жизнь, – добавила Сэм.

– Мы думаем, он сообщил ей, что собирается избираться на следующий срок, – сказал Ник. – Отсюда она решила, что он выбирает карьеру, а не ее с Томасом.

– Это всего лишь версия, – напомнила Сэм. – И мы думаем, что Патриция недавно узнала, что в жизни Джона были другие женщины.

– Зачем переживать за нас? – спросил Грэхем. – Мы не видели ее со дня рождения Томаса.

– Потому что если она сводит старые счета, то наверняка сведет их и с вами, – предположил Ник.

Грэхем провел трясущейся рукой по седым волосам.

– Что ж, полагаю, так и есть.

– Мне хотелось бы позаботиться о вашей безопасности, пока мы с этим не закружимся, – заявила Сэм.

– Если считаете, что необходимо.

Помня, что случилось с Тарой, Натали и Ноэлем, Сэм подтвердила:

– Да, считаю.

Ник обнял Грэхема:

– Почему бы вам не попытаться уснуть?

– Всякий раз стоит задремать, как внезапно просыпаюсь и вспоминаю, что Джона убили... Переживаю снова и снова. Проще не спать.

Ник снова обнял старика и когда отпустил, Сэм разглядела блеснувшие слезы у Ника в глазах.

– Понимаю, каково вам.

– Да, думаю, понимаешь.

– Увидимся утром. Не колеблясь звоните, если что нужно.

Грэхем похлопал Ника по щеке.

– Я люблю тебя как сына. Надеюсь, ты это знаешь.

Тот кивнул, щека у него дернулась от чувств.

– Мне нужно поговорить с тобой кое о чем после похорон, – предупредил Грэхем. – Уделишь мне несколько минут.

– Конечно.

– Осторожнее на дорогах, – провозжая их, предостерег сенатор.

Сэм переплела пальцы с пальцами Ника и повела его от дома, по дороге вынимая ключи из кармана.

– Ты в порядке? – наконец спросила она, когда они сели в машину.

После длинной паузы, Ник поднял на нее взгляд.

– Он прежде не говорил мне ничего подобного. Хотя я и догадывался, он прямо никогда не выражал это словами.

– Тебя легко любить. Большую часть времени.

На лице Ника появилась насмешливое выражение, которое Сэм так обожала.

– Черт возьми, спасибо.

– Однако нам придется что-то делать с твоей неспособностью выполнять приказы.

– Удачи с этим. – Ник держал Сэм за руку, пока она вела машину по длинной подъездной дороге. – Спасибо.

– За что?

– Что поняла, почему мне нужно было увидеть собственными глазами, что с ними все в порядке.

– Они, считай, твои родственники.

– Они все, что у меня есть.

Сэм сжала его ладонь.

– Больше нет.

Глава 35

По дороге назад к дому Ника Сэм распорядилась о мерах безопасности для О'Конноров и приняла участие в телефонном совещании с другими детективами, как расставить людей утром на похоронах. Если в церкви появятся Патриция или Томас, полицейские будут готовы помешать им войти внутрь. Сэм планировала носить переговорное устройство, чтобы можно было связаться при необходимости, когда она будет в церкви. Потому что знала: Нику нужна ее поддержка. Сэм надеялась, что работа не помешает присутствовать на панихиде, однако была уверена, что Ник поймет, если ей вдруг придется уйти. Он не меньше ее хотел, чтобы поймали убийцу Джона.

Следуя по пятам за Ником в его дом, она невольно косилась в сторону кустов, вспоминая, как ее недавно швырнуло туда взрывной волной. Сэм передернуло.

– Что с тобой, милая?

– Да так, ничего, – ответила она, стараясь стряхнуть эти ощущения, которые усугублялись серьезным недостатком сна.

– Нужно, чтобы прошло время. Тогда сможем спокойно заходить сюда без воспоминаний.

– Я в порядке, – заверила Сэм, изумляясь в очередной раз, как он на нее настроен. – Мне просто нужно немного времени, чтобы поработать на компьютере.

Ник повесил их пальто в прихожей в шкаф, потом подошел сзади и помассировал Сэм плечи.

– Что тебе нужно, так это поспать.

– Но...

– Никаких «но».

И потащил ее вверх по лестнице в спальню.

Сэм так хотелось найти в себе силы сопротивляться, пока он раздевал ее и засовывал под одеяла.

– А ты? – спросила она, подавляя зевок.

- Схожу в душ. Буду через минуту.
- Угу, - сказала Сэм, закрыв горевшие глаза.

И пока ждала Ника, прокручивала в уме все, что случилось за этот долгий вечер, проигрывая каждую сцену преступления, стараясь не заснуть и дожидаться Ника. Вдруг она очнулась от дремоты и осознала, что прошло уже полчаса, как он ушел в душ.

Сэм встала и пошла в ванную комнату, наполненную паром. Открыв душевую кабинку, обнаружила Ника, прислонившегося в стене, потерявшегося в мыслях. Тихо встала позади него и обняла за талию.

Он вздрогнул, потом расслабился в ее объятиях.

– Тебе полагается спать.

– Не могу без тебя заснуть. Ты меня испортил. – И проложила дорожку поцелуев на теплой спине. – Пойдем.

Ник выключил воду.

Сэм взяла полотенце и вытерла их обоих. Взяв за руку, отвела Ника в постель. И там, обняв, наконец, смогла заснуть.

На следующее утро, впервые в жизни входя в Вашингтонский кафедральный собор, Сэм взирала на парящие шпили, как охваченная благоговением провинциальная туристка.

И размышляла, не потеряет ли она звание крутого копа, если станет глазеть, как сумасшедшая фанатка, на президента и его милую жену. За годы работы и жизни в столице Сэм случалось видеть мельком разных президентов, но вот так близко – стоит протянуть руку и дотронуться – никогда. Не то чтобы она намеревалась это сделать. Не говоря уже о службах безопасности, которым это могло не понравиться.

Однако в то время как президент Нельсон с женой Глорией подошли к Нику выразить соболезнования, Сэм могла только стоять с ним рядом и напоминать себе дышать, пока он пожимал им руки.

– Мы очень сожалеем о вашей потере, – сказала Глория.

– Спасибо, миссис Нельсон. Джона бы поразило такое столпотворение. – Он показал на ряды бывших президентов, членов Конгресса, бывших и настоящих, членов Верховного суда, председателя Объединенного комитета начальников штабов, госсекретаря, министра национальной безопасности и труда среди прочих.

– Это детектив-сержант Сэм Холланд из Городской полиции.

На Сэм напал столбняк, пока ее не осенило, что, вообще-то, полагалось протянуть руку. Президенту. Соединенных Штатов. И первой леди. О господи.

– Такая честь - познакомиться с вами, – сказала Сэм.

– Мы видели вас в новостях, – сообщил президент.

Сэм хотелось застонать, однако она с трудом изобразила улыбку.

– Это был исключительный месяц.

– Согласна, – тихо засмеялась Глория.

Поскольку обоим мужчинам предстояло сказать речь, то им отвели стулья в переднем ряду рядом с семьей О'Конноров. Пока Ник ходил поздороваться с ними, Сэм разглядывала толпу, но ни Патрицию, ни Томаса не увидела. Позади О'Конноров расположились члены команды Джона и близкие друзья, которых ей перечислил Ник, когда вернулся и сел рядом.

Сэм всмотрелась в него и увидела, что он бледен и не отрывает взгляда от гроба из красного дерева у подножия огромного алтаря. С утра Ник не завтракал и отказался даже от кофе. Оглядывая толпу высокопоставленных гостей, Сэм не могла даже вообразить, как трудно ему будет стоять перед ними и говорить об убитом лучшем друге. Нарушив свое правило не выказывать нежностей на людях, она взяла Ника за руку и стала баюкать ее в ладонях.

Он слабо улыбнулся, лишь глаза выразили признательность за поддержку.

Вскоре началась месса, и Сэм с удивлением обнаружила, что Ник явно провел много времени в своей жизни в церкви. Поскольку сама она росла, не соблюдая формальных церковных обрядов, это открытие отчасти потрясло.

Сестра и брат Джона читали выдержки из Библии, племянник и племянница зажгли свечи. Когда они оба ласково погладили гроб дяди, возвращаясь на свои места, глаза Сэм защипало, и судя по тому, как завозились зрители, доставая носовые платки, она была не одна такая.

Президент говорил о своей давней дружбе с семьей О'Конноров, что видел, как рос Джон, об испытанной гордости за молодого человека, когда тот приносил присягу, став сенатором. Сойдя с кафедры, президент подошел к плачущим родителям Джона и обнял их.

Распорядитель тронул за плечо Ника. Сжав напоследок руку Сэм, он встал и проследовал к кафедре.

Безотрывно глядя на Ника, пока тот шел к микрофону, Сэм испытывала переполнявшие душу любовь, участие и беспорядочную путаницу других чувств. Мысленно она делилась с ним всей своей силой.

– От имени семьи О'Коннор хочу поблагодарить вас за то, что пришли сюда сегодня, за искреннюю и сильную поддержку в эти трудные дни. Сенатор и миссис О'Коннор также желают выразить любовь и признательность людям из дружественных стран, которые преодолели тысячи километров и простояли в молчании несколько часов, чтобы отдать дань уважения Джону. Он гордился Старым доминионом (прозвище штата Вирджиния – Прим.пер.), и те пять лет, которые представлял его жителей в Сенате, были самым плодотворным, требующим напряжения сил и приносящим удовлетворение периодом его жизни.

Ник красноречиво поведал о скромных начинаниях в однокомнатной квартире в Лоуэлле, штат Массачусетс, о встрече в Гарварде с сыном сенатора, о первом уик-энде в Вашингтоне у О'Конноров и как повлияла эта семья на его жизнь.

Сэм заметила, что супруги О'Конноры вытирают украдкой слезы. Позади них Кристина Биллинг, заместитель Ника и женщина, страдающая от безответной любви к Джону, склонила голову на плечо директора по связям.

Под конец голос Ника сорвался, он опустил взгляд, чтобы собрать себя в кулак.

– Я горжусь, – продолжил он более тихим голосом, – что мне довелось возглавлять предвыборный штаб Джона, а еще больше, что он был моим лучшим другом. И станет делом моей чести обеспечить, чтобы его наследство, касающееся других людей, продолжало жить и дальше.

Как и президент, Ник задержался по пути к своему месту, чтобы обнять Грэхема и Лейн.

Сэм взяла Ника за руку и прижала его голову к своему плечу. И в этот момент ей было наплевать, что кто-то может наблюдать за ними и позже распустить сплетни. Сейчас ее занимал только Ник.

Служба закончилась парящим сопрано, выведившим «Изумительное благоволение», и семья последовала за гробом, который понесли по проходу к выходу из церкви.

Разговаривая полусшепотом, высокопоставленная публика бродила по понемногу пустеющей церкви. Наблюдая за людьми, Сэм понимала, что происходившее было в той же мере вашингтонским политическим событием, как и похоронами.

Ник держал ее под локоть, когда они прокладывали дорогу в толпе. Вдруг он остановился, и Сэм повернулась посмотреть, что привлекло его внимание.

– Ты пришел, – сказал Ник явно удивленный появлением смуглого мужчины с карими глазами и каштановыми волосами, которые так напоминали Сэм Ника.

– Конечно. – После долгой паузы тот добавил: – Ты выглядел очень хорошо, Никки. Очень хорошо.

Миновал неловкий момент, и тут Ник, казалось, вспомнил о манерах:

– Это Сэм Холланд. Сэм, это мой отец, Лео Каппуано.

– А. – Сэм посмотрела на Ника, пытаясь прочесть что-нибудь в его бесстрастном лице, потом пожала протянутую руку Лео, который казался слишком молодым, чтобы быть отцом Ника. Но потом вспомнила, что он всего лишь на пятнадцать лет старше сына. – Рада познакомиться.

– Я тоже, – откликнулся Лео. – Читал о вас двоих в газете.

Ник поморщился.

– Я хотел позвонить тебе, но тут был форменный сумасшедший дом...

– Не переживай.

– Признателен, что ты приехал. В самом деле.

– Сожалею, что случилось с твоим другом. Он был хорошим парнем.

– Да, был.

Кажется, они больше не знали, о чем говорить, и у Сэм болело сердце, глядя на них.

– Ладно, – произнес Ник, – семья устраивает поминки в Уилларде. Ты присоединишься?

– Мне нужно возвращаться на работу, – ответил Лео. – Я отпросился лишь на утро.

Ник пожал отцу руку.

– Передавай привет Стейси и детям.

– Передам. – Улыбнувшись Сэм, Лео добавил: – Привози свою девушку в Балтимор на обед как-нибудь.

– Привезу. Я купил рождественские подарки для мальчиков.

– Они будут рады тебя увидеть. В любое время. Береги себя, Ник. – И улыбнувшись, Лео покинул их.

– Папа? – Тот обернулся. – Еще раз спасибо, что приехал.

Лео кивнул и пошел к выходу.

Ник глубоко выдохнул:

– Вот так сюрприз.

– Хороший?

– Да, конечно.

Однако она могла бы сказать, что его взяла оторопь. Какую же малость ждешь от отца, если появление его на похоронах лучшего друга так потрясает? Сэм не могла себе вообразить.

По дороге из церкви огромное число людей останавливало Ника, чтобы похвалить произнесенную речь, шедшую от чистого сердца. Он принимал каждую реплику с вежливой улыбкой, но по тому, как сжимал ее руку, Сэм ощущала его напряжение. Когда они наконец выбрались наружи, Ник перевел дух.

Их встретил Гонзо.

– Их нигде не видно.

Вытащив из уха наушник, который носила всю церемонию похорон, Сэм осмотрела внимательно толпу.

– Я действительно думала, что они здесь появятся, но это то же самое, что посыпать соль на свежую рану О’Конноров. Она сказала Крузу, что собирается присутствовать.

– Мы продолжим наблюдение, – заверил Гонзо.

– Есть новости по вскрытию Тары или Натали?

– Пока нет.

– Свяжись с Линдси, чтобы ускорила результаты по Таре. А по Натали придется потревожить Александрию. – Сэм увидела, что мысли Ника где-то витают. Понизив голос, она сказала Гонзо: – Мне нужно поболтать с ним еще немного. Позвони, если что-то наклонится.

– Понял.

– Спасибо.

Взяв Ника под руку, она повела его к ряду такси, припаркованных у тротуара.

– Хорошо, что ты привлекла полицию к похоронам, – сказал он, когда они сели в такси.

– Хотя знала, что силы безопасности затруднят парковку близко к собору. – Сэм уютно устроилась рядом и обняла его за талию. – Ты в порядке?

– Бывало и лучше.

– Ты выступил великолепно, Ник. Я так тобой гордилась, что сердце готово было выпрыгнуть из груди.

Ник тесно прижал ее к себе и поцеловал в лоб.

– Спасибо, что пришла. Я знаю, что ты занята...

Сэм наклонилась и поцеловала его в ответ.

– Я была там, где нужно. Где хотела быть. – Подняв голову, Сэм увидела, что он уставился в окно. – Можно тебя спросить? – осторожно спросила она, не зная, уместный ли момент. Но ей нужно было узнать. По какой-то причине она должна была узнать.

– Конечно можно.

– Ты рассказывал, как рос в Лоуэлле с бабушкой...

– И что?

– Если вы жили в однокомнатной квартире, то где ты спал?

– На диване.

Ей вдруг так захотелось заплакать, что она прикусила нижнюю губу. Казалось, все чувства грозили вырваться на поверхность: и немного нужно, чтобы прорвались шлюзы.

– А где ты держал свои вещи?

– Вещей было немного, но то, что имел, держал в шкафу в прихожей.

Сердце лопнуло пополам.

– Так вот почему ты так бережно относишься к вещам сейчас. А я еще смеялась над тобой. Прости меня, Ник.

– Не извиняйся, милая. Ты правильно смеешься надо мной. Ты мне открыла глаза, давно было нужно.

– Я понятия не имела...

– Откуда тебе знать? Впрочем, мне совершенно до лампочки, что ты дразнишь меня чистоплюем. Клянусь, меня не задевает совсем, поэтому будь добра, не прекращай. – Он поднял ее подбородок и ослепил такой улыбкой, что она не смогла сопротивляться. – Ладно?

Сэм в ответ надула губы.

– Если тебе до лампочки, так в чем мне удовольствие?

Ник рассмеялся.

– Как же я люблю тебя, Саманта Холланд, со всей твоей сумасшедшей вывернутой логикой.

Желая наделить его всем, чего он когда-либо был лишен, и испытывая удовлетворение, слыша его смех, Сэм закрыла глаза и прижалась губами к его шее.

– Я тоже тебя люблю.

Глава 36

Такси остановилось перед отелем Willard Intercontinental, за два квартала до Белого дома на Пенсильвания-авеню.

– О'Конноры зарезервировали бальный зал, и там просто удивительная еда, – сказал Ник, в надежде убедить Сэм остаться на какое-то время.

– Мне действительно нужно работать.

– Знаю. Я просто эгоист – хочу, чтобы ты была рядом.

Сэм пристально посмотрела на него:

– Давай я уточню в управлении. Может, смогу остаться на пару минут.

Ник наблюдал за Самантой, пока она говорила по телефону, и думал о том, как бы хотелось отвезти ее домой, там вместе украсить рождественскую елку, которую он собирался купить. Ник никогда не заморачивался с елкой, но в этом году хотел, чтобы все было по-другому. Этот год был другим.

– Скоро буду, – коротко сказала Сэм, отключаясь. – Всего пару кварталов от Уилларда.

– Так ты сможешь поехать? – спросил Ник, когда Сэм положила телефон в карман.

Она заколебалась всего лишь на секунду:

– Конечно. Я мало что могу сделать, пока мы не засечем их.

Перед тем, как войти в отель, Сэм взяла Ника за руку:

– Ты знаешь, что так и будет?

– Как?

– Я буду всем сердцем хотеть быть рядом с тобой, особенно в такие дни, как этот, но часто мне нужно будет быть в другом месте.

Ник улыбнулся, тронутый, что в ней проглянула уязвимость:

– Я знаю, на что подписываюсь, милая.

– Правда? Ты уверен?

Что-то в ее тоне и выражении лица подсказало Нику, что такие отлучки были одной из проблем предыдущего ее брака. Он склонился, чтобы поцеловать Сэм:

– Я уверен. Мне жаль, что ты не можешь провести день со мной, но понимаю, что у тебя работа, которую ты должна выполнять. А в этом случае я лично заинтересован, чтобы ты довела дело до конца.

– Хорошо. – Сэм вздохнула с облегчением.

– Я никогда не буду донимать тебя из-за работы, Сэм, – сказал Ник и, приобняв ее за плечи, проводил внутрь.

– Не зарекайся. Работа может спутать нам планы, отпуска, обеды и ужины, сон...

– Я приложу все усилия, чтобы понять ситуацию, но мне всегда будет жаль расставаться с тобой.

Сэм посмотрела на него, и легкая улыбка озарила ее прекрасное лицо.

– Сегодня я хочу быть только с тобой.

– Я знаю, и это много значит для меня

Они оставили пальто в гардеробной и прошли в элегантный бальный зал, где Грэхем и Лейн приветствовали каждого входящего. Ник обнялся с обоими.

– Ты проделал великолепную работу, Ник, – произнесла Лейн, беря его за руки.

– Спасибо. – Ник глубоко восхищался аурой достоинства, которую эта женщина излучала даже в темнейшие времена своей жизни.

– Нет, тебе спасибо за все. Я не знаю, что бы мы делали без тебя эту неделю.

– Да не за что.

Лейн пожала руку Сэм:

– Спасибо за то, что пришли сегодня.

– Служба была красивая, – ответила та.

– Да, – согласилась Лейн. – Мне тоже так показалось.

– Прогресс есть? – спросил Грэхем.

– Небольшой, – проговорила Сэм. – Я скоро поеду на работу, надеюсь, что узнаю больше к концу дня. Буду держать вас в курсе.

– Будем очень благодарны, – ответил Грэхем. – Ник, поговорим через полчаса, хорошо?

– Разумеется. – Все еще обнимая Сэм за плечи, Ник направился к одной из барных стоек в углу. – Я знаю, что тебе непросто с ними общаться, поэтому спасибо за... за этот момент.

– Сейчас не время и не место устраивать разборки.

– Ты собираешься что-нибудь делать с тем, что они тебе лгали?

– А что это даст? Если бы они сказали мне правду, это сэкономило бы время. Я ничего не достигну, если предъявлю им претензии. – Она взглянула на О'Конноров, которые приветствовали сенатора из Вирджинии с женой. – Знаешь, мне их даже жаль.

– Из-за Джона?

– И из-за него тоже. Но также из-за того, что они упустили с Томасом. И ради чего?

– Мне интересно, жалеют ли они о том, что сделали? – сказал Ник, беря кофе для себя и содовую для Сэм.

– Они пожалеют, если мы сможем доказать, что мать Томаса убила Джона.

– Как же все запутано, – покачал головой Ник.

– Меня поражает, что люди думают, будто им удастся избежать возмездия при попытке спрятать ребенка. Такой секрет подобен бомбе замедленного действия, которая только и ждет, как бы взорваться.

– Так и есть. Я все время наблюдаю это в политике. Тайны, которые люди пытаются скрыть, взрываются прямо им в лицо во время какой-нибудь кампании.

Сэм окинула зал оценивающим взглядом:

– Интересно, где копы, которые должны защищать О'Конноров? Никого не вижу.

– Наверное, работают под прикрытием.

– Если в этой комнате был хотя бы один коп, я бы знала.

К ним приблизился Люсьен Хэверфилд, адвокат О'Конноров:

– Вот вы где, Ник. Я искал вас.

– Люсьен, рад видеть вас.

Ник пожал руку Хэверфилду и представил его Сэм.

– Вы произнесли замечательную речь на похоронах.

– Благодарю.

– Завещание огласят завтра в два часа дня в доме О'Конноров. Вы должны присутствовать.

– Почему? – удивленно поинтересовался Ник.

– Вы бенефициар.

– Но он завещал мне деньги, – запинаясь, пробормотал Ник. – Страховка. Приличная сумма.

– Вы сможете там быть в два? – спросил Люсьен, и было видно, что он не хочет раскрывать подробности до того, как зачитают завещание.

– Да, конечно.

– Отлично, – Люсьен похлопал Ника по плечу. – Тогда и увидимся.

– И что это было? – проговорил Ник.

– Думаю, завтра все узнаешь.

– М-да. – Он заметил, что Грэхем подает ему сигналы, и подвел Сэм к столику, за которым сенатор сидел с вирджинскими демократами.

– Мы бы хотели переговорить с вами наверху, если у вас есть пара минут, Ник – обратился к нему глава партии Джадсон Нотт.

– Конечно, – озадаченно посмотрев на Сэм, ответил Ник.

– Я... э-э-э... подожду тебя здесь, – сказала она.

– Вы можете присоединиться к нам, – предложил Грэхем.

Сэм взглянула на Ника, который пожал плечами, и согласилась:

– Хорошо.

Они последовали за политиками к лифту, затем прошли в апартаменты Авраама Линкольна. Ник на пару секунд задержался, чтобы осмотреть невероятные золотисто-голубые комнаты, подумывая, что было бы неплохо как-нибудь привести сюда Сэм. Хадсон подал ему небольшой бокал с бурбоном. Сэм отказалась от напитка. Ричард Мэннинг, вице-председатель партии, также присоединился к ним.

– В чем дело, джентльмены?

Они пригласили Ника и Сэм присесть за стол в столовой.

– У нас есть предложение для тебя, Ник, – произнес Джадсон.

Ник посмотрел сначала на Грэхема, потом на Сэм:

– И какое же?

– Мы хотим, чтобы ты доработал срок Джона, – сообщил Грэхем.

Ник чуть не поперхнулся бурбоном:

– Что? Я?

Сэм сжала его руку под столом.

– Да, ты, – подтвердил Джадсон.

– Но ведь у вас есть более подходящие люди! Как насчет Купера?

– У его жены недавно диагностировали рак груди третьей стадии. Он объявит о своей отставке из законодательных органов послезавтра.

– Мне жаль это слышать, – искренне произнес Ник. – А Мэйн?

– У него несколько лет была интрижка с учительницей сына, и вчера его жена подала на развод. Со дня на день эта новость появится в газетах.

– У партии проблемы, Ник, – протянул Мэннинг. – Нам нужен человек твоего уровня, чтобы подключиться сейчас и помочь нам продержаться до выборов в следующем году. Мы надеемся, что к тому времени жена Купера выздоровеет, и он сможет работать.

Ник не мог поверить, что они говорят серьезно. Он был не тем человеком. Он был тем, кто всегда находится рядом с нужным парнем.

Ник назвал имена еще десятка демократов, которых считал годными для этой задачи, но на каждого находились разные подробности из личной жизни, которые ему не столь уж хотелось знать. Эта ожидает двойню, тот гей, не проявляющий открыто свои наклонности – и желает таковым и остаться, у этого финансовые проблемы, та ухаживает за матерью, страдающей болезнью Альцгеймера. И так далее, и тому подобное.

– Послушайте, ребята, – у Ника закончился список кандидатов. – Я польщен вашим мнением обо мне...

– Сегодня утром ты задел чувствительную струнку, – объяснил Джадсон. – Своей речью о скромных началах. Ситуация благоприятная...

– Вы провели опрос на мою кандидатуру? – поразился Ник. – Уже?

– Ну конечно же, – казалось, Ричард оскорблен недоверием Ника. – Почти вся Вирджиния и большинство чиновников из Вашингтона наблюдали за похоронами. Ты произвел впечатление. – Ричард очаровательно улыбнулся Сэм: – Еще и ваши отношения с сержантом...

– Не вмешивайте ее в это, – отрезал Ник. – Не трогайте ее.

Грэхем облокотился на стол и наклонился к Нику:

– Ты знаешь, как все работает. Все средства хороши, включая личные данные. Но партия готова предоставить поддержку, если ты этого хочешь. К этому времени завтрашнего дня ты уже можешь стать сенатором Соединенных Штатов. Все, что тебе нужно, – согласиться, и это станет реальностью.

– И мы не говорим о популярности вашего имени, – добавил Ричард. – Дело в вашей энергичности, очевидной политической смекалке, общеизвестной связи с О'Коннорами и вашей привлекательности как кандидата, Ник. Губернатор Зорн считает, что это замечательная идея.

Сенатор Соединенных Штатов. В голове не укладывалось.

– Я не знаю, что сказать...

– Скажите «да».

– Не все так просто, – возразил Ник, думая о Сэм и их зарождавшихся отношениях. Выдержат ли они нагрузку, которую повлечет за собой работа политика? – Мне нужно подумать.

– Как долго? – поинтересовался Джадсон. – Губернатору не терпится приступить к действиям.

– Мне нужно несколько дней.

– Два, – ответил Джадсон. – отпразднуете Рождество, а потом нам нужен ответ.
– Зачем? – спросил Ник, начиная переживать из-за затянувшегося молчания Сэм и внезапной бледности ее щек.

– Черт, – сказал Джадсон. – Я слишком стар, чтобы придерживаться такого графика. И Ричард тоже. Нам хочется проводить свое время, играя в гольф и нянчась с внуками. Нам нужен кто-нибудь, похожий на тебя, чтобы пройти через эту стадию. Мы просим всего лишь один год, Ник. Дай согласие и до конца жизни будешь известен как сенатор Каппуано.

Ник чуть не рассмеялся этому абсурду. Джадсон и Ричард поднялись, собираясь уходить. Они пожали руку Грэхему.

– Сочувствую вашей утрате, сенатор, – проговорил Джадсон. Потом добавил, обращаясь к Нику: – Дайте мне знать о своем решении к двадцать шестому числу.

Ник кивнул и пожал им руки. Когда дверь с щелчком закрылась сенаторам вслед, он обернулся к Сэм и Грэхему.

– Что думаешь, Ник? – спросил Грэхем.

– Мне бы хотелось узнать, что об этом думает Сэм.

– Я... э-э-э... даже не знаю, что сказать.

Растерянный взгляд ее голубых глаз говорил о том, что она пребывает в смятении, и Ник решил подождать и все обсудить с ней наедине.

– Вы действительно считаете, что я могу справиться?

– Если бы я сомневался, мы бы здесь не сидели.

Ник какое-то время изучал собеседника:

– Это ваших рук дело, да?

– Я высказал предположение, что оптимальным кандидатом на этой пост будет человек, который знал Джона лучше всех, – пожал Грэхем плечами.

– Я не знал Джона так хорошо, как думал.

– Ты знал его так же хорошо, как и все.

Ник посмотрел на Сэм, ему хотелось бы знать, о чем она думала. Вне всяких сомнений, предложение потрясло ее, как и его. Вставая, он протянул руку Грэхему:

– Спасибо за эту возможность.

Грэхем ответил на рукопожатие:

– Я искренне верю в тебя, Ник Каппуано из Лоуэлла, штат Массачусетс. Я так гордился тобой сегодня. Ты стал чертовски замечательным человеком.

– Спасибо. Похвала из ваших уст много значит для меня.

Стук в дверь прервал это мужское единение.

Глава 37

– Я открою, – вызвался Ник.

Он неспешно дошел до двери, отворил ее и застыл при виде гостя. Юноши, как две капли воды похожего на Джона. Лишившись дара речи, Ник только таращился на парня. Тот дико шарил вокруг беспокойным взглядом, чем вызывал у Ника тревогу.

– Я Томас О'Коннор. Я так понимаю, здесь мой, гм, дедушка?

Спохватившись, Ник ответил:

– Да. Пожалуйста. Входите.

Провожая в гостиную молодого человека, Ник почувствовал, как иголки страха покалывают затылок – в точности как в тот день, когда, войдя в квартиру Джона, обнаружил его труп. Как заметил Ник, Сэм встала и настороженно следила за каждым движением Томаса, когда тот приближался к Грэхему.

– Кто вы такой? – спросил Томас у Ника.

Удивившись, что, по-видимому, парень не узнал ни его, ни Сэм, Ник ответил:

– Я Ник Каппуано, руководитель предвыборного штаба вашего отца, а это моя подруга Сэм.

Ник пристально посмотрел в глаза Сэм, мысленно заклиная ее подтвердить его слова. Пока не станет ясно, что нужно от Грэхема Томасу, тому не следует знать о профессии Сэм.

– Ты захватил меня врасплох, – наконец вымолвил Грэхем, смерив взглядом внука, которого не видел двадцать лет. С самого дня его рождения.

– Могу себе представить.

– Я думал, мы увидим тебя и твою мать на похоронах, – сказал Грэхем.

– У нее дела в Чикаго, она не смогла приехать, – сообщил Томас.

Сэм с Ником переглянулись, и он понял, что она почуяла неладное.

Томас повернулся к ним:

– Вы можете нас оставить. Я пришел повидаться с дедушкой.

– Все это хорошо, – сказал Ник. Покальвание в затылке усиливалось с каждой минутой. – Только нам некуда пойти.

Томас вытащил из кармана теплой куртки пистолет. Направив на Сэм и Ника, приказал:

– Тогда сядьте и заткнитесь. – И махнул дулом в сторону дивана.

– Томас, – позвал Ник, сделав к нему шаг, – ты ведь не хочешь стрелять. Что это изменит?

Молодой человек уставился на него еще более безумным и бегающим взглядом, чем прежде.

– Вы серьезно? Что это *изменит*? Да мой дед разрушил жизнь моей матери. Он выбросил ее как ненужный хлам, чтобы защитить свою политическую карьеру.

Сэм взяла Ника за руку и потянула к дивану, кивком пригласив его сесть с ней рядом.

Только они сели, как Томас повернулся к Грэхему:

– Вы заботились лишь о себе.

– Неправда. Я заботился о твоём отце и о тебе тоже. Посылал деньги. Все эти годы. Хотел, чтобы у тебя было все, что нужно.

– Все, кроме отца и семьи! Вы все забрали у нас. Он проводил с нами один вшивый уик-энд в месяц, а вы знаете, что он делал все остальное время? Трахал напропалую всех тупых сук в Вашингтоне.

Сердце Ника замирало, когда он наблюдал, как дергается рука Томаса с пистолетом.

Сэм ткнула Ника ногой, чтобы привлечь его внимание.

Он увидел, что она приподняла брючину, и там обнаружилась маленькая кобура, пристегнутая к щиколотке.

Сэм сунула оружие ему в руку, вытянула тайком свой пистолет из наплечной кобуры и спрятала за полой пиджака на случай, если Томас повернется к ним. Беззвучно сказав «жди», пальцем показала, что Ник должен кинуться вправо, а она уйдет влево.

Он кивнул, дав знать, что понял.

– А вы знаете, что он заявил мне пару недель назад, когда я познакомил его со своей девушкой? Он посоветовал мне не «связываться» с одной женщиной. Дескать, мужчине нужно «разнообразие», это типа «придает жизни остроту». Вот такой доверительный разговор между сыном и отцом. И вдруг до меня дошло, что он изменял моей матери. Она всю жизнь ждала его. Даже когда вы сослали ее, мама больше ничем не занималась, только ждала его и подбирала подачки, которые он бросал нам время от времени. А потом он приезжает и заявляет нам, что собирается избираться на следующий срок! И еще ждет, что мы будем в *восторге* от таких грандиозных новостей. А ведь обещал нам, что пробудет один срок. Один срок ради вас, его любимого отца. А потом настанет наша очередь. Он лгал. *Все ложь!*

– Он тебя любил.

– Нет, он любил *вас*! Только до вас ему и было дело.

– Ты убил его, – сошел на шепот Грэхем. – Ты убил моего сына.

– Он это заслужил! Он был похотливым *козлом*! У меня есть отчет от частного сыщика. Вам стоит взглянуть, что отец натворил за какие-то две недели. Настоящая мерзость.

– Это не значит, что он заслужил смерть, – возразил Грэхем. – И Натали не заслужила того, что ты проделал с ней.

Томас действовал так быстро, что Сэм и Ник не успели среагировать, чтобы остановить его, когда он ударил старика рукоятью пистолета.

Грэхем упал, из раны во лбу полилась кровь.

– Вставай! – заорал Томас. – Вставай и прими наказание как мужчина!

– Ты говоришь о мужском достоинстве?! – крикнул в ответ Грэхем. – Но разве настоящий мужчина насилует и убивает женщин?

Сэм удержала Ника, подав знак, чтобы погодил минуту.

– Я отплатил им за то, что они сделали с моей матерью. Они получили то, что заслужили.

– Ты чудовище, – прошептал Грэхем, слабея от потери крови.

Томас нацелил пистолет в грудь деда.

Сэм подала знак Нику, подняв вверх большой палец.

Они бросились сзади на Томаса, опрокинули его, каждый со своей стороны приставил дуло к виску убийцы и в унисон приказали:

– Не двигаться.

Сэм посмотрела на Ника.

– Дальше я сама справлюсь. – Она меньше чем за секунду разоружила Томаса, надела на него наручники и уложила на пол. Свободной рукой сняла с пояса рацию и вызвала поддержку.

– *Что за черт?* – дергаясь, вопил Томас. – Так ты сраный *коп*?

– Сюрприз, – не удержавшись от улыбки, вызванной адреналином, произнес Ник. Он всегда вдохновлялся, наблюдая за работой Сэм. – Познакомьтесь с моей «подругой», детективом-сержантом Городской полиции Сэм Холланд. Изредка стоит читать газеты.

– *Ах ты тварь!*

– Поговори мне, дружочек. – Сэм усилила хватку. – Ты арестован за убийство Джона О’Коннора, Тары Давенпорт, Натали и Ноэля Джорданов. У тебя есть право хранить молчание...

Ник сидел рядом с Грэхемом, пока Сэм вытаскивала Томаса из комнаты и передавала Гонзо, чтобы увезти в управление. Ник прижимал платок к ране на голове старика.

У того по щекам катились слезы.

– Это моя вина. Из-за меня Джон вынужден был вести двойную жизнь.

– Вы поступили тогда так, как считали нужным. Мы все так иной раз делаем.

– Найдите Лейн. Я хочу ее видеть.

– Как только вас заберут медики, я привезу ее в больницу.

– Позвоните Люсьену, – попросил Грэхем. – Пусть найдет лучшего адвоката Томасу.

– Вы серьезно? – удивился Ник.

– Он мой *внук*. До убийства его довело то, что я сделал ему и его матери. – Грэхем закрыл глаза, судорожно вздохнув. – Позвони.

В душе не согласившись, Ник все же пообещал:

– Я позабочусь обо всем. – Потом потрепал Грэхема по плечу. – Постарайтесь ни о чем не думать.

– Из тебя получится выдающийся сенатор.

– Я еще не дал согласие.

– Дашь.

Старик держал Ника за руку, пока не появились медики и не увезли пострадавшего в больницу.

Когда «скорая» уехала, Сэм вернулась в зал.

– Ого, – сказал Ник. – Это было что-то.

Ее прекрасное лицо осветила дерзкая усмешка.

– Очередной рабочий день.

– Для тебя - да.

– Для новичка ты был хорош.

– Боже, спасибо. – Ник отер пот со лба, ноги еще дрожали. – Ты позвонила в Чикаго проверить Патрицию?

– К ней уже едут, пока мы говорим. В бумажнике Томаса нашли ее кредитную карту.

– Мне ее жаль, – признался Ник. – Потерять сразу обоих.

– Да, ситуация грустная, но его адвокат, наверно, будет настаивать на том, чтобы признать парня невменяемым.

– Он ведь собирался нас всех убить? Вот почему все нам выложил.

– Подозреваю, что он так решил, когда мы настояли на том, чтобы остаться.

Поверить не могу, что сразу не поняла, кто убийца. Грешила на неудавшийся роман.

– Ну, правда недалеко оказалась от твоей версии.

– Да, пожалуй, ты прав.

– Рад, что мы были здесь, когда Томас пришел за Грэхемом. – Ника передернуло. – Даже думать не хочу, что могло случиться.

– Наверно, лучше тебе и не думать.

Ник обнял Сэм за плечи.

– Нам нужно поговорить о том, что произошло до того, как появился мальчишка.

– Позже. – Сэм оттолкнула его бедром. – Никаких нежностей на людях.

Ник шлепнул ее по ягодицам:

– Наплевать.

Она попыталась грозно посмотреть на него, но потерпела неудачу.

– А знаешь, мы с тобой хорошая команда, – заявил Ник.

– Если ты будешь помнить, кто главный.

Ник с превеликим удовольствием, обнимая Сэм, провел ее по коридору под гиканье и смех копов. Даже тычок локтем в ребра не уменьшил его эйфорию – Сэм была тут, при нем, а убийцу Джона увезли в наручниках.

Очувшись в лифте, она посмотрела на Ника полным любви взглядом.

– Спасибо, что прикрыл мне спину.

Притянув ее себе, он поцеловал ее в щеку, а потом в губы.

– Саманта, я всегда тебя прикрою.

Эпилог

В канун Рождества часов в пять вечера Ник пришел домой после чтения завещания Джона и отправился сразу в кухню. Там вытащил бутылку виски, которую держал еще для покойного друга, налил полстакана и залпом выпил. Напиток ожег желудок. Налив еще немного, Ник взял стакан и прошел в гостиную, где стояла ненаряженная двухметровая ель. Под деревом лежали шесть приготовленных для Сэм подарков в яркой праздничной упаковке.

Она не звонила весь день, а после того, как они наконец добрались домой и она отказалась обсуждать предложение вирджинских демократов, у Ника возникли серьезные опасения, что Сэм не сдержит обещание провести с ним вечер. Она даже не позвонила

Нику, чтобы сообщить, что Маркус Джонсон был возвращен под стражу без проволочек. Ник узнал об этом из новостей.

Все еще надеясь, что Сэм сдержит обещание провести с ним вечер сочельника, Ник отправился в кухню приготовить ужин, продукты для которого закупил заранее. К девяти часам паста приобрела вид резины, и Ник махнул на Сэм рукой. Неужели ее *так* ошеломило предложение, которое ему сделали? Разве не понимает, что если *она* не одобрит, то он его не примет? Разочарование смешивалось с неверием.

Ник потянулся с дивана за еще одним глотком виски. Ненаряженное дерево колело глаза, служа напоминанием провала планов на этот вечер. Без Сэм какой был смысл в елке? Что вообще имело смысл?

Должно быть, Ник задремал, потому что час спустя мгновенно пробудился от звонка в дверь. В сердце вспыхнула надежда, когда он вставал, чтобы открыть. Ник распахнул дверь. Перед ним стояла Сэм.

– Привет, – поздоровался он.

– Привет.

– Я думал, ты не придешь.

– Чуть было не передумала.

Ник отступил, пропуская Сэм, и взял ее пальто.

– Чем пахнет? – спросила она. – Ты что-то приготовил?

– Ничего особенного, – пожал плечами Ник.

– Мне что-нибудь осталось?

– Да все.

– Ты что, вообще не ел?

– Ждал тебя.

Прижавшись к нему, Сэм сказала:

– Прости. Я совершенно измучилась, не знаю, как со всем справиться.

Ник притянул ее ближе, испытывая облегчение, что снова обнимает Сэм после целого дня неопределенности. Легко поцеловал в губы.

– Расскажи, что у тебя на душе, Саманта. Расскажи правду.

Она взглянула на него голубыми глазами, которые он так любил.

– Я тебе в тягость. Неорганизованная, горластая, ругаюсь, иногда лгу во спасение, не то чтобы специально, но часто выскакивает, я и подумать не успею. У меня дислексия, бесплодие, и больной желудок досаждают. И каждый день общаюсь с милыми людьми: наркоторговцами, проститутками, убийцами, насильниками. Потерпела полное фиаско с Джонсонами, а мой бывший муж отправлен в тюрьму.

Несмотря на то, что Ника повеселила ее речь, он знал, что Сэм до ужаса серьезна, и потому спрятал улыбку.

– Ты не виновата. Он сам пытался убить нас обоих.

– Что только дает повод людям задуматься, что за женщина могла выйти за такого придурка замуж. Меня будут осуждать. И заодно тебя. Будут перемалывать языками случай с Джонсонами и любой неприятный случай, с которым я имела дело, а они в большинстве такие. На тебе это плохо отразится.

– Я не ввязываюсь навечно, Сэм. Меня задействуют только на год и все.

Покусывая нижнюю губу, Сэм размышляла.

– После того, что случилось на этой неделе, мы привлекли внимание всех СМИ.

– Я смогу с этим справиться, если ты сможешь.

– Терпеть не могу создавать тебе неприятности. Просто ненавижу.

– И с этим я могу справиться.

Сэм положила руки ему на плечи.

– Ты ведь хочешь эту работу?

Я и прежде жил прекрасно. Если я скажу «нет», прекрасно проживу и дальше.

– Это не ответ на мой вопрос.

– Я ведь о таком никогда не мечтал, а до вчерашнего дня даже не рассматривал подобный исход дела.

– Папа и Фредди считают, что это круто, – с застенчивой улыбкой призналась Сэм. – Они уверяют, что у нас все получится. Папа даже думает, что это может стать «великим приключением».

Ее скептическое ворчание показалось Нику очаровательным.

– Они умные мужики. Тебе стоит их послушать.

Подняв взгляд, она попросила:

– Давай поедём? Весь день ничего не ела. Умираю с голоду.

Ник решил не испытывать судьбу, пока Сэм в своей манере ходит вокруг да около и не может никак решить.

– Конечно.

– Ой! – воскликнула Сэм по дороге к кухне. – У тебя елка!

– Я же говорил, что собираюсь купить.

– И когда ты только время нашёл?

– Да сегодня утром наравне с другими делами.

– Какими делами?

– Вот немного рождественских покупок сделал, – с таинственной улыбкой ответил Ник, наливая ей бокал вина. – И приобретал кое-какую недвижимость. – Сэм в замешательстве свела брови. Ник наложил ей феттуччини с креветочным соусом «Альфредо» и поставил какой-то накрошенный салат. – Ты ведь говорила, что не сможешь здесь жить, помнишь?

– Ух ты! – Сэм как голодающая, что, в общем, было недалеко от истины, накинулась на еду. – Ты никогда не говорил, что умеешь так готовить! Изумительно!

– А ты никогда не спрашивала. Рад, что тебе понравилось. – Он зажег свечи и сел напротив Сэм. – И раз уж ты не можешь поселиться здесь, то я купил дом в центре.

– Какой дом ты купил? – спросила изумленно Сэм.

– Тот, что продавался вверх по улице от вашего дома. Посмотрел его в воскресенье, когда ты была на работе. Предложил цену сегодня утром, они согласились. После Рождества встречаюсь с риэлтором, чтобы оформить покупку.

– Прямо вот так сразу?

Сэм откинулась на стуле и уставилась на Ника.

– Я знал, что ты хочешь жить поближе к отцу и работе.

– А от тебя не требуется сохранить место жительства в Вирджинии?

Будь он сенатором, это было бы желательно, но не обязательно.

– Джон обо всем позаботился. Он оставил мне свой коттедж. Вот почему они хотели, чтобы я присутствовал на чтении завещания.

У Сэм выступили на глазах слезы.

– Ник... Как замечательно. Тебе там нравится.

– Я очень удивился и, вообще-то, обрадовался.

Он взял ее за руку и поднес к губам.

– Как дела у Грэхема?

– Уже лучше. Сегодня его отпускают домой, если давление нормализуется.

– Здорово.

– Мне их очень жаль. Им предстоит долгая дорога, чтобы примириться со всем этим.

И средства информации подняли шум вокруг незаконного сына Джона.

– Им просто стоит начать все с чистого листа.

– Наверно, так и поступят. Лейн просила передать тебе, что очень сожалеет о том, что они солгали насчет Томаса. Она призналась, что запаниковала, увидев у тебя фото.

– Все это в прошлом. Уже проехали.

Закончив трапезу, Ник взял их бокалы с вином и повел Сэм к дивану.

– У Джона было много тайн. Черт, до сегодняшнего дня, пока адвокат не стал делить его миллионы, я понятия не имел, каким бешеным богатством наделила Джона продажа его бизнеса. Джон многое скрывал, но он любил отца. Очень сильно. Несмотря ни на что. Он любил его.

– Могу понять. Я бы многое простила своему отцу, так уж я люблю его.

– Тебе повезло с ним.

– Я знаю.

Ник изучил столь дорогое ему лицо.

– Что мы будем делать, Сэм?

– Ну, сегодня мы собираемся украсить эту елку. – Она устремила взгляд на дерево, потом увидела под ним подарки. – А это что?

– Подарки за каждый пропущенный нами год.

От радости Сэм запрыгнула на колени к Нику.

– Как невероятно мило. – Ник притянул ее ближе. – Завтра, – начала она, целуя его в губы, – мы идем на ужин к Трейси. А послезавтра ты скажешь своим вирджинским демократам, что станешь их новым сенатором.

Ник взял ее лицо в ладони.

– Правда?

– Ведь только на год?

– Один год.

– Это перевернет нашу жизнь с ног на голову. Ты ведь понимаешь?

– Люблю небольшую суету и беспорядок, – лукаво ухмыльнулся Ник. – Только ради этого и живу.

Сэм улыбнулась.

– Значит, мы, правда, на это согласимся?

– Да.

– Я люблю вас, сенатор Каппуано.

– Я люблю вас, лейтенант Холланд. Счастливого Рождества.

– И вам того же. – Сэм прислонилась к его лбу лбом и посмотрела в глаза. –

Грандиозный новый год предстоит.

– Жду не дождусь.